

ISSN 2618-9453

**ВЬЕТНАМСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ**
The Russian Journal of
Vietnamese Studies

№ 2. 2020

Федеральное государственное бюджетное
учреждение науки
Институт Дальнего Востока
Российской академии наук
www.ifes-ras.ru

Электронный научный журнал «Вьетнамские исследования» издаётся четыре раза в год (ежеквартально) с 2018 г. Журнал носит междисциплинарный характер и охватывает различные сферы вьетнамоведческих исследований: политику, экономику, общество, историю, культуру, филологию и др. Все статьи рецензируются.

Учредитель: ИДВ РАН. URL: <http://www.ifes-ras.ru/vs>

Свидетельство о регистрации СМИ: ЭЛ № ФС 77–73494

Входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Входит в Научную электронную библиотеку «КиберЛенинка».

Входит в Web of Science– Emerging Sources Citation Index (ESCI)

Главный редактор: Мазырин В.М., д.э.н.

Редакционная коллегия: Аносова Л.А., д.э.н.; Григорьева Н.В., к.и.н.; Канаев Е.А., д.и.н.; Колотов В.Н., д.и.н.; Малетин Н.П., д.и.н.; Рязанцев С.В., чл- корр. РАН, д.э.н.; Соколовский А.Я., к.филол.н.; Федорин А.Л., д.и.н.; Цветов П.Ю., к.и.н.

Редакционный совет: Деопик Д.В., д.и.н., профессор; Лузянин С.Г., д.и.н., профессор, председатель; Михоко Като, профессор (Япония); Ву Тхюи Чанг, профессор (Вьетнам); Мосяков Д.В., д.и.н., профессор; Петрасяк Малгожата, профессор (Польша); Сумский В.В., д.и.н.; Тэйер Карлайл, профессор (США); Фьорд Адам, профессор (Австралия); Бенуа де Треглоде, профессор (Франция); Стори Ян, главный редактор журнала “Contemporary SouthEastAsia” (Сингапур).

Редакция: Никулина Е.В. (зав. редакцией), Иванова Н.И., Ларин В.П., Ковалевская К.А.

Адрес: Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32. ИДВ РАН

• E-mail: vietnamjournal@yandex.ru

• Тел.: +7 (499) 124 08 33

Информация для авторов: <http://www.ifes-ras.ru/vs/requirements>

© Коллектив авторов, 2020

© ИДВ РАН, 2020

Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов.

ISSN 2618-9453

Отрасли науки:

- 07.00.00
Исторические науки и археология
- 08.00.00
Экономические науки
- 10.00.00
Филологические науки (группы специальностей:
10.01.00
Литературоведение;
10.02.00
Языкознание)
- 22.00.00
Социологические науки
- 23.00.00
Политология
- 24.00.00
Культурология

СОДЕРЖАНИЕ

НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Внутриполитические процессы и внешняя политика

<i>Локишин Г.М.</i> Правовой спор в Южно-Китайском море: третий раунд	5
<i>Фьорд Адам.</i> Внутренняя политика КПВ и наследие отношений КПВ с КПСС: некоторые гипотезы (англ. яз.).....	18

Социально-экономическое развитие

<i>Данг Хоанг Линь.</i> Основные направления международной интеграции Вьетнама в торговле до 2030 г. (англ. яз.).....	27
<i>Нгуен Тхи Люен.</i> «Социализация» образования в период Обновления во Вьетнаме (англ. яз.).....	37
<i>Григорьева Н.В., Шалимова С.В.</i> Этнические вьетнамцы (цзин) в Китае: история изучения и актуальные социокультурные процессы.....	47

История и культура

<i>Чан Тхи Фыонг Хоа.</i> Роль интеллигенции и движение пролетариата на раннем этапе распространения марксизма во Вьетнаме (1928–1930 гг.) (англ. яз.).....	58
<i>Ты Тхи Лоан.</i> Влияние Интернета на культурную трансформацию современных пользователей Сети во Вьетнаме.....	69

Филология

<i>Тюменева Е.И., Соколова Н.Ф.</i> Характеристика словарного состава исконной лексической системы вьетнамского языка.....	80
--	----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

О вьетнамской научной конференции «Наследие В.И. Ленина: теоретические и практические ценности».....	91
--	----

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

Письмо Фам Ван Донга Чжоу Энляю.....	95
Текст телефонных переговоров президента России Владимира Путина с генеральным секретарём ЦК КПВ, президентом СРВ Нгуен Фу Чонгом.....	98

КНИЖНАЯ ПОЛКА

<i>Цветов П.Ю.</i> Sensация, которой не могло быть. Рецензия на книгу Д.Д. Зусмановича «Неизвестный Хо Ши Мин».....	100
--	-----

CONTENTS

SCIENTIFIC RESEARCH

Inward political processes and foreign policy

Lokshin G.M. A legal dispute in South China Sea: third round5

Fforde Adam. The VCP internal policy and possible legacies of the VCP–CPSU relationship: some hypotheses.....18

Socio-economic development

Dang Hoang Linh. Main trends of Vietnam’s international integration in trade up to 2030.....27

Nguyen Thi Luyen. “Socialization” of education during the period of Renovation in Vietnam.....37

Grigorieva N.V., Shalimova S.V. The ethnic Vietnamese (Jing) in China: critical analysis of research literature and current socio-cultural dynamics.....47

History and culture

Tran Thi Phuong Hoa. Legitimizing intellectual leadership in proletarianization movement in early formation of the Vietnamese Marxism, 1928–1930.....58

Tu Thi Loan. The impact of the Internet on the cultural transformation of modern network users in Vietnam.....69

Philology

Tyumeneva E.I., Sokolova N.F. Characteristics of the vocabulary of the native lexical system of the Vietnamese language.....80

ACADEMIC EVENTS

The scientific conference in Vietnam on “The legacy of V.I. Lenin: theoretical and practical values”..... 91

OFFICIAL DOCUMENTS

Letter of Pham Van Dong to Zhou Enlai..... 95

Text of telephone negotiations by Russian President Vladimir Putin with the Secretary General of the CPV Central Committee, SRV President Nguyen Phu Trong.....98

BOOK REVIEW

Tsvetov P.Yu. A sensation that could not be caused. Review of “Unknown Ho Chi Minh” by D.D.Zusmanovich.....100

НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

DOI: 10.24411/2618-9453-2020-10011

Г.М. Локшин ПРАВОВОЙ СПОР В ЮЖНО-КИТАЙСКОМ МОРЕ: ТРЕТИЙ РАУНД

Аннотация. Статья посвящена анализу обстановки вокруг Южно-Китайского моря в первой половине 2020 г. и показывает, как она изменилась в результате активизации действий Китая, вызвавших новый виток правового спора между ним и прибрежными странами АСЕАН. Обнаружено, что в условиях, когда китайская экономическая, военная и дипломатическая активность вышла на принципиально новый уровень, страны ЮВА вынесли свой спор с КНР за рамки двусторонних отношений, подняв его на уровень ООН. Раскрыта конкретная позиция четырёх стран АСЕАН – Вьетнама, Филиппин, Малайзии и Индонезии, которые, несмотря на различия в оценках политики Пекина в ЮКМ, выступили против нее единым фронтом, апеллируя к вердикту Постоянного арбитражного суда в Гааге от 12 июля 2016 г. как к важному источнику международного права. Также рассмотрена позиция США, фактически играющая в поддержку Вьетнаму.

Ключевые слова: пандемия Covid-19, Южно-Китайское море, Конвенция ООН 1982 г. по морскому праву, Постоянный арбитражный суд, правовой спор, «линия из 9 отрезков», пять стран ЮВА, Китай, США

G.M. Lokshin A LEGAL DISPUTE IN SOUTH CHINA SEA: THIRD ROUND

Abstract. The article analyzes the situation in the South China Sea region in the first half of 2020 and shows how it changed as a result of the intensification of China's actions, which caused a new round of legal dispute between it and the ASEAN coastal countries. It was found that in conditions when Chinese economic, military and diplomatic expansion has reached a fundamentally new level, the Southeast Asian countries took their dispute with the PRC beyond the framework of bilateral relations, raising it to the UN level. The specific position of four ASEAN countries – Vietnam, the Philippines, Malaysia and Indonesia— is revealed, which, despite differences in assessments of Beijing's policy in the SCM, opposed it as a united front, appealing to the verdict of the Permanent Court of Arbitration in The Hague on July 12, 2016 as an important source of international law. The position of the United States, which actually plays in support of Vietnam, is also considered.

Key words: Covid-19 pandemic, South China Sea, UN Convention on the law of the sea, The Permanent Court of Arbitration, legal dispute, «line of 9 segments».

Введение

В данной статье автор попытался дать анализ последних событий в регионе ЮКМ с целью объективно показать сильные и слабые аргументы в позициях спорящих по территориальным вопросам сторон. При этом проверена гипотеза о принципиальной возможности мирного разрешения конфликта путём переговоров при наличии политической воли и при условии сохранения этого спора в правовом поле.

При очевидной актуальности данной проблемы для Вьетнама и других государств ЮВА, соседствующих с Китаем, она имеет более широкое международное звучание, представляя потенциальную угрозу региональной и даже мировой безопасности. В практическом плане данное исследование призвано содействовать формированию общественного мнения в нашей стране по поводу опасной ситуации, складывающейся не так далеко от дальневосточных границ России.

ЮКМ, действительно, стало опасным очагом международной напряженности. Ставки для всех заинтересованных сторон здесь высоки: экономические ресурсы моря (углеводороды, рыба и другие) и транзитные пути через него имеют важнейшее значение для их экономик.

Сложившуюся в этом регионе обстановку определяют отношения Соединенных Штатов и Китая – двух крупнейших мировых держав, которые находятся в состоянии политического, а постепенно и военного соперничества при неразрывной финансово-экономической зависимости друг от друга. Обе сверхдержавы считают ЮКМ своей подконтрольной территорией. "Старый" лидер (США) яростно борется за сохранение до недавнего времени господствующих позиций, а новый, "молодой" (Китай) не менее энергично пытается вытеснить оттуда США и занять их место. Это всё больше превращает ЮКМ в один из самых конфликтных регионов мира, где сталкиваются и налагаются друг на друга территориальные требования Китая, Вьетнама, Филиппин, а также Малайзии, Брунея и Индонезии.

Продолжающееся отсутствие нормативного правового статуса ЮКМ ведет к острым юридическим спорам, дипломатическим конфликтам и множеству опасных инцидентов. Спор идет по трём главным вопросам: разграничение исключительных экономических зон (далее ИЭЗ) и континентального шельфа; суверенитет над островами; свобода навигации и эксплуатация ресурсов моря в ИЭЗ и у архипелагов. От решения этого спора зависит не только сохранение мирного внешнего окружения, суверенитет, территориальная целостность, но и энергетическая и продовольственная безопасность Вьетнама и других прибрежных стран АСЕАН. В связи с этим поиск справедливого и устраивающего все стороны решения конфликта в ЮКМ **на основе международного права** является исключительно актуальной и важной задачей для всего мирового сообщества.

Методологическую основу исследования составляют общенаучные методы системного и комплексного анализа происходивших событий и содержания принятых политических документов. Они предполагают объективность подхода к рассматриваемой проблеме. Она состоит в том, что, признавая важность стратегического партнёрства РФ с Китаем, автор вместе с тем руководствовался выводом академика М.Л. Титаренко о том, что *«необходимо отслеживать и негативные моменты, которые тоже наличествуют в политике КНР – прежде всего, усиление националистических настроений»* [Лузянин 2018: 20].

Вклад в осмысление данной проблемы состоит в рассмотрении формирующейся геополитической обстановки в ЮКМ в свете последних событий, которые пока не получили

отражения ни в российских СМИ, ни в научных работах российских авторов. Вместе с тем автор опирался на предыдущие индивидуальные и коллективные издания сотрудников Центра изучения Вьетнама и АСЕАН ИДВ РАН, затрагивающие данную тематику¹.

Также проанализированы и учтены выводы и оценки авторитетных зарубежных политиков и ученых, таких как премьер-министр Сингапура Ли Сяньлун [Lee Hsien Loong: 30.10.2017], австралийский эксперт К. Тэйер [Thayer: 27.05.2019], профессор Александр Вувинг из американского Центра исследований безопасности в АТР [Quiet Diplomacy: 29.05.2020], профессор Нгуен Ба Шон [Nguyễn Bá Sơn: 17.05.2020], директор китайского государственного института исследования ЮКМ (NISCSS) профессор Шикун Ву [Wu 2013]. Применены важные практические и методологические рекомендации по проблематике ЮКМ, отмеченные на международном семинаре 29 апреля 2020 г. в Джакарте, организованном индонезийским отделением американского Центра стратегических и международных исследований [CSIS Event Report: 29.04.2020]. Использованы тематические статьи, опубликованные в электронном журнале «Вьетнамские исследования» [Локшин 2018; Thayer 2018; de Tréglodé 2019].

ЮКМ в новых условиях

Страны АСЕАН в последнее время столкнулись с несколькими проблемами одновременно. Наряду с распространением пандемии Covid-19 им приходится иметь дело с другими нетрадиционными угрозами и защищать свои суверенные права в акватории Южно-Китайского моря (ЮКМ). У границ ряда стран ЮВА наблюдается массовое появление нелегальных мигрантов. Так, например, малазийский флот и авиация заняты недопущением на свою территорию сотен тысяч беженцев народности рохинджа, спасающихся от репрессий в Мьянме. В разных местах хозяйничают морские пираты и террористы, которым удалось вернуться на родину с Ближнего Востока. На юге Таиланда и Филиппин активизировались экстремистские группировки исламистов.

В условиях противостояния США и Китая политические элиты стран АСЕАН чувствуют себя крайне некомфортно. Их исторический опыт предупреждает: все конфликты когда-то разрешаются, поэтому, если США и Китай заключат сделку друг с другом, то вряд ли им от этого станет лучше. Великие державы всегда пытаются заставить заплатить за неё малые и средние страны, являются они их союзниками или нет.

В связи с началом пандемии Covid-19 руководство прибрежных стран АСЕАН ожидало, что Китай понизит свою активность в ЮКМ. В первые месяцы 2020 г. некоторое затишье, действительно, наступило. Это, правда, не помешало Пекину ввести в строй две якобы научно-исследовательские станции на превращённых в искусственные острова рифах Огненный крест и Суби в архипелаге Спратли, по словам китайских представителей, предназначенные для изучения экологии моря и строения рифов. Однако большинство экспертов убеждены, что станции служат военным целям, прежде всего для установки новых электронных средств слежения за подводными лодками противника и создания коридоров для прохождения своих подводных лодок, базирующихся в Санья на о-ве Хайнань. На этих рифах были также развернуты противокорабельные и противовоздушные ракеты. 26 марта 2020 г. МИД СРВ заявил протест против строительства станций на принадлежащих Вьетнаму рифах и

¹ См. подробнее: [Локшин 2013; Пути укрепления безопасности 2015; Локшин, Кобелев, Мазырин 2019].

потребовал уважать его суверенитет и не допускать действий, осложняющих обстановку и угрожающих миру в ЮКМ [Bắc Kinh: 05.04.2020].

Все последовавшие действия Китая в ЮКМ свидетельствуют, что никакие события или проблемы не отвлекли китайские власти от их планов в этом регионе. Китайская экономическая, военная и дипломатическая экспансия начала выходить на принципиально новый уровень.

С марта 2020 г. КНР возобновила заходы крупных геологоразведочных судов в сопровождении полувоенных кораблей в исключительные экономические зоны (ИЭЗ) Вьетнама и Малайзии, направление сотен китайских рыболовных судов в ИЭЗ Филиппин и Индонезии. 10 марта 2020 г. Минсельхоз КНР в очередной раз в одностороннем порядке объявил запрет на рыбную ловлю в ЮКМ севернее 12° с. ш. с 1 мая по 1 сентября. При этом в постановлении говорится, что китайские рыболовные суда, имеющие разрешение на промысел в районе архипелага Спратли (рис.1), могут продолжать лов. Так что запрет распространяется только на иностранных рыбаков. Для наблюдения и контроля за ними намечено в 2–3 раза увеличить количество рейсов кораблей китайской морской охраны [Nhìn lại những hành động: 15.04.2020].

Китай также запустил новый проект под названием «Открытое море 2020» на период с 1 апреля до 30 ноября 2020 г. Он ставит задачу положить конец всем «нарушениям» китайского законодательства в таких областях, как промысел морепродуктов, добыча нефти и газа, строительство различных объектов, добыча песка и другие подобные действия [Permal: 04.20.2020].

Все прибрежные страны заявили протест против моратория. Вьетнам, например, призвал все рыболовецкие кооперативы продолжать промысел в своих традиционных местах лова, пообещав им необходимую охрану. Но уже 2 апреля китайский сторожевой корабль, преследуя вьетнамский рыболовный траулер около о-ва Фулам Парасельского архипелага, вытеснил его на подводные рифы, в результате чего траулер затонул, а 10 членов экипажа спасли другие вьетнамские рыбаки. Вьетнам заявил решительный протест по этому поводу, требуя расследования и наказания виновных. Китайская сторона ответила, что вьетнамский экипаж сам был виноват в столкновении, и явно издевательски потребовала от Ханоя лучше учить своих рыбаков.

В поддержку Вьетнама высказалась Манила. 8 апреля МИД Филиппин сделал заявление, в котором выразил серьезную озабоченность инцидентом с вьетнамскими рыбаками. Такие действия китайских властей, говорилось в нём, приведут к серьезному осложнению отношений стран ЮВА с Китаем. Протест СРВ против потопления рыболовного судна у Парасельских островов поддержала также Малайзия.

18 апреля 2020 г. Китай объявил о создании двух административных районов, включающих все острова и подчиненных административному центру Тамша, созданному в 2012 г. на самом большом острове Парасельского архипелага Фулам. Один район под названием Тэйша был образован на самом о-ве Фулам, а второй под названием Намша – на рифе Огненный крест к востоку от архипелага Спратли, который принадлежал Вьетнаму, но в 1988 г. был с боем занят китайским десантом. Образование этих административных районов означает продвижение доктрины, известной под названием *Ты ша* (Четыре острова). Она провозглашает все четыре группы островов ЮКМ (Пратас, Параселлы, Спратли и Мэксельфильд) единым архипелагом, от базовых береговых линий которого надо отсчитывать границу территориальных вод, ИЭЗ и континентальный шельф Китая. При этом Пекин не

обращает внимания на то, что все эти рифы, скалы и отмели фактически находятся под водой, а каждая из этих групп островов не является территорией, вокруг которой можно проводить базовую береговую линию. Эта доктрина вновь служит оправданию «линии из 9 отрезков», признанной незаконной вердиктом Постоянной палаты третейского суда (Permanent Court of Arbitration, PCA)² в Гааге в 2016 г.

Рис.1. Карта Южно-Китайского моря

Одновременно Министерство гражданской администрации КНР присвоило китайские названия 25 коралловым рифам и 55 другим безлюдным объектам, находящимся в пределах пресловутой «линии из 9 отрезков» на карте ЮКМ, придав им в одностороннем порядке статус островов, который они не могли иметь по обязательным критериям Конвенции ООН 1982 г. Цель была в том, чтобы заявить права на администрирование этих затопляемых клочков суши. Подобные действия нужны Китаю на будущее для подтверждения своего суверенитета в случае обращения в международные суды других претендентов, нацелены на то, чтобы запугать соседние государства и не допустить разработки ими месторождений углеводородов на своём шельфе с участием внерегиональных государств.

Профессор Александр Вувинг из американского Центра исследований безопасности в АТР в этой связи заметил: «Очень похоже, что, несмотря на все меры против пандемии COVID -19, Китай не забыл о своих долгосрочных стратегических целях. Пекин хочет создать ситуацию «новой нормальности» в ЮКМ. Чтобы добиться этого, он предпринимает всё более агрессивные действия» [Quiet Diplomacy: 29.05.2020].

² ПСА создан в соответствии с Приложением VII Конвенции ООН 1982 г. по морскому праву.

Действительно, Пекин полон решимости установить полный контроль над всей деятельностью в ЮКМ в пределах объявленной им «линии из 9 отрезков», а кое-где и за ней (рис 2). Завершение строительства баз на семи искусственных островах в архипелаге Спратли позволило Китаю в последние годы обеспечить прикрытие и обслуживание кораблей своей береговой охраны и морской милиции, которые охраняют целые флотилии китайских рыбаков, ведущих незаконный промысел в ИЭЗ других стран. Все эти искусственные острова, как и ожидалось, объявлены частью территории КНР с установлением вокруг них 12-мильной зоны территориальных вод, 200-мильной ИЭЗ, закрытого для чужаков национального воздушного пространства. Это открывает прямой путь к превращению ЮКМ во внутреннее озеро КНР.

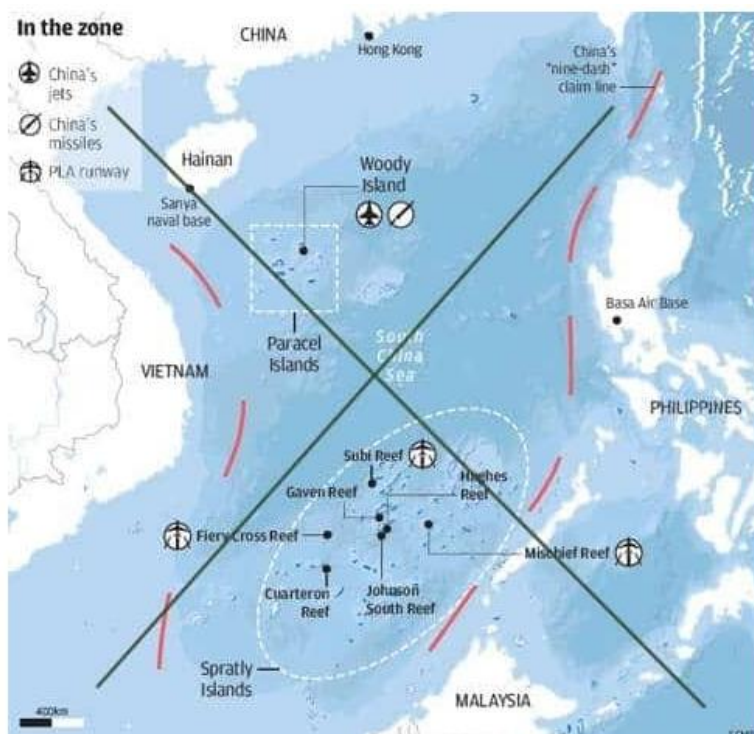

Рис.2. «Линия из 9 отрезков» (красная), Парасельские острова, 7 искусственных островов в Спратли, над которыми планируется Зона обязательного воздушного оповещения

На фоне усилившейся напряженности в ЮКМ вновь появились сообщения о планах Китая установить Зону обязательного воздушного оповещения (ADIZ) над ЮКМ [TQ lên kế hoạch, 8.05.2020]. Но эксперты скептически относятся к этой информации, полагая, что Китай не пойдёт на такую провокационную акцию, пока у него для этого не будет достаточно технических возможностей. К тому же ряд стран, как Вьетнам, Филиппины и Тайвань, тоже построили на островах Спратли свои взлётно-посадочные полосы и совершают с них довольно частые полёты.

Война дипломатических нот

Ещё 12 декабря 2019 г. Малайзия в установленный срок внесла в Комиссию ООН по границам континентального шельфа³ заявку, в которой просила расширить границы своего шельфа на север в ЮКМ за пределы 200-мильной ИЭЗ в соответствии со ст.76 Конвенции. При этом Малайзия заявила, что её заявка не противоречит заявкам других государств на их

³ Комиссия создана согласно Конвенции ООН 1982 г. по морскому праву

континентальный шельф. Это означает, что она оставляет открытыми возможности для того, чтобы урегулировать этот вопрос с Филиппинами и Вьетнамом в случаях, когда границы их континентального шельфа будут налагаться друг на друга⁴.

Заявка Малайзии вызвала незамедлительную реакцию Китая, который выразил категорический протест и предъявил свои «исторические права» на весь континентальный шельф как этого государства, так и Вьетнама и Филиппин. Соответственно последовали заявления протеста со стороны этих стран. А вскоре к ним присоединилась и Индонезия.

Так начался новый (уже третий) раунд правового спора пяти стран АСЕАН с Китаем. Первый происходил 10 лет назад, когда Малайзия и СРВ в назначенный срок в мае 2009 г. представили в упомянутую Комиссию ООН совместную заявку на границы своих ИЭЗ в южной части ЮКМ, которая вызвала решительный протест Китая. Тогда он впервые предъявил ООН карту с «линией из 9 отрезков»⁵.

Вторым раундом можно считать развернувшуюся полемику накануне и после принятия ПСА в Гааге вердикта от 12 июля 2016 г. по иску Филиппин к Китаю. Последний в ПСА участвовать отказался и его вердикт не признал. Но вердикт дал повод для юристов и политологов различных стран внимательнее рассмотреть исторические и правовые свидетельства, представленные сторонами спора в ЮКМ. Все утверждения о противоправности арбитража по иску Филиппин лишены оснований, ибо он проводился в полном соответствии с приложением VII к протоколу Конвенции ООН 1982 г. по морскому праву. Китай отказался в нём участвовать, но это тоже предусмотрено в Уставе арбитражного суда. Это делают многие государства, когда заранее понимают, что решение будет не в их пользу. Так случилось и на этот раз.

Заявка Малайзии направлена на рассмотрение всем государствам-членам ООН и участникам Конвенции 1982 г. по морскому праву. Её окончательное обсуждение назначено на 6 июля – 21 августа 2021 г. в Нью-Йорке. Заявка поставила вопрос об отношении Комиссии ООН к выводам Международного арбитражного суда по иску Филиппин к Китаю, которым «линия из 9 отрезков» признавалась не имеющей юридической силы. Тем самым правовой спор между сторонами в ЮКМ фактически был вынесен на уровень ООН. Но скорее всего, Комиссия ООН, в соответствии с её полномочиями, никакого решения не примет и оставит территориальный вопрос на согласование самим спорящим сторонам.

В январе 2020 г. Филиппины направили сразу две ноты Генеральному секретарю ООН. В одной они категорически отвергли территориальные претензии Китая в ЮКМ и впервые при этом сослались на вердикт ПСА от 12 июля 2016 г. На это МИД КНР ответил, что Филиппины не имеют права на него ссылаться и потребовал «вернуться на правильный путь» разрешения споров с Китаем в ЮКМ.

Миссия Филиппин при ООН в свою очередь 26 марта 2020 г. направила в ООН ноту, теперь уже в ответ Китаю. В ней повторяется, что требования Пекина в ЮКМ противоречат международному праву и Конвенции 1982 г. Филиппины подтвердили свою юрисдикцию на занимаемых ими объектах в архипелаге Спратли, включая отмель Скарборо. В ноте вновь цитировался вердикт ПСА относительно статуса территорий в архипелаге Спратли и его главный вывод, что Конвенция имеет безусловный приоритет по отношению к каким бы то ни

⁴ Так предусмотрено в Конвенции.

⁵ Ни тогда, ни до настоящего времени Китай не обозначил ориентиры этой линии ни по широте, ни по долготе.

было «историческим правам», если они выходят за пределы того, что установлено её нормами. Таким образом, Филиппины вернулись к использованию положительного для них вердикта ПСА для возражения Китаю с трибуны ООН.

23 марта 2020 г. Китай направил Генеральному секретарю ООН вербальную ноту в ответ на ноты Малайзии и Филиппин. В ней подтверждается суверенитет КНР на весь архипелаг Спратли и отмель Скарборо со всеми омывающими их водами. Все требования суверенитета, говорится в ноте, опираются на весомые исторические и юридические свидетельства. Группа островов Калаян, на которую претендуют Филиппины, является частью архипелага Спратли и никогда не принадлежали Филиппинам.

В ответ Вьетнаму 17 апреля МИД КНР направил Генеральному секретарю ООН новую ноту, по содержанию которой можно предположить, что отныне Китай может даже применить силу для возвращения себе якобы отнятых у него островов Спратли. И среди его главных аргументов вновь приводится пресловутая нота премьер-министра ДРВ Фам Ван Донга от 14 сентября 1958 г., которая, как считают в Пекине, означает признание Вьетнамом суверенитета Китая на все группы островов в ЮКМ⁶.

Учитывая сильное давление националистических сил, Китай ещё не «созрел» для того, чтобы признать посредничество третьей страны или считать международный арбитраж приемлемым путем решения своих споров на море, но и предстать в роли разрушителя регионального порядка, не признающего норм международного права, для него тоже нежелательно. Поэтому в китайской печати вновь появились угрозы в адрес Вьетнама с предупреждением о том, что ему придётся дорого заплатить за возбуждение судебного иска.

Индонезия не считает себя участником территориальных споров в ЮКМ и явно отдаёт приоритет позитивным отношениям с КНР. Однако в середине декабря 2019 г. 60 китайских рыболовных судов в сопровождении нескольких военных кораблей в очередной раз вошли в пределы ее ИЭЗ. Правительство Индонезии заявило протест, в котором говорилось, что оно никогда не признавало и не признает китайскую «линию из 9 отрезков», южная часть которой пересекает ИЭЗ Индонезии [Không chỉ Việt Nam: 24.03.2020].

Индонезия также вступила в развернувшийся обмен дипломатическими нотами с Китаем. 26 мая она направила свою ноту Генеральному секретарю ООН, изложив позицию, занятую ею ещё в 2010 г., и выражая поддержку вердикту ПСА. Джакарта также заявляет, что не будет связана никакими обязательствами в отношении требований любой страны, если они выходят за пределы того, что положено государствам по Конвенции 1982 г. [Letter to UN Chief: 28.05.2020].

Нота Индонезии придала большой вес дипломатическим демаршам трёх других государств АСЕАН. Они оказались едины по двум пунктам: 1) все против «линии из 9 отрезков»; 2) все ссылаются на вердикт ПСА 2016 г. как на важный источник международного права. Таким образом, нота Индонезии – самой большой страны АСЕАН – создаёт основу для сплочения этой группировки стран ЮВА и сохранению её центральной роли в делах региона.

Вьетнам занимает позицию в споре и получает поддержку США

Вьетнам не мог оставить ноты Китая без ответа. За период с 30 марта по 10 апреля 2020 г. он направил три ноты на имя Генерального секретаря ООН. Все они содержат резкий ответ на

⁶ «Нота Фам Ван Донга», ее перевод и редакционный комментарий к ней публикуются на с. 92–94 данного номера журнала (*прим. редакции*).

заявления КНР в адрес СРВ, а также реакцию в адрес Малайзии и Филиппин по поводу их обращений в Комиссию ООН по границам шельфа.

Территориальные требования КНР, говорится в ноте СРВ от 30 марта, грубо нарушают суверенитет, суверенные права и юрисдикцию Вьетнама в ЮКМ. Ханой имеет все доказательства своего суверенитета над Парасельскими островами и Спратли. Он категорически утверждает, что единственной основой для разграничения на море между Китаем и Вьетнамом является Конвенция ООН 1982 г. Границы вод вокруг всех территориальных объектов Парасельских островов и архипелага Спратли, говорится в ноте, должны быть определены в соответствии со ст. 121(3) Конвенции ООН 1982 г. А это означает, что они не могут иметь общую базовую линию для определения границ ИЭЗ. Их самые отдаленные и выходящие в море объекты не являются островами и не могут иметь ни зоны территориальных вод, ни ИЭЗ. Границы ИЭЗ в таком случае определяются от базовой линии берегового государства [Việt Nam gửi công hàm: 3.04.2020].

10 апреля Вьетнам ответил на заявку Малайзии. Он попросил Комиссию ООН по границам континентального шельфа учесть его права, вытекающие из Конвенции, и в случае, если предлагаемые Малайзией границы её шельфа налагаются на границы шельфа Вьетнама, отложить рассмотрение заявки до достижения договорённости между двумя сторонами.

Такую же позицию Вьетнам занял и в отношении ноты Филиппин, хотя в этом вопросе положение другое. Ханой не признаёт захват этим государством в 1970 г. группы островов Калаян как якобы ничейных и расположенных ближе к Филиппинам. Но в своей ноте Вьетнам этого не касается. Зато он выразил полную поддержку позиции Филиппин в отношении вердикта ПСА, и это было новым шагом в политике СРВ.

Вьетнам впервые ссылается на ст. 121 (3) Конвенции. В июле 2016 г. он в общих словах приветствовал вердикт ПСА, но никаких ссылок на эту статью не делал, а это была ключевая статья, на которой основан вердикт ПСА в пользу Филиппин⁷. Она не отвечает интересам Вьетнама, который занимает наибольшее количество рифов и атоллов в Спратли.

Второе новшество в этой ноте заключается в том, что, ссылаясь на вердикт ПСА, Вьетнам отрицает требования суверенитета, выдвигаемые как Китаем, так и Малайзией в её заявке от 12 декабря 2019 г. Вьетнам рассматривает их как нарушение его суверенных прав в ЮКМ [Việt Nam gửi công hàm: 8.04.2020]. И это напоминает, что нерешённые территориальные проблемы существуют и между странами АСЕАН.

До последнего времени вьетнамское руководство избегало говорить о возможном обращении к ООН или в международные судебные органы с иском по поводу действий Китая. А тем временем в политической элите этот вопрос активно обсуждается. Недовольство общественного мнения вызвало даже выступление министра иностранных дел и заместителя премьер-министра Фам Бинь Миня в сентябре на ГА ООН, где он воздержался прямо назвать КНР ответственной за растущую напряженность в ЮКМ. Многие вьетнамские эксперты предлагали по примеру Филиппин возбудить иск в ПСА. Но вьетнамское руководство, в принципе не исключая этого, решило пока от этого воздержаться. 11-й пленум ЦК КПВ, состоявшийся 7–12 октября 2019 г. в Ханое, после горячей дискуссии подтвердил оправдавший себя внешнеполитический курс и поставил три задачи: сохранить отношения с Китаем, защитить суверенитет и сохранить мирную обстановку для развития страны.

⁷ Указанная статья утверждает, что ни одна территориальная единица в архипелаге Спратли не является островом в правовом статусе.

В ноябре 2019 г. на 11-й международной конференции по проблемам ЮКМ, которые ежегодно проводятся во Вьетнаме, заместитель министра иностранных дел СРВ Ле Хоай Чунг сказал, что его страна не исключает никаких инструментов и правовых каналов для решения споров с Пекином в ЮКМ. Нота миссии СРВ в ООН от 30 марта, как и две другие от 10 апреля, как раз и свидетельствуют, что Ханой начал, пока ещё достаточно осторожно, прощупывать подходы к международным правовым институтам.

Не остались в стороне и США. 1 июня 2020 г. их постоянный представитель в ООН К.Крафт направила Генеральному секретарю ООН Антониу Гутерришу письмо, в котором отреагировала только на территориальные требования Китая в ЮКМ и не касалась заявки Малайзии на континентальный шельф. В письме говорится, что противоречащие всем нормам международного права территориальные претензии Китая «прямо ущемляют права и свободы, которыми пользуются в этом регионе США и другие государства». В связи с этим Вашингтон заявил решительный протест и отверг все претензии Китая [Craft: 1.06.2020].

Одновременно ВМС США усилили своё присутствие в ЮКМ, развернув два специализированных корабля, предназначенных для боевых операций в прибрежных районах. Это указывает на то, что их ВМС переходят от стадии наблюдения и разведки к устрашению и наращиванию атакующей мощи. Трудно припомнить, когда политика США в регионе вызывала бы одновременно столько вопросов по самым разным направлениям: от поворота к протекционизму в торговле до противоречивых зигзагов в отношении к Китаю. В связи с этим австралийский эксперт Карл Тэйер, говоря о реакции стран ЮВА на громкое выступление Д. Трампа на саммите АТЭС в Дананге (Вьетнам) в октябре 2017 г., заметил: «Изоляционистский подход Трампа, с их точки зрения, означал передачу эстафеты руководства Си Цзиньпину и сигнализировал, что послевоенная эра американского превосходства стремительно сходит на нет» [Thayer Consultancy: 22.12.2017].

Ситуация соперничества Китая и США в ЮКМ стала тем, что наблюдатели называют «новой нормальностью». Демонстрации силы с обеих сторон становятся привычными. Однако военное столкновение остаётся маловероятным. США нужна контролируемая напряжённость. Китаю, как и Вьетнаму и другим странам ЮВА – сплоченность народа вокруг патриотических лозунгов. Ни Китай, ни США, похоже, войны не хотят, да и не могут себе позволить зайти слишком далеко, учитывая огромную экономическую взаимозависимость при всех своих противоречиях.

Заключение

Третий раунд правового спора в ЮКМ показывает, что его решение таким образом, чтобы оно стало приемлемым для всех сторон, в обозримом будущем маловероятно из-за сложности самой проблемы, несовместимости занятых сторонами позиций и уровня националистических настроений в регионе в целом. Все соперники, в первую очередь Китай и Вьетнам, будут вынуждены принимать временные меры, исходя из принципа «сохранения статус-кво» ради мира и развития. Примером этого служит Соглашение СРВ и КНР от 25 декабря 2000 г. о сотрудничестве в рыболовстве в заливе Бакбо (Тонкинском), которое выполняется обеими сторонами. При наличии политической воли в будущем не исключено подобное соглашение и для всего ЮКМ, как и договорённости о совместном суверенитете или кондоминиуме на некоторых островах.

При этом происходит усиление американо-китайского соперничества в АТР и становление новой биполярности. Коронавирусный кризис подтолкнул Пекин к более активной внешней политике в ЮКМ.

Как показал наш анализ, Китай с одной стороны, Вьетнам, Малайзия, Филиппины и Индонезия с другой на новом этапе территориальных споров в ЮКМ защищают свои права в ООН. Содержание их нот говорит о том, что все они обращаются к международному праву, пытаясь опереться на его действующие нормы и принципы. Следовательно, правовой спор между ними и КНР вышел за рамки двусторонних отношений и поднят на международный уровень. Вынесение требований сторон в ООН, по мнению президента вьетнамского Союза юристов-международников профессора Нгуен Ба Шона, требует реакции других государств, ибо в противном случае даст основание Китаю считать молчание заинтересованных государств согласием с его позицией [Nguyễn Bá Sơn: 17.05.2020].

Политика и практика Китая в регионе подтверждают, что ЮКМ ещё надолго останется очагом международной напряжённости. Всё будет зависеть, *во-первых*, от того, какое значение будет придавать Китай проблемам ЮКМ в свете других приоритетов внутренней и внешней политики. И, *во-вторых*, от того, как далеко зайдут в совместных ответных действиях прибрежные страны АСЕАН и как они смогут использовать международные институты.

Исследование показало, что ключ к решению проблем ЮКМ – это принцип равной и неделимой безопасности для всех государств региона, всестороннее и взаимовыгодное сотрудничество АСЕАН с Китаем и наоборот – Китая со странами АСЕАН, которое должно привести к приемлемому для обеих сторон компромиссу и оптимальному балансу сил и интересов.

Список литературы

Локишин Г.М. Саммит АТЭС 2017 и новые внешние вызовы для Вьетнама // Вьетнамские исследования, серия 2, 2018, № 1. URL: http://www.ifes-ras.ru/images/vs/2018/vs_2018_1_11-34.pdf.

Локишин Г.М. Южно-Китайское море: трудный поиск согласия. М.: ИДВ РАН, 2013.

Локишин Г.М., Кобелев Е.В., Мазырин В.М. Сообщество АСЕАН в современном мире. М.: Форум, 2019.

Лузянин С.Г. Академик М.Л. Титаренко – память об ушедшем учителе и ученом / Лузянин С.Г. и др. Моя вторая родина Китай. Книга памяти об академике М.Л. Титаренко. М.: ИДВ РАН, 2018.

Пути укрепления безопасности и сотрудничества в Восточной Азии. Материалы совместного российско-вьетнамского исследования. М.: ИДВ РАН, 2015.

Bắc Kinh có thể đang lợi dụng tình hình dịch bệnh để tiếp tục thực hiện âm mưu, ý đồ kiểm soát Biển Đông (Пекин может воспользоваться пандемией для осуществления своих планов установления контроля над ЮКМ). URL: <http://biendong.net/bien-dong/33917-bac-kinh-co-the-dang-loi-dung-tinh-hinh-dich-benh-de-tiep-tuc-thuc-hien-am-muu-y-do-kiem-soat-bien-dong.html>, 05.04.2020.

China risks flare-up over Malaysian, Vietnamese gas resources. URL: <https://amti.csis.org/china-risks-flare-up-over-malaysian-vietnamese-gas-resources>, 13.12.2019.

Craft Kelly. Letter to António Guterres, Secretary-General of United Nations, 01.06.2020. URL: https://usun.usmission.gov/wp-content/uploads/sites/296/200602_KDC_ChinasUnlawful.pdf.

CSIS Event Report Safeguarding The Chaired Maritime Domain Between Indonesia, Vietnam, and Malaysia. Online Focused Group Discussion. Wednesday 29 April 2020.

de Tréglodé Benoît. Hanoi and Beijing: ambiguities of a strategic partnership // Вьетнамские исследования, серия 2, 2019, № 2. С. 8–18. URL: http://www.ifes-ras.ru/images/vs/2019/vs_2019_2-8-18.pdf.

Không chỉ Việt Nam mà còn nhiều nước không công nhận “đường 9 đoạn” của TQ ở Biển Đông (Не только Вьетнам, но и многие другие страны не признают китайскую «линию из 9 отрезков» в ЮКМ). URL: <http://biendong.net/bien-dong/33706-khong-chi-viet-nam-ma-con-nhieu-nuoc-khong-cong-nhan-duong-9-doan-cua-tq-o-bien-dong.html>, 24.03.2020.

Letter to UN Chief, Indonesia Takes Stand on South China Sea // RFA. URL: <http://RFA.org/vietnamese/news/blog/Indonesia-issues-diplomat-not-to-un-about-scs-30z020101915.html>, 28.05.2020.

Lợi dụng dịch Covid-19, Trung Quốc tiếp tục lấn lướt ở Biển Đông // RFI (Используя пандемию Covid-19, Китай продолжает создавать одну за другой проблемы в ЮКМ // РФИ). URL: <http://www.rfi.fr/vi/phân-tích/20200422-lợi-dụng-covid-19-trung-quốc-tiếp-tục-lấn-lướt-trên-biển-đông>, 22.04.2020.

Nguyễn Bá Sơn. Vì sao Việt Nam có công hàm phản đối Trung Quốc? // Tuổi Trẻ (*Нгуен Ба Шон*. Почему Вьетнам посылает антикитайские ноты? // Молодость). URL: <https://tuoitre.vn/vi-sao-viet-nam-co-cong-ham-phan-doi-trung-quoc-20200516174420391.htm>, 17.05.2020.

Nhìn lại những hành động phi pháp của TQ ở Biển Đông từ đầu năm đến nay và phản ứng của cộng đồng quốc tế (Обзор незаконных действий Китая в ЮКМ с начала года до настоящего времени и реакция мирового сообщества). URL: <http://biendong.net/bien-dong/34108-nhin-lai-nhung-hanh-dong-phi-phap-cua-tq-o-bien-dong-tu-dau-nam-den-nay-va-phan-ung-cua-cong-dong-quoc-te15-04-2020.html>, 15 04 2020.

Permal Sumathy. Maritime Flashpoints and the COVID-19 Pandemic // The Diplomat. URL: <https://thediplomat.com/2020/04/maritime-flashpoints-and-the-covid-19-pandemic>, 04.20.2020.

PM Lee Hsien Loong's Speech and Dialogue at the Council on Foreign Relations. URL: <https://www.pmo.gov.sg/Newsroom/pm-lee-hsien-loongs-speech-and-dialogue-council-foreign-relations>, 30.10.2017.

Quiet Diplomacy Or Inaction: Lessons From A Survey Ship Standoff // RFA. URL: <https://www.rfa.org/english/malaysia-southchinasea-05292020180945.html>, 29.05.2020.

Thayer Carlyle A. Vietnam–United States relations: growing strategic convergence // Вьетнамские исследования, серия 2, 2018, № 2. С. 5–14. URL: http://www.ifes-ras.ru/images/vs/2018/vs_2018_2_5-14.pdf.

Thayer Consultancy Background Brief. December 22, 2017.

TQ lên kế hoạch lập khu vực nhận dạng phòng không (ADIZ) ở Biển Đông (Китай планирует создать зону воздушного оповещения ADIZ в ЮКМ). URL: <http://biendong.net/bien-dong/34557-tq-len-ke-hoach-lap-khu-vuc-nhan-dang-phong-khong-adiz-o-bien-dong.html>, 08.05.2020.

Việt Nam gửi công hàm lên LHQ: Mạnh mẽ, đúng thời điểm? // BBC (Вьетнам послал ноту ООН: мощно и своевременно? // БиБиСи). URL: <https://www.bbc.com/vietnamese/vietnam-52206896>, 08.04.2020.

Việt Nam gửi công hàm phản đối TQ lên Liên hiệp quốc (Вьетнам направил в ООН ноту протеста против Китая). URL: <http://biendong.net/bi-n-nong/33915-viet-nam-gui-cong-ham-phan-doi-tq-len-lien-hiep-quoc.html>, 03.04.2020.

Wu Shicun. Solving Disputes for Regional Cooperation and Development in the South China Sea. Oxford: Chandos Publishing, 2013.

Для цитирования: Локишин Г.М. Правовой спор в Южно-Китайском море: третий раунд // Вьетнамские исследования, сер. 2, 2020, № 2. С. 5–17

Автор:

Локшин Григорий Михайлович, к.и.н., ведущий научный сотрудник Центра изучения Вьетнама и АСЕАН ИДВ РАН. ORCID: 0000-0002-6362-7463. E-mail: l6188017@yandex.ru

Продвижение статьи:

Дата поступления: 7.06.2020

Дата поступления в переработанном виде: 18.06.2020

Принята к печати: 24.06.2020

For citation: *Lokshin G.M.* (2020). A legal dispute in South China Sea: third round. Russian Journal of Vietnamese Studies, Series 2, No. 2. P. 5–17

Author:

Lokshin Grigory M., PhD (History), Leading Researcher, Center for Vietnam and ASEAN Studies, IFES RAS. ORCID: 0000-0002-6362-7463. E-mail: l6188017@yandex.ru

Article history:

Received: June 7, 2020

Received in revised form: June 18, 2020

Accepted: June 24, 2020

DOI: 10.24411/2618-9453-2020-10012

Adam Fforde

THE VCP INTERNAL POLICY AND POSSIBLE LEGACIES OF THE VCP-CPSU RELATIONSHIP: SOME HYPOTHESES

Abstract. The paper looks at Vietnamese Communist Party (VCP) internal organisational policies and supposes the influence of the legacy of the early stage of relations with the CPSU. It puts forward hypotheses that explain problems in creating adequate domestic sovereignty and concentration of legitimate power to 'govern subjects' in the contemporary market economy. The author refers to evidence for antipathy to such concentrations, seen as multiple office-holding, and to VCP formal requirements for structural representation in important activities. He proposes Linz's notion of 'limited pluralism' as a suitable analytical framework.

Keywords: limited pluralism, CPSU, VCP, post-Soviet Communism, authoritarianism, Vietnam.

Адам Фьорд

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА КПВ И НАСЛЕДИЕ ОТНОШЕНИЙ КПВ С КПСС: НЕКОТОРЫЕ ГИПОТЕЗЫ

Аннотация. В статье рассмотрена внутренняя организационная политика Коммунистической партии Вьетнама (КПВ) и обоснован тезис о том, что она во многом обусловлена наследием раннего этапа отношений с КПСС. Выдвинута гипотеза о том, что эта политика затрудняет обеспечение адекватного контроля над внутренними процессами в стране и порождает проблемы в «управлении субъектами» современной рыночной экономики. На основе проведенного анализа сделан вывод об очевидной антипатии КПВ к чрезмерной концентрации власти, выражающейся в ее распределении между различными учреждениями и реализации принципа «структурного представительства» (различных групп населения в заранее заданных пропорциях) во властных коридорах и важных видах сферах деятельности. Автор опирается на концепцию Линца об «ограниченном плюрализме» в качестве подходящей аналитической основы.

Ключевые слова: ограниченный плюрализм, КПСС, КПВ, постсоветский коммунизм, авторитаризм, Вьетнам.

Introduction

This article seeks to pose questions that other scholars will think interesting.¹ Its basic motivation derives from extensive research on Vietnam and participatory observation of VCP cadres as a development consultant. Also, a 2017 Moscow Workshop and co-authoring [Fforde & Mazyrin 2018], suggested that possible legacies of the relationship between the VCP and the Communist Party of the Soviet Union (CPSU) needs discussion. This is particularly the case when it is not the *formal*

¹ I thank the editors of the journal for support, an anonymous referee, and Sow Keat Tok for collegial discussions and observations on the Chinese Communist Party.

institutions that are important, but the *informal*, such as political culture and learnt instincts and 'statecraft', accessible through suitable research methods (for example Prostiakov 1998).

We need to understand why there exists, in various ways, VCP antipathy both institutional and cultural to abuses of power. This has important implications for the VCP's position within the wider Vietnamese political community, its tolerance of an increasingly unruly population, and its attitudes to the citizenry and their political rights. The VCP regime is authoritarian, but it is not, and it has ways of avoiding becoming, totalitarian.

It is important not to confuse different aspects of this issue. Whilst there are possibilities of authoritarian tendencies in how the country is ruled: use of force, lack of tolerance for dissident opinions, suppression of protests, etc., there is too the issue of abuse of power *within* ruling structures – within the VCP itself, and involving other parts of the ruling apparatus – state bodies, 'blocs' (khối) (such as the security and state business 'blocs') etc.² Common sense suggests these are linked for antipathy to use of violence per se is possible. Further research would unpick these issues.

Ruling not governing

Vietnamese and those abroad who follow events know the history of unrest going back to (and before) the 1996 Thai Binh 'Troubles' [Tuong Lai: 15.01.2020].

A lack of coherent peak political power is the main puzzle this paper addresses.³ My suggestion is, in part, that this is a legacy of the CPSU's response to the slaughter under Stalin. Ho Chi Minh, as we know, was in Moscow during the Great Purges of the 1930s [Quinn-Judge 2002]. The CPSU sought to offset a one-party regime's inherent centripetal political forces that had placed excessive power in his hands with centrifugal forces to keep things in check (and so save necks).

This situation is illuminated by other facts. For example, whilst corruption in Vietnam is widely reported and there is much apparent effort to reduce it, it is well-known [Vu Anh Dao 2017] that Politburo 2017 Decree # 15 stated that no state organ could investigate a Party member for corruption without the agreement of relevant Party officials. Thus, Politburo authority is *systemically* enough for, as Vu Anh Dao 2017's interviewees report, the Decree to be obeyed. Thus, state organs do not and are not intended to function as a 'rule of law' – Party decisions are not laws, but they are *systemically* binding on state organs. There is no publicly available body of guiding rules to say how this Party power works such as precedents and explanations: the situation is ad hoc as far as the public is concerned (though there are surely Party formal and informal rules). Under law, what the state and citizens are meant to do could be researched through legal documentation, but because of the Decree available documentation does not say what will happen.

The political consequences of rampant corruption protected by Party decree should not be underestimated. Vu Anh Dao concludes the regime lacks accountability and transparency, leading to ineffectiveness and corruption, and asks: do the systems and processes of accountability in fact *facilitate* corruption? [Vu Anh Dao 2017: 204].

In addition, Vietnam faces a wide range of problems:

Development strategy: with an Economic Miracle based upon servicisation, the donor-supported Party slogan of 'Modernisation and Industrialisation' has not been vindicated [Fforde 2016]. Whilst still not slow, growth is not faster than in comparator countries such as Cambodia and Laos. Political and cultural development is unclear and the VCP isolated from popular concerns.

² Here I thank an anonymous reviewer.

³ For a discussion of Vietnam as a 'Land without a King' see Fforde 2013; on its 'ungovernability' Fforde 2004; and on the authority issue Fforde & Homutova 2017: 97.

Personnel policies. For years, positions have been bought not earned.

Constitutional problems. The Constitution defines organs such as the National Assembly and the State as possessing considerable importance, but it also enthrones the VCP's guiding role. As Decree # 15 shows, extra-legal measures exert power over state actions. With no open rule-governed legal system, 'governance of subjects' is impossible.

Problems of foreign relations, defence and security. Gathering tensions between population and security forces accompany a drumbeat of opinion that the VCP is 'far too close to China'.

These problems of their nature suggest that Vietnam is ruled but not governed, whose regime lacks the capacity and authority to govern her subjects. The VCP faces a loss of the initiative as society evolves under its own logic and a diminishing range of options to respond to events (manifest in increased use of the security forces).

Woodside 1971 argued that Vietnamese political culture historically was as much monarchical as mandarin. Thus, Vietnam's political culture would address issues of sovereignty by focussing power tightly, with an individual at the peak. The competing interests associated with the massive flows from corrupt earnings (half of all business profits – Nguyen et al. 2016) would be managed politically by power concentration at the peak, a Hobbesian Leviathan, a power 'above all' [Hinsley 1986]. But this has not happened.

Choosing tools of analysis

I have long argued, with others, that views asserting the great power of the VCP are wrong. In part this reflects my belief that in an open market economy *authority* is needed to create a Hobbesian 'power above all', yet the VCP lacks that authority [Fforde & Homutova 2017]. Much debate hinges on interpretation of the 1986 VIIth Party Congress that announced 'đổi mới'. There is clear evidence that both regarding the state sector and collective agriculture, and market development, policies **before** the Congress had long retreated before spontaneous economic commercialisation.⁴

I think that deep aversion to power concentration would make political institutions formally designed to prevent this operate in practice.⁵ In general, and currently, we do not find such outcomes in Vietnam under VCP rule; many Party members seem concerned that they could arise, and this is suggestive, given the reality of one-Party rule. As politics in Vietnam evolves these tensions are clear and popular opposition powerful.

Note within the evolving Vietnamese polity of the changing extent and political implications of 'hot spots' (điểm nóng), starting before the 1997 Thai Binh incidents, those troubles [Tuong Lai: 15.01.2020], and more recently the disturbances in Hanoi over trees [Bui Hai Thiem 2016; Vu Ngoc Anh 2017]. The trend is an escalation, an increasing VCP inability to focus its political power to secure authority and legitimacy, and an increasing ability of the population to take the political initiative.

The question of rights is also intriguing. Linguistic markers reveal incoherence. For example, the "Plan for Human Rights work in 2017" [People's Committee of Thua Thien Hue province 2017] uses two very different phrases for human rights (the Han-Viet *nhân quyền* and the demotic *quyền con người*). The former is 'bad' ('threats from hostile foreign forces') and the latter 'good' ('these

⁴ See the early 1980s PhDs by Vickerman and me on collective agriculture (published as Fforde 1989 and Vickerman 1986). For the state sector see Fforde 2007 and for the 1980s de Vylder & Fforde 1996. For discussion of the 'myth' of the VII-th Congress see Fforde 2018a and Fforde 2018b (in German). De Vylder & Fforde was translated (de Vylder & Fforde 1997).

⁵ My foundational source for this is McAuley 1977.

are your rights’) and something that the local population should know about. But where and when which term is to be used is not clear.

Recent research by Joerg Wischermann has argued that authoritarian tendencies exist in civic organisations (i.e., ‘non-civic’ behaviour amongst the leaders of Vietnamese civil society organisations - “elements of authoritarian political thinking in Civic Organizations’ leaders’ mindsets and courses of action” [Wischermann 2010: 3]). Authoritarian tendencies to abuse power are found in Vietnamese culture.

Such considerations lead me to suggest: does the CPSU legacy help explain why, because there are checks and balances in place, power within the Party is not concentrated, and so the regime finds it hard to shift from ruling to governing an increasingly open society with a market economy? It cannot focus authority upon a power ‘above all’ used to secure methods of governing subjects. Instead we see a decline in political authority. Violent stand-offs with the population cannot be resolved through use of state force or negotiated outcomes enforceable through a law-governed state. Clearly, a ‘coup’ is one imaginable way to ‘solve’ this problem. In part I ask why this has not happened. Part of the agenda here is to confirm (or not) and then explain why the VCP may be authoritarian, yet not totalitarian and has ways (inherited from the CPSU) of avoiding becoming so.

We can deploy Linz’s phrase ‘limited pluralism’ to refer to the presence of a range of political forces within the regime (Party, State and Mass Organisations). It is therefore, in a strict sense, a ‘limited internal pluralism’.⁶ To say that the Vietnamese political regime is one of ‘limited pluralism’ is not to say that the country’s politics are pluralist.

My core hypothesis here is that a part of the answer is to be found in VCP internal policy and its Khrushchevian legacy. The model entails tension between two sets of forces: *centripetal* forces that concentrate power, and *centrifugal* forces that attack concentration of power. The key research question is then - What are the centrifugal forces pushing back against the centripetal forces pushing for a concentration of power? What keeps the varying balance in existence? This in turn poses valuable questions, such as whether the rise to power of Le Duc Tho and Le Duan in the very early 1960s (and the tendencies reported by Huy Duc 2012) amount to a centralising tendency then offset by the effects of Khrushchevian reforms.

Here I thank an anonymous reviewer for pointing out that this mechanistic metaphor (centripetal vs. centrifugal forces) can be developed. First, it points to the possibility of cyclical movement (over time) as processes push a disequilibrium back towards an equilibrium, with the possibility of ‘over-shooting’ and a cyclical pattern. Second, these two forces could manifest themselves differently in different parts of the overall system.

Thus, until the start of Ho Chi Minh’s loss of power and Le Duan’s accession to Party leadership in 1960, was the VCP relatively internally pluralistic, but this pluralism under pressure (as can be noted from the ebb and flow of the repressive Nhân Văn – Giai Phẩm affair of the late 1950s)? How plausible is this assessment?

The rise of Le Duan and his ally Le Duc Tho, as we see from Huy Duc’s account (Huy Duc 2012), arguably attacked this ‘limited pluralism’, and the demise of Le Duan in 1986 and his replacement by Nguyen van Linh arguably saw its re-assertion as the internal politics of the VCP became less illiberal (as did Vietnam more generally). With the USSR’s fall in 1991 and the 1992 start of the Economic Miracle coping with the new situation was helped as Do Muoi and Vo van Kiet

⁶ Linz is widely cited – according to Google Scholar, around 40,000 citations (Harzing’s *Publish or Perish* 16/1/2020).

shared top Party and State positions and had personal authority. However, both retired in 1997 as the Thai Binh risings posed major challenges to the regime, removing their prestige from the political equation. By this time Vietnamese society and economy had already become far more open and unruly and a natural political response, to focus power upon somebody close to the security forces, saw the VCP 'explore' the Le Kha Phieu 'solution'. But fears of his use of the security forces against political opponents supported his early dismissal and replacement by the less assertive Nong Duc Manh, arguably marking enhanced internal 'limited pluralism'.

Then the political push from Premier Nguyen Tan Dung in the late 'noughties' appears as centripetal and his defeat a partial recovery of centrifugal forces. But notably in 2018 General Secretary Nguyen Phu Trong, who replaced Nong Duc Manh in 2011, added the Presidency. Even under Le Duan, the positions of General Secretary, President, Premier and Chair of the National Assembly had been held by separate people.

'Limited pluralism' as a core element of VCP internal policy

So I conclude that the idea of 'limited pluralism' offers a basis for analysing these issues and help answer my research question: how to explain the VCP's inability to generate a clear focus of authority and so power, and shift to a 'government of subjects' in the contemporary Vietnamese market economy.⁷

My argument is that we see a legacy of the post-Stalin CPSU, with its 'Khrushchevian' flavour, in the VCP: the fear of concentration of power (*nhất thể hóa*), and the co-called 'structural principle' (*nguyên tắc cơ cấu*) which I understand as the practice of ensuring that committees are composed of people by virtue of their positions (*ex officio*). This means that these positions are represented in relevant committees in ways that seek to ensure representation of the key institutional political forces of the regime.⁸ This supports the conclusion that the notion of a 'limited pluralism' is attractive [Linz 2000].

Let us look at these two phrases.

Nhất thể hóa

Many Vietnamese colleagues, Party members, look with distaste at proposals for the concentration of powers upon an individual, in Vietnamese 'nhất thể hóa' (such as the adoption by the Party General Secretary of the Presidency).

At local level the division of powers implies that a Party Secretary is appointed by Party procedures, and the Head of the local People's Committee by the system of managed democracy (controlled by the Party). Being separate these procedures allow for different political forces to play out. This 'playing out' relies precisely upon those different procedures (albeit both guided by the Party), but gives two different paths for advance.

Justifications for power concentration in the official media, and reports of its successes where carried out, focus upon reductions in budget costs due to reduced staff numbers but also address concerns about the risks of abuse of power [e.g. P. Thảo – H. Sâm 2018]. These discussions are readily available to public scrutiny through the press.

For example, consider the response of the first (standing) Party Secretary of Quang Ninh to a question (in an official newspaper) about concerns about 'nhất thể hóa':

⁷ Clearly, this has little *necessarily* to do with democracy, as English domestic and imperial history shows clearly.

⁸ See here Carl Thayer's early work on the changing composition of the VCP Central Committee [Thayer 1992].

Many are of the opinion that the largest problem of organizing so the Party Secretary of the commune or district is also the Chairman of the People's Committee is the danger of abuses of power and the arbitrary use of power, and the issue of being both 'player and referee' ... how has this contradiction been resolved in recent use of this model in the two districts of Tiên Yên and Cô Tô? [P. Thảo – H. Sâm 2018].

The answer was put in terms of changes in procedures, re-defining who did what. It is clear the risks of concentrations of power are accepted openly.

Nguyên tắc cơ cấu

The 'structural principle' is not so easy to research.⁹

On the normative principles governing reports in the run-ups to Party Congresses, one can find the lists of those organs to be consulted:

Reviews will be carried out according to the regulations of the Politburo and will guarantee {that} the review report of each Party Committee will take the contributed opinions of the Party Committee at the immediately lower level, of the Party members as a body, of the Party staff liaison committee and the leaders of committees, branches, mass organisations at the same level and must have the opinion of the immediately superior Party Committee [VCP Central Committee 2016 9.2.8 Clause B¹⁰].

This shows the bodies included as of right in the VCP's internal review procedures.

It is not so easy to establish rights of representation for Mass Organisations. The Party's own Standing Committees are normatively composed of Party and State officials. For example, at provincial level, they include, under Party labels - the Party Secretary and Deputy Secretaries, heads of important Party Committees (Organization, Propaganda), Head of the Supervisory Committee, Military Control (that is, control over the Military) and Party Secretaries of immediately inferior levels. And under State labels: Deputy Chairmen of the People's Committees and Councils at the province level (depending on their importance).

Again, this shows, but somewhat unclearly, that risks of power concentration are accepted and managed *in principle* through use of Committees whose structures are pre-determined, in a 'limited pluralism'.

It is striking that when Khrushchev was still in power there is no mention of the 'dictatorship of the proletariat' (*chuyên chính vô sản*) in the VCP Party Statutes approved by the 1960 III Party Congress [VCP 2019a]. But the VCP position now is:

*The dictatorship of the proletariat is one of the key pillars of Marxism. The vigour of this ideology requires that in its conception and use its scientific nature is grasped, whilst at the same time **it must develop and used creatively under new conditions** [VCP 2019b stress added]*

The Chapter on the Trade Unions demonstrates, to me powerfully, the way reforms sought to use Mass Organisations for various purposes, not least to create a check against excessive power concentration [Jo 2009]. Further research is needed.

⁹ Here I am in part guided by Vietnamese colleagues' statements of such practices' importance. This principle now seems less important than before.

¹⁰ All translations by me.

Conclusion

The question of CPSU legacies for internal VCP policy is important and requires research. I suggest two avenues of enquiry, one easier to research than the other, and in neither am I fully qualified (I do not speak or read Russian).

First, what were the *formal* changes to the organizational principles of the CPSU after Stalin, and to what extent have these been reflected in the VCP's internal policies?

Second, what were the *informal* political-cultural beliefs associated with the ways in which the CPSU ruled, the ways these changed after Stalin, and can these be found in the VCP? These are harder to access. Written documents on how the formal principles were taught and propagandized should be accessible, but clearly interviews and other ways of accessing beliefs and priorities are also needed.

References

- Bui Hai Thiem (2016). The Influence of Social Media in Vietnam's Elite Politics. *Journal of Current Southeast Asian Affairs*, No.35:2. P. 89–112.
- de Vylder, Stefan and Fforde, Adam (1996). *From Plan to Market: The Economic Transition in Vietnam*. Boulder CO: Westview.
- de Vylder, Stefan and Fforde, Adam (1997). Từ kế hoạch đến thị trường: sự chuyển biến kinh tế tại Việt Nam (From plan to market: economic transformation in Vietnam). Hà Nội: Nhà xuất bản Chính trị quốc gia.
- Fforde, A. & Mazyrin, V. (2018). Soviet Influence on Vietnamese Development Policy: Some Myths, in: *Mythbusting Vietnam: Facts, Fictions, Fantasies*, Catherine Earl ed. Copenhagen: NIAS. P. 99–129.
- Fforde, Adam (1989). *The Agrarian Question in North Vietnam 1974–79: a study of cooperator resistance to State policy*. New York: M.E. Sharpe.
- Fforde, Adam (2004). Vietnam in 2003: the road to un-governability? *Asian Survey*, No 44(1), January/February. P. 121–129.
- Fforde, Adam (2007). *Vietnamese State Industry and the Political Economy of Commercial Renaissance: Dragon's tooth or curate's egg?* Oxford: Chandos.
- Fforde, Adam (2013). Post Cold War Vietnam: stay low, learn, adapt and try to have fun – but what about the Party? *Contemporary Politics*, Vol 19 (14). P. 379–398.
- Fforde, Adam (2016). Vietnam: economic strategy and economic reality. *Journal of Current Southeast Asian Affairs*, No.35 (2). P. 3–30.
- Fforde, Adam (2018a). Myths in the understanding of the process of Đổi Mới, in: *Mythbusting Vietnam: Facts, Fictions, Fantasies*, Catherine Earl ed. Copenhagen: NIAS. P.189–210.
- Fforde, Adam (2018b). Der Mythos des 6. Parteitags von 1986 (translated from original English), in: Will, Gerhard / Wischermann, Jörg (Hrsg.). *Vietnam: Mythos und Realitäten*. Bonn: Bundeszentrale für politische Bildung.
- Fforde, Adam and Homutova, Lada (2017). Political authority in Vietnam: is the Vietnamese Communist Party a Paper Leviathan? *Journal of Current Southeast Asian Affairs*, No.3. P. 91–118.
- Gessen, Masha (2019). What HBO's "Chernobyl" Got Right, and What It Got Terribly Wrong. *New York Times*, June 4.
- Hinsley, F. (1986) (second edition). *Sovereignty*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Huy Duc (2012). *Bên thắng cuộc (The winners)*, Vols. 1 and 2. New York: OsinBook.
- Jo, Junbae (2009). Dismantling Soviet trade Stalin's unions fortress in the Khrushchev era, in: *Soviet State and Society under Nikita Khrushchev*, Melanie Ilic and Jeremy Smith eds. London: Routledge.
- Linz, Juan J. (2000). *Totalitarian and authoritarian regimes*. London: Lynn Rienner.
- McAuley, M. (1977). *Politics and the Soviet Union*. Harmondsworth: Penguin Books.

Nguyen, T.V., Ho, B.D., Le, C.Q., Nguyen, H.V. (2016). Strategic and transactional costs of corruption: perspectives from Vietnamese firms. *Crime, Law and Social Change*, N.65:4. P.351–74.

P. Thảo – H. Sâm (2018). Nhất thể hoá Bí thư – Chủ tịch UBND: “Dân kêu là phải tới, lập tức giám sát ngay!” (Amalgamation of the position of Party Secretary and People’s Committee Chairman: The population cries that we must advance to it, and immediately set up monitoring). *Dan Tri*, 16.08.2018. URL: <https://dantri.com.vn/chinh-tri/nhat-the-hoa-bi-thu-chu-tich-ubnd-dan-keu-la-phai-toi-lap-tuc-giam-sat-ngay-20180816104043334.htm>.

People’s Committee of Thua Thien Hue province (2017). Human Rights Guidance Committee. Plan for Human Rights work in 2017 (in Vietnamese, translation by the author). Document # 09/KH-BCDNW, 15.02.2017. URL: www.thuvienphapluat.vn.

Prostakov, Igor (1998). Economic Reform in the Interregnum between Andropov and Gorbachev-Ryzhkov, in: *The Destruction of the Soviet Economic System—an Insiders’ History*, Michael Ellman & Vladimir Kontorovich eds. Armonk, NY: M.E. Sharpe.

Quinn-Judge, Sophie (2002). *Ho Chi Minh: The Missing Years, 1919–1941*. Berkeley CA: University of California Press.

Social media praised for role in 'humane' end to Vietnam farmer standoff. Retrieved on January 15, 2020 from URL: <https://www.refworld.org/docid/5971a77910.html>.

Soviet State and Society under Nikita Khrushchev (2009), Melanie Illic and Jeremy Smith eds. London: Routledge.

Thayer, Carl (1992). *Political development in Vietnam: from the sixth to the seventh National Party Congress*. Canberra ACT: ANU.

Tuong Lai. Báo cáo sơ bộ về cuộc khảo sát xã hội tại Thái Bình cuối tháng sáu, đầu tháng bảy năm 1997 (Preliminary report of a sociological investigation in Thai Binh at the end of June and early July 1997). Retrieved on January 15, 2020 from URL: <http://lichsvvn.net/forum>.

VCP (Vietnamese Communist Party) (2019a). Điều lệ Đảng (do Đại hội đại biểu toàn quốc lần thứ III của Đảng thông qua [Party Statute (passed by the III National Party Congress)]. Retrieved on October 8, 2019 from URL: <http://tulieuvankien.dangcongsan.vn/ban-chap-hanh-trung-uong-dang/dai-hoi-dang/lan-thu-iii/dieu-le-dang-do-dai-hoi-dai-bieu-toan-quoc-1454>.

VCP (Vietnamese Communist Party) (2019b). Tư tưởng chuyên chính vô sản của C.Mác và sự vận dụng sáng tạo ở Việt Nam trong Đổi mới (The ideology of Marx’s dictatorship of the proletariat and its creative use in Doi moi Vietnam). Retrieved on October 8, 2019 from URL: <http://lyluanchinhtri.vn/home/index.php/nguyen-cuu-ly-luan/item/2592-tu-tuong-chuyen-chinh-vo-san-cua-cmac-va-su-van-dung-sang-tao-o-viet-nam-trong-doi-moi.html>.

VCP Central Committee (Ban Chấp Hành Trung Ương) (2016). Quy định số 29-QĐ/TW thi hành Điều lệ Đảng (Regulation 29-QĐ / TW enforces the Party Charter). Retrieved on October 8, 2019 from URL: <http://dangcongsan.vn/he-thong-van-ban/chi-tiet-van-ban/id/2218.html>.

Vickerman, Andrew (1986). The fate of the peasantry – premature 'transition to socialism' in the Democratic Republic of Vietnam. Monograph Series No. 28. Yale University, Southeast Asian Studies Centre for International and Area Studies.

Vu Anh Dao (2017). *Tien le tien la phat: investigating the persistence of corruption in Vietnam*. PhD Thesis, Victoria University of Wellington.

Vu Ngoc Anh (2017). Grassroots Environmental Activism in an Authoritarian Context: The Trees Movement in Vietnam. *Voluntas*, № 28. P. 1180–1208.

Wischermann, Joerg (2010). Civil Society Action and Governance in Vietnam: Selected Findings from an Empirical Survey. *Journal of Current Southeast Asian Affairs*, No.2. P. 3–40.

Woodside, Alexander (1971). *Vietnam and the Chinese Model*. Cambridge MA: Harvard University Press.

For citation: *Fforde Adam* (2020). The VCP internal policy and possible legacies of the VCP–CPSU relationship: some hypotheses. Russian Journal of Vietnamese Studies, Series 2, No.2. P. 18–26.

Author:

Fforde Adam, Associate Professor, Asia Institute, University of Melbourne; Adjunct Professor, Victoria Institute for Strategic Economic Studies, Victoria University, Australia. ORCID: 0000-0001-6088-8310. E-mail: adam@aduki.com.au

Article history:

Received: February 2, 2020

Received in revised form: May 26, 2020

Accepted: June 1, 2020

Для цитирования: *Фьорд Адам*. Внутренняя политика КПВ и наследие отношений КПВ с КПСС: некоторые гипотезы // Вьетнамские исследования, сер. 2, 2020, № 2. С. 18–26 (на англ. яз.)

Автор:

Фьорд, Адам, доцент Азиатского института Мельбурнского университета; адъюнкт-профессор Института стратегических экономических исследований Университета Виктории, Австралия. ORCID: 0000-0001-6088-8310. E-mail: adam@aduki.com.au

Продвижение статьи:

Дата поступления: 11.02.2020

Дата поступления в переработанном виде: 26.05.2020

Принята к печати: 1.06.2020

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

DOI: 10.24411/2618-9453-2020-10013

Dang Hoang Linh

MAIN TRENDS OF VIETNAM'S INTERNATIONAL INTEGRATION IN TRADE UP TO 2030

Abstract. In the era of globalization, international trade integration is an indispensable trend for the development of each country, including Vietnam. Vietnam's foreign trade policy has been increasingly adjusted to be a more flexible, open mechanism, creating a favorable environment for both domestic and foreign enterprises to develop production, promote imports and exports. However, the uniformity and cohesion among sectors and fields are not high, some action plans and programs are not associated with development practices. This article aims to analyze Vietnam's achievements and limitations in the field of international trade, and to propose solutions to promote Vietnam's trade integration process up to 2030. The article applies the method of analyzing, comparing theory and data based on those from sources of agencies and individuals.

Key words: international integration, trade, Vietnam.

Данг Хоанг Линь

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ИНТЕГРАЦИИ ВЬЕТНАМА В ТОРГОВЛЕ ДО 2030 г.

Аннотация. В эпоху глобализации международная торговля является необходимым явлением для развития каждой страны, включая Вьетнам. Политика международной интеграции Вьетнама в торговле постоянно совершенствуется для превращения ее в более гибкий и прозрачный механизм, создающий благоприятные условия как для отечественных, так и для иностранных предприятий в целях развития производства, стимулирования импорта и экспорта. Однако унификация и связи между секторами и отраслями экономики развиты еще слабо, многие планы и программы далеки от реальности. Цель данной статьи – проанализировать достижения и проблемы Вьетнама в области международной торговли и предложить решения для продвижения процесса торговой интеграции Вьетнама до 2030 г. В статье применяется аналитический и сравнительный методы, источниками являются данные агентств и отдельных исследователей.

Ключевые слова: международная интеграция, внешняя торговля, Вьетнам.

Introduction

According to experts, Vietnam is one of the countries that have been implementing economic reforms in recent years quite successfully. In the general trend of international economic integration and globalization, Vietnam has participated in and signed about 80 bilateral and multilateral

agreements; since more than 10 years of negotiation, Vietnam has become an official member of the World Trade Organization (WTO).

International trade integration is an important factor for the country's economic development, helping expand export markets for Vietnamese goods, to attract foreign direct investment, to improve business environment, to enhance national competitiveness. In addition, along with the goal of making Vietnam a high middle-income country by 2030, the Prime Minister issued Decision No. 40/QĐ-TTg on January 7, 2016, approving the Overall for international integration up to 2020, vision to 2030 of Vietnam. However, international trade integration still has many problems. The preparation process of organizations and individuals, especially domestic enterprises, has not kept up with the roadmap and level of international commitments, has not yet utilized international laws and standards fully and effectively to protect the interests of the Vietnamese State, enterprises and individuals in the integration process.

Therefore, along with milestones in Vietnam's development goals, the article discusses the orientation of international trade integration by 2030. The chief task of the author is to analyze the orientation for national synergy, to consider the totality of favorable international conditions for quick transformation of Vietnam into an industrialized country, for its modernization, to improve people's welfare, and to raise international status and prestige of the country.

The article focuses on clarifying the process of Vietnam's international trade integration, considering the impact (both positive and negative) of this process on the Vietnamese economy, thereby giving some recommendations for the economy to accelerate international trade integration by 2030.

Overview of scientific literature and theoretical basis

Academic discours and research method

There has been a lot of research on international integration in the field of trade issues. *In theory*, the typical work is "International Trade Theory and Policy: A Review of the Literature" by Sunanda Sen [Sen 2010]. Although there was no direct analysis on Vietnam, the work showed theoretical issues from classical theories to new ones on the way of effective international trade integration in developing countries.

In practice, the outstanding research is "BRICS Trade Integration Efficiency" by M.G. Nikitina and R.V. Naumenko [Nikitina & Naumenko 2015], who analyzed the regional integration of trade in large emerging economies. Although there was no analysis of Vietnam, the article showed the integration lessons useful for Vietnam in the same development period. In his work "New Policy towards Vietnam? State Administration of the Russian Federation and a Realization of the Free Trade Agreement between the EAEU and Vietnam", N.V. Fedorov [Fedorov 2018] analyzed the policy of Vietnam's international trade integration within the scope of relations with Russia and the Eurasian Economic Union. Another research on Vietnam is "The Strategic Vision behind Vietnam's International Trade Integration" by Sophie Deprez [Deprez 2018], analyzing strategies of Vietnam in the process of international trade integration in bilateral and multilateral links.

In Vietnam, notable domestic works can be mentioned such as Ngo Van Diem [Ngo Van Diem 2004] on Vietnam's globalization and international economic integration. The author analyzed Vietnam's international economics having focused on three key pillars: FDI, trade, and SOEs. Besides, the series of the General Statistics Office's regular press releases from the first quarter of 2008 to the first quarter of 2018 on Vietnam's socio-economic situation provided the official data on Vietnam's economy and integration process.

In general, the related researches have not yet analyzed a specific and updated direction for Vietnam's international trade integration as well as specific solutions to be implemented. Recognizing these limitations, this article will focus on analyzing achievements and limitations in the past to give an orientation for the future and proposing holistic solutions to promote the process of Vietnam's international trade integration up to 2030.

Basis of theory

In the most comprehensive way, international integration is understood as the process by which countries strengthen their cohesion based on the sharing of benefits, goals, values, resources, and power (decision-making authority) and compliance with common rules within the framework of international institutions [Dang Dinh Quy 2012: 2].

International trade is being explained by some famous theories such as the theory of "absolute advantage" of Adam Smith in the 18th century, and the theory of "comparative advantage" of David Ricardo by the early 19th century. International trade is the driving force promoting the process of international integration. International trade contributes to the expansion of external economic relations, gradually bringing the domestic market to integrate with the world market, improving the position and prestige of each country in the international arena.

Reality of Vietnam's international trade integration process

Joining bilateral and multilateral institutions in the region and in the world

As of 2019, Vietnam established diplomatic relations with 189 countries around the world. With a positive and proactive international economic integration policy, Vietnam expanded economic relations with many countries and international organizations, having established trade links, and having exported goods to more than 230 markets. Vietnam signed over 90 bilateral trade agreements, nearly 60 agreements on investment encouragement and protection, 54 agreements for the Avoidance of Double Taxation and a number of bilateral cultural cooperation agreements with many countries and international organizations.

Currently, Vietnam is an important member of ASEAN, who actively implements the commitments of the ASEAN Free Trade Area (AFTA). Besides, Vietnam is an active member of APEC, ASEM and many other international economic organizations, participating in free trade agreements (FTA) with such partners as China, Korea, India and Japan. Vietnam also signed an economic partnership agreement (EPA) with Japan, the Comprehensive and Progressive Agreement for Trans-Pacific Partnership (CPTPP) and the European-Vietnam Free Trade Agreement (EVFTA). In 2007, Vietnam officially joined the World Trade Organization (WTO), and established trade relations with over 150 countries and territories, marking the comprehensive and complete integration of Vietnam into the global economy.

Development of fields in international trade frame

Trade in goods

In over 10 years after joining the WTO, Vietnam's total import-export turnover reached more than US\$ 500 billion in 2019, increasing 5-fold compared with that in 2007. In a total turnover the exports amounted to more than US\$ 260 billion (Fig. 1). The structure of Vietnam's exported goods continues to be improved, reducing the export of raw materials, increasing that of processed and manufactured goods. While the export of agricultural and aquatic products decreased by 4.5 %, and the group of fuels and minerals reduced by 9.7 %, products of processing industry increased by 10 %

compared to 2018. In comparison to 2011, Vietnam had 21 items in export turnover of over US\$ 1 billion, amounting to 81 % of total export, and by 2019 it had reached 32 items [To Uyen 2019: 2].

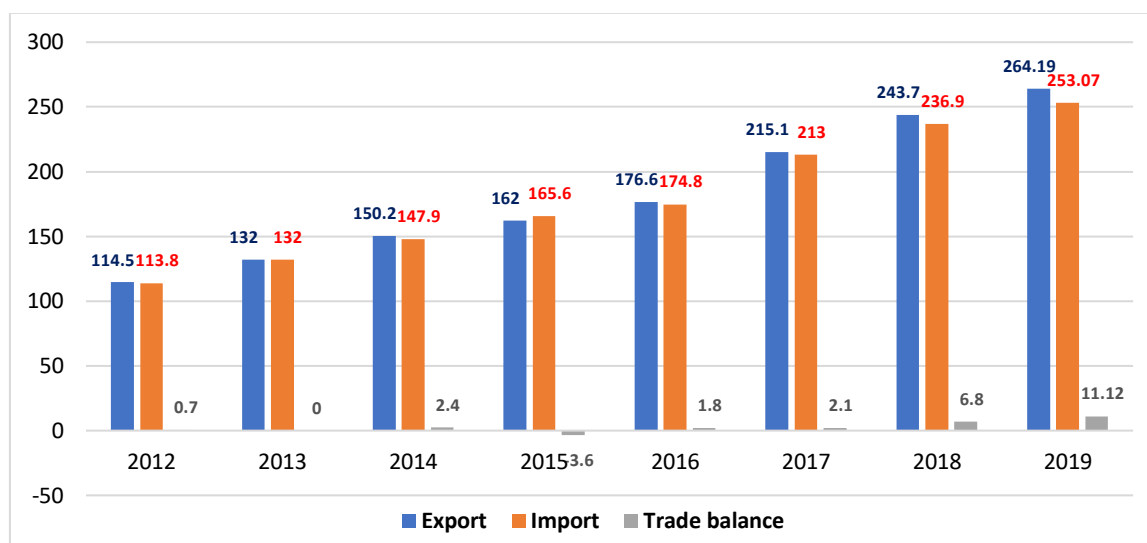

Fig. 1. Foreign trade turnover, import and export volume and trade balance in the period of 2011–2019 [Vietnam Customs 2020].

Trade in service

The strong development of international trade has accelerated the development of maritime services including port operation, warehousing and logistics services. In recent years, the volume of goods clearance has increased rapidly. In 2018, the volume of goods imported and exported through Vietnam's seaport system reached 530.14 million tons, increasing by 19.9 % over the previous year [Vietnam Maritime Administration 2019: 1]. Besides, tourism has also become a key industry due to the development of international trade. In 2019, the inflow of foreign tourists to Vietnam reached 18 million, increasing by 16.2 % compared to 2018 (Table 1).

Table 1. International visitors' inflow (tourist arrivals) to Vietnam in 2019

Target	Estimation of Dec. 2019, thousand	2019 (whole year), thousand	Dec.2019 compared with the previous month (%)	Dec. 2019 compared with Dec. 2018 (%)	2019 compared with 2018 (%)
Total	17,101.68	18,008.591	94.5	124.4	116.2

Source: [Vietnam National Administration of Tourism 2020: 2].

Commercial investment

Over the past years, FDI has made great contributions to Vietnam's socio-economy. In 2008, when Vietnam joined the WTO, total FDI capital registered from 1988 was high at US\$ 71.7 billion, triple as compared to 2007 [Le Xuan Duong 2019: 2]. In 2019, the FDI inflow into Vietnam reached US\$ 38 billion, increasing by 7.2 % over the same period in 2018 and the capital disbursement reached US\$ 20.38 billion, increasing by 6.7 % compared to 2018 [Viet Dung 2019: 1]. However, in the first two months of 2020, due to the effect of the Covid-19 pandemic, FDI inflow including new registration, adjustment and capital contribution was only US\$ 6.47 billion, equaling 76.4 % compared to the same period in 2019 (Fig.2).

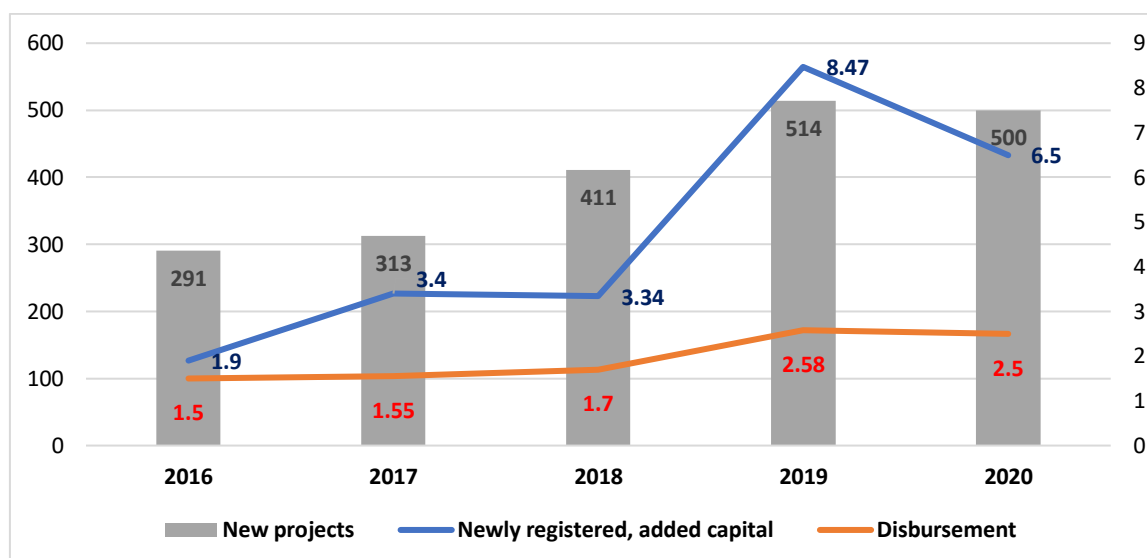

Fig. 2. Total FDI in Vietnam registered in the first two months of the year from 2016 to 2020 [Khang Nhi 2020: 1].

Regarding FDI partners, as of 2019, Vietnam has recorded 125 countries and territories investing into the country. The partners are mainly from Japan, South Korea, Taiwan, Hong Kong, and Singapore. In particular, South Korea still leads the list with a total investment of US\$67.7 billion, accounting for 18.6 % of total investment capital. Japan ranked second with total investment capital of US\$ 59.3 billion. Singapore ranked third with a total registered investment capital of US\$ 49.8 billion, followed by Taiwan and Hong Kong [FIA Vietnam 2020].

With the purpose to integrate actively into the world economy, the Ministry of Planning and Investment has organized many policy dialogues with businesses of Japan, Korea, Singapore, China, Hong Kong, Germany, Netherlands, India, etc. As a result, the number of working delegations coming to explore investment opportunities in Vietnam grew sharply in 2019, with an increase of about 30 % compared to 2018. Recently, the investment from China and Hong Kong has tended to increase due to the impact of the US–China trade war, with an increase of nearly 1.65 times and 2.4 times respectively, compared to the same period in 2018 [FIA Vietnam 2020]. Although the strong increase in the committed capital of Chinese FDI into Vietnam is a good signal, there are also potential risks that Vietnam needs to take into account given the notoriously low-quality and polluting projects of Chinese companies in the eyes of Vietnamese people.

Intellectual property

Since 1995, Vietnam has developed the Intellectual Property Action Program to meet standards of the World Trade Organization's (WTO) Agreement on Trade-Related Aspect of Intellectual Property Rights (the TRIPS Agreement). The legal system on intellectual property has been continuously improved. From 2005 up to now, the registration and granting of protection certificates have increased by 20 % per year. In terms of copyright, many interesting foreign books have been bought with copyright for translation and publication in the country. Regarding industrial property rights trademark registration has increased by 25-30%, patent protection has also increased by 10–15 % [Intellectual Property Office 2010: 15].

In recent years, Vietnam has actively participated in the new generation FTAs such as CPTPP (2018) and EVFTA (2019), which have great impacts on the country's IP system. In general, these two agreements require greater transparency in IP rights policies and regulations, ranging from

general provisions to specific mechanisms of protection, enforcement and border control. For example, the agreements require tightening the enforcement of IP rights through civil, administrative, and even criminal measures. In terms of the protection mechanism, the EVFTA has added specific standards which require the compensation for patent owners, if there is an unreasonable delay in the procedure license for drug circulation (this provision has never appeared in TRIPS or the Vietnamese laws) [Intellectual Property Office 2020]. It is clear that the commitments on IP in new FTAs have placed great demands on Vietnam to reform the legal system, to strengthen the capacity of the state management and agencies in IP.

Impact of international trade integration

Positive impact

From the achievements in exports and investment attraction, Vietnam's GDP in 2019 has increased by 7.02 %, bringing the economy's scale to more than US\$ 262 billion, increasing 1.35 times compared to 2015 (US\$ 193.2 billion). Vietnam has been deleted from the list of underdeveloped countries and listed in the group of middle-income developing countries and the next target is to join the group of high-middle-income countries in 2025–2030. In terms of the economic growth quality, in 2019, the contribution of total factor productivity (TFP) to GDP growth reached by 46.11 %, the average of 2016–2019 is by 44.46%, much higher than the average of 2011–2015 by 33.58 % [General Statistics Office 2019: 5].

Strengthening international trade integration will also increase the economy's resources through attracting FDI and other capital flows, increasing productivity due to better access to foreign knowledge and technology, improving resource efficiency, reaching optimal economic scale, accelerate domestic economic reform. The structure of the economy has shifted towards industries with export strengths and comparative advantages; Vietnam's businesses have taken a more serious business attitude, paying more attention to their brands, quality, food safety and hygiene, and have accumulated more experience in dealing with unfair treatment in international trade.

Negative impact

The integration process has clearly revealed the internal deficiencies of the Vietnamese economy, creating fierce challenges for the business community and the entire economy. In particular, the quality of growth and competitiveness of Vietnam's economy and enterprises are still weak; competitive advantage is slowly improved; state investment is inefficient with large losses; diffusion and technology transfer of FDI are very limited; the increasing demand and "easy" currency (due to strong growth of credit and prolonged investment expansion) has encouraged "speculation" of land and financial assets. These problems appear in state-owned, private and FDI enterprises. Therefore, Vietnam will be very easily pushed into "bubble economy" or "trade liberalization trap" in the long term. Besides, FTA's bilateral and regional agreements also put great pressure on trade in goods due to the strong tax reduction. The structure of import-export goods seems to have no breakthrough; export is mainly based on natural resources, agricultural products and labor-intensive products in the production process.

The dependence on the global liberal economy is also a double-edged sword for Vietnam's economy, which has not only helped Vietnam develop but also pushed Vietnam into awkward situations. For example, the US-China trade war may lead to a decline in global GDP growth; if the policy is not flexible, Vietnam may fall into a decline in economic growth.

Advantages and deficiencies of Vietnam in the process of international trade integration

The strength of Vietnam's international trade integration process is that the government's policies have been increasingly adjusted to be more flexible, open, creating favorable conditions for domestic enterprises to develop their production as well as attract foreign investors. Vietnam is a country with diverse and abundant natural resources; it has a young population structure with abundant labor force. On the other hand, in the international situation, international integration in general and international trade integration in particular have become the inevitable trend.

On the contrary, the identified *deficiencies* are limited implementation and forecast capacity of international trade integration issues. Besides, the synchronism and cohesion among sectors and fields are not high. Some plans and action programs are only formal but not effective in practice. Moreover, the Vietnamese economy is easily affected by fluctuations of the world market. In 2020, the Covid-19 pandemic has had a great impact on the Vietnamese economy and especially in the field of trade and service, causing many companies to stop operating for a long time or even to bankrupt.

In this process, there are *opportunities*. First, the advantages of natural resources and abundant human resources help Vietnam improve its competitiveness in the difficult conditions of the global economy. With the advantage of labor force as well as strong development of the domestic market, Vietnam is benefiting from the shifting trend of FDI inflows. Another opportunity is that over 60% Vietnam's population is under 35 and the workforce is expected to continue growing over the next two decades. This means that Vietnam will have more domestic demand and less pension pressure than other countries. Industry 4.0 has been changing the face of global trade along with the strong development of e-commerce. If Vietnam takes this opportunity to accelerate technology development, there will be extremely positive changes in the future. Moreover, through events that have a negative impact on the Vietnamese international trade, such as the US application of trade protection policies also creates opportunities for Vietnam to re-evaluate its import-export markets, and take measures to improve and restructure the market in a more positive way.

However, besides the opportunities, the Vietnamese international trade integration process still faces significant *challenges*. On the one hand, the diversity of development levels, political, cultural and religious systems among the members of each political and economic institution makes a significant difference in the interests and concerns of economies in some cooperation areas. At the same time, the requirements for gradual reduction of tariffs and removal of non-tariff barriers when joining international economic organizations increase the competitive pressure on domestic manufacturing enterprises and also create a great challenge. Delay in reform could affect the motivation for businesses as well as the ability to catch up with other countries in Industry 4.0. Along with the development of e-commerce, the risk of cyber security attacks is also a challenge that Vietnam has to face and solve. In addition, the US-China trade war makes a significant impact on the import-export since both the US and China are the two major partners of Vietnam. In particular, when Chinese goods exported to the US are limited, it will cause a surplus and goods will be flocked to the Vietnamese market, creating great competitive pressure on domestic enterprises. Besides, goods exported from Vietnam to China will meet difficulty, as China has to consume large amounts of domestic goods because it cannot be exported to the US market. In addition, there are concerns that China may assemble products and label "Made in Vietnam" to avoid US taxes. If Vietnam does not strictly control this issue, the US may apply sanctions like those applied to China.

Proposal of solutions to promote Vietnam's international trade integration process from now up to 2030

For the quality of growth and competitiveness

Strengthening macroeconomic stability and improving the economy's resilience to external shocks may serve the basis, necessary to accelerate structural reforms, strongly modernize the economy and gradually restructure the growth model.

For import – export field

Expanding markets for Vietnamese products, developing a reasonable plan to complete the negotiation and signing of ongoing FTAs, actively researching and assessing the possibility of joining FTAs with new partners.

Accelerating the reform of administrative procedures in customs, supporting businesses, contributing to improve the business environment and national competitiveness. Restructuring the import – export sector to diversify the Vietnamese trading market, preventing risks from external shocks.

For commercial investment

Focusing on the efficiency and quality of FDI to promote economic restructuring, growth of quality and competitiveness. Developing incentive mechanisms to attract FDI projects to form a network of value chain.

For intellectual property

Continuing to improve laws on intellectual property, especially enforcement regulations. Improving transparency in establishing and enforcing procedures for IP rights. Reorganizing IP enforcement mechanisms to clearly separate between civil, administrative and criminal measures.

In conclusion, international integration is always the most consistent policy of the Vietnamese State Party and is concretized specifically in each stage of development of the country. International trade integration has made an important contribution to the achievement of 30 years of national renewal. Currently, Vietnam is aiming to build a strategy of international trade integration by 2030 with the goal of creating prerequisites for breakthrough development, becoming a powerful and reputable country in the region and worldwide. The Vietnamese international integration process has reached a new level. The process of international integration has made an important contribution to raising the position and power of Vietnam in socio-economic development and raising incomes for people; create pressure and conditions to actively improve economic institutions; efforts to improve national, enterprise and product competitiveness. Proactive and positive international and extensive international integration is the most appropriate method and solution to transform foreign forces into internal resources to develop the country and contribute to maintaining independence, autonomy and national identity.

References

- Đặng Đình Quý* (2012). Discuss more about the concept of "international integration" of Vietnam in the new period. Retrieved on April 20, 2020 from URL: <http://tapchicongsan.org.vn/web/guest/chi-tiet-tim-kiem/-/2018/19013/ban-them-ve-khai-niem-%E2%80%99Choi-nhap-quoc-te%E2%80%99D-cua-viet-nam-trong-giai-%C4%91oan-moi.aspx>.
- Deprez, Sophie* (2018). The Strategic Vision behind Vietnam's International Trade Integration. Journal of Current Southeast Asian Affairs, Vol.37, Issue 2. P. 3–38.
- Fedorov, N.V.* (2018). Novaya politika v otnoshenii V'etnama? Gosudarstvennoe upravlenie Rossijskoj Federacii i realizaciya svobodnogo trgovogo soglasheniya s V'etnamom. Voprosy

Gosudarstvennogo i Municipal'nogo Upravleniya (New policy towards Vietnam? State administration of the Russian Federation and a realization of the free trade agreement between the EAEU and Vietnam. State and municipal government review), № 5. P. 68–79.

Ferto, Imre and Hubbard, L.J (2001). Regional comparative advantage and competitiveness in Hungarian agri-food sectors. 77th EAAE seminar/NFJ Seminar No.325, August 17–18, Helsinki. P. 56–69.

Foreign Investment Agency – FIA (2020): Facts about attracting foreign direct investment 2019. Referred on April 19, 2020 at <https://dautunuocngoai.gov.vn/tinbai/6318/Tinh-hinh-thu-hut-dau-tu-nuoc-ngoai-nam-2019>

General Statistics Office of Vietnam (2019). Press release on socio-economic situation in the 4th quarter and the year 2019. Retrieved on April 19, 2020 from URL: <https://www.gso.gov.vn/default.aspx?tabid=382&idmid=2&ItemID=19453>.

General Statistics Office. Press releases from the first quarter of 2008 to the first quarter of 2018, Hanoi.

Intellectual Property Office of Vietnam (2010). Report of workshop on “Intellectual Property Rights and Vietnam's deep integration into the global economy” held by Intellectual Property Office of Vietnam and Public Intellectual Property Resource for Agriculture (PIPRA), supported by United States Patent and Trademark Office (USPTO) on May 12, 2010.

Intellectual Property Office of Vietnam (2020). New generation FTAs: Opportunities and challenges with Vietnam's intellectual property system. Retrieved on 25.05.2020 from URL: http://www.noip.gov.vn/vi_VN/web/guest/hoat-ong-shcn-trong-nuoc/-/asset_publisher/7xsjBfqhCDAV/content/cac-fta-the-he-moi-co-hoi-va-thach-thuc-voi-he-thong-so-huu-tri-tue-viet-nam.

Khang Nhi (2020). Total FDI invested in Vietnam in the first two months of 2020 strongly decrease. Retrieved on 24.05.2020 from URL: <http://kinhtedothi.vn/bieu-do-tong-von-fdi-vao-viet-nam-2-thang-dau-nam-2020-giam-manh-376449.html>.

Lương Xuân Dương (2019). Foreign direct investment in Vietnam in the period of 1988-2018 and solution. Retrieved on 19.04.2020 from URL: <http://tapchitaichinh.vn/nghien-cuu-trao-doi/dau-tu-truc-tiep-nuoc-ngoai-vao-viet-nam-giai-doan-19882018-va-mot-so-giai-phap-310154.html>.

Ngo Van Diem (2004). Economic globalization and Vietnam's international economic integration. Hanoi: National Political Publishing House.

Nguyen Nhu Binh (2004). Vietnam's Non-Agricultural Market Access. Paper submitted to UNDP, September.

Nguyen Nhu Binh and Haughton, Jonathan (2002). Trade Liberalization and Foreign Direct Investment in Vietnam. ASEAN Economic Bulletin, December. P. 302–318.

Nikitina, M.G., Naumenko, R.V. (2015). Effektivnost' torgovoj integracii BRIKS. Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo (BRICS trade integration efficiency. The scientific research of Crimea Federal University), № 2 (67). P. 123–135.

Sen, Sunanda (2010). International Trade Theory and Policy: A Review of the Literature. Research of Levy Economics Research Institute, No. 635. P. 1–23.

Tổ Uyên (2019). In 2019: Impressive increase of export in both quantity and quality. Retrieved on 20.04.2020 from URL: <http://thoibaotaichinhvietnam.vn/pages/kinh-doanh/2019-12-26/nam-2019-xuat-khau-tang-truong-an-tuong-ca-ve-luong-va-chat-80786.aspx>.

Việt Dũng (2019). Total FDI invested in Vietnam in 2019 at highest level within 10 years. Retrieved on 19.04.2020 from URL: <http://tapchitaichinh.vn/nghien-cuu-trao-doi/tong-von-fdi-do-vao-viet-nam-nam-2019-cao-nhat-trong-vong-10-nam-317054.html>.

Vietnam Customs (2020). Situation of goods import and export of Vietnam in December 2019. Retrieved on 20.04.2020 from URL: <https://www.customs.gov.vn/Lists/ThongKeHaiQuan/ViewDetails.aspx?ID=1734&Category=Ph%C3%A2n%20t%C3%ADch%20%C4%91%E1%BB%8Bnh%20k%E1%BB%B3&Group=Ph%C3%A2n%20t%C3%ADch>.

Vietnam Maritime Administration (2019). Volume of goods cleared through seaports in 2018. Retrieved on 20.04.2020 from URL: <http://www.vinamarine.gov.vn/vi/noi-dung/khoi-luong-hang-hoa-thong-qua-cang-bien-nam-2018>.

Vietnam National Administration of Tourism (2019). Statistics of international visitors to Vietnam. Retrieved on 20.04.2020 from URL: <http://vietnamtourism.gov.vn/index.php/statistic/international?txtkey=&year=2019&period=t12>.

For citation: *Dang Hoang Linh* (2020). Main trends of Vietnam's international integration in trade up to 2030. Russian Journal of Vietnamese Studies, Series 2, No.2. P. 27–36

Author:

Đặng Hoàng Linh, PhD, Associate Professor, Dean, Faculty of International Economics, Diplomatic Academy of Vietnam. ORCID: 0000-0001-6634-6723. E-mail: dhlinh13@gmail.com

Article history:

Received: April 20, 2020

Received in revised form: May 29, 2020

Accepted: June 5, 2020

Для цитирования: *Данг Хоанг Линь*. Основные направления международной интеграции Вьетнама в сфере торговли до 2030 г. // Вьетнамские исследования, сер. 2, 2020, № 2. С. 27–36 (на англ. яз.)

Автор:

Данг Хоанг Линь, доктор, доцент, декан факультета международной экономики Дипломатической академии Вьетнама. ORCID: 0000-0001-6634-6723. E-mail: dhlinh13@gmail.com

Продвижение статьи:

Дата поступления: 20.04.2020

Дата поступления в переработанном виде: 29.05.2020

Принята к печати: 5.06.2020

DOI: 10.24411/2618-9453-2020-10014

Nguyen Thi Luyen

“SOCIALIZATION”¹ OF EDUCATION DURING THE PERIOD OF RENOVATION IN VIETNAM

Abstract. Economic reforms have been carried out in Vietnam, aiming at developing a socialist-oriented multi-sector economy. As a component in the superstructure, therefore, the educational system has been affected by the economic mechanism, from the perspective of both welfare and investment. For the purpose of educational development, the “socialization” policy in education, which is aimed at mobilising resources from non-State sectors and encouraging the sharing of costs and responsibilities for education provision, is considered focal in this period. Based on the qualitative approach and secondary data, in combination with observation, in-depth interviews, and assessments made by the author, the paper provides a broad overview of the educational system in Vietnam under the impact of the “socialization” policy in the socialist-oriented market economy. It highlights the values as well as emerging problems resulting from the “socialization” policy in education in Vietnam at present.

Keywords: market economy, socialist orientation, “socialization” policy, education in Vietnam.

Нгуен Тхи Люен

«СОЦИАЛИЗАЦИЯ» ОБРАЗОВАНИЯ В ПЕРИОД ОБНОВЛЕНИЯ ВО ВЬЕТНАМЕ

Аннотация. Во Вьетнаме были проведены экономические реформы, направленные на развитие социалистически ориентированной многоотраслевой экономики. Новый экономический механизм, затронул систему образования, как элемент надстройки, что выразилось как в повышении ее материально-технического уровня, так и в финансовом обеспечении. Развитию образования в этот период во многом способствовала политика «социализации», направленная на мобилизацию ресурсов негосударственных секторов и поощрение распределения затрат и ответственности за предоставление образовательных услуг между государством и населением. Опираясь на качественный анализ вторичных данных, а также авторские наблюдения, социологические опросы и оценки, статья представляет широкий обзор образовательной системы СРВ. Освещены как преимущества политики «социализации» в сфере образования во Вьетнаме в настоящее время, так и возникающие в ходе её проведения проблемы.

Ключевые слова: рыночная экономика, социалистическая ориентация, политика «социализации», образование во Вьетнаме.

Introduction

After the 6-th National Congress of the Communist Party in December 1986 Vietnam started to carry out a transition from the centrally planned economy to the socialist-oriented market economy. Socialist-oriented market economy is a general economic model in the period of transition to socialism in Vietnam. It is elaborated fully and unanimously in accordance with the rules of market economy,

¹ In Vietnam, “socialization” is the term used to describe the mobilization of resources from non-State sectors for public services. Thus, “socialization” of education means to encourage the sharing of costs and responsibilities for education provision between authorities, communities, and households.

while fulfilling the socialist-oriented requirements set up appropriately for each specific period of national development [Political Economy Textbook 2019]. In the socialist-oriented market economy, therefore, economic development must be attached closely to the improvement of social issues; economic development provides material conditions for the implementation of social policies. The new economic mechanism created a great motivation for recovering the national economy, which had been in decline due to the earlier crisis. As productive forces were liberated and development potential of the country was promoted, significant achievements were gained. Based on the comparative data issued by the World Bank, the GDP per capita in Vietnam was US\$ 98 in 1990 and amounted to US\$ 2,500 US\$ in 2018.

Corresponding to the new economic mechanism, the “socialization” policy is viewed as the key to development of education in the period. Accordingly, the mobilization of resources for education has been accelerated. The non-State educational and training sector has contributed significantly to the development of the general educational and training system for the entire society [Đảng Cộng sản Việt Nam 2013]. The “socialization” policy has led to positive changes in education; “the educational and training system has received quite sufficient investment; educational and training facilities and equipment have been obviously improved and increasingly modernised; the quality of education and training has been enhanced in order to meet the needs of society” [Đảng Cộng sản Việt Nam 2016: 228]. However, since many types of ownership and competition are accepted, the educational system has changed and caused “new issues”, different from those of the centrally planned and subsidised system in the past. This is also a gap that many previous research works have not clarified. This paper, therefore, focuses on analysing the above-mentioned issues.

Research Works Conducted Previously on Education and “Socialization” of Education

Education is a topic, which many researchers have paid attention to, especially in the context of the economic reforms in Vietnam. Apart from the research works done at the macro level, such as the works on the educational philosophy or the measures to build an advanced educational system such as Phạm Minh Hạc [2017], Nguyen Xuan Han & Hoang Tuy [Nhiều tác giả 2008] etc. There have been research works focusing deeply on specific issues and making assessments of various segments of the educational system. They analysed both internal elements and influential factors, aiming at providing a general evaluation of the existing educational system in Vietnam such as Nguyen Van Tuan [Nguyễn Văn Tuấn 2011], Phạm Đỗ Nhật Tiến, Phạm Lan Hương [2014], etc. “Socialization” of education is also a topic attracting a lot of attention from researchers and authorities, as well. It is argued that the “socialization” policy has resulted in obviously positive changes; various potentials and resources have been mobilised [Phạm Đỗ Nhật Tiến 2014: 284–285]. There are, however, shortcomings; for example, the administration of schools has not been transparent yet; the educational legal regulations have not been consistent. Meanwhile, a different point of view is expressed too [Nhiều tác giả 2008: 314–315]. In the market economy, individuals take part in the management of schools, based on their own investment, while the role of the State is getting increasingly insignificant. He, therefore, argues that “the burden of education” should not be transferred to the people due to lack of budget. Pham Chi Dung [Nhiều tác giả 2008] worries that educational justice will not be maintained, when tuition fees are far different. In addition, there have been some reports on the “socialization” of education made by local authorities and schools, which mainly focus on evaluating the efficiency related to the attraction of social resources.

As mentioned above, various research works on education and the “socialization” policy in the educational sector have been carried out, but they have not clarified the main cause of the socialization

of education that rouses new factors compared to traditional education (before the period of Renovation) such as the subjects, objects, content and educational activities, which have emerged from the market economy. This is a gap, on which the author would like to focus in this article.

“Socialization” of education in form of “the sharing of responsibilities between the state and the people”

In 1986, for the first time the sharing of responsibilities and investment in education between the State and the people was discussed: “the contribution made by collective economic organizations and individuals to the facilities of the educational sector in form of the sharing between the State and the people” [Đảng Cộng sản Việt Nam 1986]. The principles in performing the encouragement of “socialization” and the mobilization of investment in education were, consequently, regulated at Terms 6 of Article 4 and Article 10 [Đảng Cộng sản Việt Nam 2013]. According to the principles, the educational institutions, which are allowed to carry out “socialization”, can have a merger or cooperate with local and international organizations/individuals appropriate to the functions and duties of the institutions, in order to mobilise fund, human resources, and technology to enhance the quality of service.

Therefore, Pham Van Thanh [Phạm Văn Thanh 2010] considers “socialization” of education to be a process, in which the State role is getting more significant in giving orientations, directions, management, and increasingly higher investment. Although the State and the people together share the costs and responsibilities, the State plays a key role in mobilizing both intellectual and material resources of society for educational development. Thus, the State encourages and provides favourable conditions for organizations and individuals to contribute and invest effort, knowledge, and property in education. The financial sources for investment in education include the receipts from educational support and service activities.

In 2013, due to the demand for a fundamental and comprehensive reform in the educational sector, the necessity of “socialization” of education was reconfirmed in Resolution No. 8 of the 11th Central Committee of the Communist Party as follows: “Socialization” must be promoted for the purpose of increasing investment in high-quality schools at all grades and training levels; the proportion of non-public schools should increase among the establishments of vocational training and higher education, heading towards the foundation of community investment-based schools” [Đảng Cộng sản Việt Nam 2013]. In order to implement successfully “socialization” of education, the State should play a decisive role and the fundraising for education should account for at least by 20% of the total State spending; it is essential to ensure step by step fundraising for professional activities at the public institutions of education and training [Đảng Cộng sản Việt Nam 2013].

Aiming at promoting the resources from the people and strengthening international cooperation for the “socialization” of education, the 2019 Education Law [National Assembly 2019] has recently been issued, promoting public private partnership, joint venture, and association in the educational sector.

“Socialization” of education with types of schools and educational effectiveness

“Socialization” of education in form of “the sharing of responsibilities between the State and the people” is reflected through the organization of different types of schools. It can be generalized (relatively) through 3 stages of establishment of various types of schools: (i) right after the renovation, non-public schools (people-founded and private schools) started to be founded; (ii) further, semi-public and ‘partially’ financed self-sufficient public schools were established in 1993–1997; (iii) and from

2012 up to now, ‘fully’ financed self-sufficient public schools and ‘self-sufficient university’ have been targeted and applied.

Thus, non-public schools can compete freely with each other for the quality of service, the tuition fee, the teaching quality, and the recruitment of teachers etc., but they all have to comply with the content, curricula, and some other criteria regulated by the Ministry of Education and Training. Meanwhile, public schools, especially semi-public and financially self-sufficient public schools, can enjoy an opener mechanism relating to finance, recruitment, admission, human resource management, and organization of educational activities.

Public schools, semi-public and financially self-sufficient public schools are provided with infrastructure, facilities, wages, and other funding for educational activities from the State budget. However, the scale of State investment in these schools varies. Accordingly, semi-public and financially self-sufficient public schools do not have many teachers, who get wages from the State budget like those of public schools do. The former schools recruit teachers on short-term and long-term contracts. The main source of funding to pay to teachers for their educational activities come from students and is based on the financial scheme of revenue and expenditure approved by the Ministry of Education. Public schools can also make contracts with visiting teachers and pay for them with additional income such as: teachers are arranged to provide extra classes, for which students have to pay fees; transnational education programmes are held in addition to regular ones; campuses are exploited etc. Those activities help to increase the income of teachers and staff, depending on their contribution of time and effort as well as the working effectiveness. Thus, the motivation and efficiency for the school’s members is created.

Basically, private schools (or non-public schools) are different from public and financially partly self-sufficient public schools in terms of the ownership of facilities and the financial mechanism. Non-public schools are seen to be 100 % socialized establishments in terms of financial resources and facilities, which are mobilized from organizations, enterprises, and individuals, students have to pay all the fees corresponding to the service of education.

In addition, the association with local and overseas educational institutions can be set up in various forms of training or research cooperation, such as: cooperation in providing educational support and cooperation in taking advantage of educational service etc., depending on the goals of the schools and complying with the law on education in Vietnam.

Organizational forms of education (through types of schools with defined operational mechanisms) are adapted to each stage of the renewal period. Overall, Vietnam with more than 30 years implementing “socialization” of education has made a significant change in the scale, form, content and effectiveness of education.

In 2017–2018 school year, the proportions of non-public schools/universities, lecturers/ teachers, and students/pupils were 27.5 %/2.6 %, 21 %/3 %, and 15.7 %/2.2 % respectively (Table 1). The above-mentioned data show that, in the non-State educational sector, higher education was attached with greater importance and received more investment, compared with general education (preschool, primary, secondary, and high schools).

Table 1. Statistics of universities/schools, lecturers/teachers, and students/pupils in the public and non-public sectors in Vietnam in school year 2017–2018 (thousand persons)

		Total	Public	Proportion (%)	Non-public	Proportion (%)
	Universities/	236	171	72.5	65	27.5

Higher education	colleges					
	Lecturers	74.9	59.2	79.0	15.7	21.0
	Students	1,707.0	1,439.4	84.3	267.5	15.7
General education	Schools	28.7	27.9	97.4	735	2.6
	Teachers	852.9	827.5	97.0	25,4	3.0
	Pupils	5,923.7	15,583.1	97.8	340,5	2.2

Source: Statistical data of the Ministry of Education and Training (2020).

A vigorous change in Vietnam's education is carrying out today by the "socialization" of education in form of "the sharing of responsibilities between the state and the people". In regard to the size of the educational system at the level of general education (primary, secondary, and high schools), in school year 1995–1996, there were 21,049 schools all over the country. In school year 2017–2018, the number of schools rose to 28,710. At the level of higher education, the number of universities and colleges rose from 96 in 1996 to 263 in school year 2017–2018 (higher education only). At the same time, the number of teachers at the level of general education grew from 492.7 thousand in school year 1995–1996 to 852.9 thousand in school year 2017–2018. Regarding lecturers at universities and colleges, the corresponding number was 23.5 thousand and 74.9 thousand in 1996, and in school year 2017–2018 respectively [GSO 2019 and Ministry of Education and Training 2020]. In addition to the growth in quantity, the quality and qualifications of the teaching force in both the public and non-public sectors have been obviously improved. In the context of "competition", the teachers' qualifications, willingly or not, are considered to be a crucial factor. This has promoted the improvement of qualifications and skills among teachers. Due to the competition, furthermore, all teachers are required to enhance their qualifications, as an absolute necessity. Based on the statistical data of the Ministry of Education and Training, the number of university lecturers with a PhD or Master's degree, grew rapidly, from 9,653 PhDs and 34,152 Masters in school year 2013–2014 to 20,198 PhDs and 44,634 Masters in school year 2017–2018 [MET 2020].

Besides the investment made by organizations, enterprises, and individuals in the foundation and organization of schools, the amount of money paid directly by parents of pupils has increased considerably. As there are various forms of education with different tuition fees, people can choose the most appropriate "channel of investment" to ensure their children's right to education. Moreover, apart from public schools, people can send children to non-public schools, international schools located in Vietnam or abroad, and other educational institutions as well. In 2006, the financial amount contributed by people to the education for children at public and non-public schools accounts for roughly 25.% of the total budget for education [Viện Khoa học Giáo dục Việt Nam 2010]. According to statistical data, the number of school pupils has grown insignificantly over 20 years, from school year 1995–1996 to school year 2017–2018; whereas, the number of university students and postgraduates has grown rapidly over the same period. At the same time, the ratio of pupils to teachers decreased much, from 31.6 pupils/a teacher to 17.9 pupils/a teacher (Table 2). The decrease in the ratio of pupils to teachers and the increase in the number of university and college students demonstrate a positive change in the educational system.

Table 2. Quantity of learners

General education		
School year	1995–1996	2017–2018
School pupils (<i>thousand persons</i>)	15,561.0	15,923.7

Ratio of pupils to teachers (%)	31.6	18.6
Colleges and universities (<i>thousand persons</i>)		
Year	1996	2017–2018 (<i>colleges not included</i>)
Students (<i>thousand persons</i>)	509,3	1,707.0
Postgraduates (<i>person</i>)		
Year	2000	2017–2018 (<i>colleges not included</i>)
Master's and PhD students (<i>thousand persons</i>)	12,6	121,2

Source: General Statistics Office of Vietnam (2019) & Ministry of Education and Training (2020).

The training scope has been expanded and the competition between schools, including both public and non-public ones, for educational quality and services tends to grow higher, leading to certain changes in education, whereby people benefit more from “extra educational services”. The positive change among pupils is an important criterion for assessing the quality of education. According to the results of the Programme for International Student Assessment (PISA) held by the Organization for Economic Co-operation and Development (OECD) every three years, of half million students aged 15, representing over 28 million students in 72 countries and economies in the world to take the test in 2015, Vietnamese students were ranked 8th in the category of science, following those from Singapore, Japan, Estonia, Taiwan, Finland, Macau, and Canada [PISA 2015].

At the same time, education quality accreditation is carried out, the financial self-sufficiency is promoted and improved in the establishments of higher education. The stratification and ranking of universities are carried out step by step. Recently, universities have paid special attention to scientific research. The training model at universities, colleges, and postgraduate establishments is being revised towards the credit systems, aiming at enhancing the educational quality. The training programmes for “gifted bachelors” and “talented engineers” have gained remarkable results (the quality of the graduates satisfies international standards; after having been sent abroad to study, most of the students, who have taken the programmes, get outstanding educational attainments as the top students).

“Socialization” of education has created conditions for students to have many opportunities for learning and development. With an open learning environment (teachers, schools – both public and non-public, domestic and international) students are exposed to a diversity of civilization and culture; with many educational programs and types of training suitable for students. This has contributed to educating the student as the Vietnamese personality in the renewal period. Motivated by ambitions, a majority of university and college graduates are dedicated to labour, proactive and self-reliant in developing their career [Viện Khoa học Giáo dục Việt Nam 2010]. The students, who have got a job after graduation from universities, account for a large proportion, approximating 90% (the graduates, who have not got a job yet, account for 4%, while the corresponding proportion in other countries is higher).²

“Socialization” of education and emerging issues

It is possible to affirm that the “socialization” policy has created comprehensive synergy for development of education, when the State investment in education still remains limited. The

² 91,4.% Vietnamese students have jobs after graduation. See: URL: <http://thoibaotaichinhvietnam.vn/pages/xahoi/2019-07-27/914-sinh-vien-viet-nam-co-viec-lam-sau-khi-ra-truong-74401.aspx>, 27.07.2019.

“socialization” of education, however, has resulted in “internal” issues due to the impact of the economic mechanism with new types of ownership in the educational sector. The issues encountered by the educational system at present are enumerated as follows:

Firstly, students and people in society attach too much importance to educational service but do not pay sufficient attention to home education

In practice, during school year 2017–2018, 735 non-public schools, founded by local or international investment, attracted 340,523 pupils (Table 1). Those pupils mainly belong to two groups, including: (i) those who did not satisfy the requirements for the enrolment at public schools; and, (ii) those who satisfied the requirements for the enrolment at public schools, but their parents decided to choose non-public educational service that they highly appreciated (often foreign-invested or locally prestigious non-public schools). They even do not have time to be with their children, when the children come home from school. Meanwhile, there are too many restraints at public schools. As a result, they have decided to send children to the schools in the latter group. In regard to children in the former group, a large proportion is made up by the children, who have little care from parents due to economic conditions (in both poor and quite rich households) as well as the parents’ free time and awareness. Not only parents of the children going to non-public schools but also parents of the children going to public schools would like the schools to undertake fully the task of education for their children. At least, they want their children to spend at school as much time as possible. This evidences that people do not pay sufficient attention to home education.

In another case, it is not rare that parents choose educational services, which they think to be convenient (especially under the impact of advertisements in the market) and favourable for the study results of their children. And, pupils sometimes assume that teachers and schools have a responsibility to provide an educational service equivalent to the amount of the tuition fee. The tendency of attaching too much importance to educational service, while home education is neglected, consequently, will result in “defective products”, because mental development and knowledge depend greatly on the awareness and effort of students, but not on the business-based convenience of educational service.

Secondly, educational quality and workforce

It is quite typical that teachers of public schools also give extra lessons at home and take part in teaching at educational centres or non-public schools, apart from giving lessons at the school, where they are regularly employed. This is especially typical of the teachers, who give lessons on the subjects considered to be the key ones or those determined to be the subjects of examinations. It is not easy to deal with this problem. When the salary of teachers at public schools has not been improved yet, the educational efficiency is certainly impacted, as income and living conditions of the teachers are mostly attached to their teaching. At the same time, the investment in education cannot be considered effective, if teachers are overwhelmed with giving lessons.

Meanwhile, non-public schools are granted more power to employ and use teachers flexibly, and seasonally contract teachers account for a majority. Most of the contract teachers are those, who are not sufficiently qualified to give lessons at public schools, and those, who are regular teachers at public schools and would like to give more lessons at non-public schools.

Thirdly, some corollaries of the competition in education

Due to the goals of inputs, profits, and interests of each school, market-based intense competitions have been taking place among public schools as well as among non-public ones. Although public schools are understood to be non-profit establishments according to the State welfare policy, they no longer provide 100 % free-of-charge education as those in the period before the economic

reforms; various “types of service” have been added, showing the flexibility adopted by school managers for the purpose of adaptation to the market economic mechanism and improvement of the teachers’ income in addition to the salary provided from the State budget. For immediate benefits, public schools have decided to increase teaching hours and programmes, aiming at generating more income for teachers. This has caused pressures on both teachers and students. Meanwhile, the goals of profits and competitions are obviously severer among investors. The competition between non-public schools has also affected public schools, making them by some way fall into the market-based recruitment and training patterns.

For the sake of benefits at non-public schools, a number of investors have implemented strategies to build the image of the schools, focusing on some criteria such as: the professional administration, the innovative organization, and the “outputs” of the students. At many non-public schools, however, benefits are valued above the criteria addressed to students. For example, (i) cutting down on the study subjects or programmes regulated by the Ministry of Education and Training; (ii) intensive training courses are held for the sake of scores at exams; (iii) the image of the school/university has been advertised exaggeratedly and incorrectly for the purpose of attracting students; as a result, a number of students have enrolled on the wrong place with inappropriate training; and (iv) teachers under pressure. This more or less negatively impacts the physical and mental state of the students and leads the people to doubt about the educational system.

Unlike other social activities, the output product of the educational system consists of those who have been educated and trained. The production process is evaluated and verified by quality of the very product. It will be, therefore, very harmful, if there are faults and problems in the production process.

Besides, the ‘competitive’ environment is brought about by “socialization” of education, in which students’ personalities are directly affected by teachers, the school and even their parents. Given the negative impact of the market mechanism, in which educational socialization is not outside this mechanism, it is not surprising that students are tending to be selfish, emotionless and disrespectful towards adults; graduates participating in social labor are pragmatic and persistent; ideals and ambitions of the younger generation answer their own purposes.

Conclusion

It will not be objective, if the role of the “socialization” policy is underestimated in educational development during the period of renovation in Vietnam. As the State investment in education still remains limited in comparison with other countries, while the local education is required to reach the international standards in the process of international integration, it is absolutely necessary to carry out “socialization” in education for the purpose of mobilizing all resources from the people. The “socialization”, however, will result in certain problems, such as: great importance attached to educational services; insufficient attention to home education; teachers under pressure of employment and income; unfair competition in education etc. These are bad for the quality of education. Recognising fully the emerging issues caused by the competition in the educational sector will provide a more comprehensive picture of the educational system in the period of renovation. The paper has suggested the necessity of carrying out a follow-up in-depth study which will provide recommendations on appropriate measures in educational management and policy-making, aiming at achieving educational development in Vietnam in coming years.

References

Đảng Cộng sản Việt Nam (Communist Party of Vietnam) (1986). Retrieved on 22.03.2020 from URL: <http://dangcongsan.vn/tu-lieu-van-kien/tu-lieu-ve-dang/sach-chinh-tri/books-11520162411956/index-515201624137563.html>.

Đảng Cộng sản Việt Nam (Communist Party of Vietnam) (2013). Nghị quyết 29-NQ/TW ngày 4 tháng 11 năm 2013 về đổi mới căn bản và toàn diện giáo dục và đào tạo đáp ứng yêu cầu công nghiệp hóa, hiện đại hóa trong điều kiện kinh tế thị trường định hướng xã hội chủ nghĩa và hội nhập quốc tế (Resolution No. 29-NQ/TW dated 4 November 2013 on fundamental and comprehensive renovation of education and training, aiming at meeting requirements for industrialisation and modernisation in the context of socialist-oriented market economy and international integration).

Đảng Cộng sản Việt Nam (Communist Party of Vietnam) (2016). Văn kiện Đại hội Đại biểu toàn quốc lần thứ 12 (Documents of the 12th National Congress). Cục Xuất bản, Bộ Thông tin và Truyền thông.

General Statistics Office of Vietnam – GSO (2019). Education. Retrieved on 06.10.2019 from URL: <https://www.gso.gov.vn/default.aspx?tabid=722>.

Government of Vietnam (2008). Nghị định 69/2008/NĐ-CP ngày 30 tháng 05 năm 2008 Về chính sách khuyến khích xã hội hóa đối với các hoạt động trong lĩnh vực giáo dục, dạy nghề, y tế, văn hóa, thể thao, môi trường (Resolution No. 69/2008/NĐ-CP dated 30 May 2008 on policies encouraging “socialisation” of activities in the sectors of education, vocational training, health, culture, sports, and environment).

Ministry of Education and Training: Statistics – MET (2020). Retrieved on 28.03.2020 from URL: <http://www.moet.gov.vn/thong-ke/Pages/Thong-ke-giao-duc-thuong-xuyen.aspx>.

National Assembly of Socialist Republic of Vietnam (2019). Education Law No.43/2019/QH14.URL:<https://hethongphapluat.com/law-no-43-2019-qh14-dated-june-14-2019-education.html>.

Nguyễn Văn Tuấn (2011). Higher Education Quality from the Perspective of Integration. Hanoi: Statistical Publishing House.

Nhiều tác giả (2008). Những vấn đề giáo dục hiện nay – Quan điểm và giải pháp. Hà Nội: Nxb. Tri Thức (Many authors. Existing educational problems: viewpoint and solutions. Hanoi: Knowledge Publisher).

Phạm Đỗ Nhật Tiến, Phạm Lan Hương (2014). Giáo dục Việt Nam hội nhập quốc tế (Vietnam's education in international integration). Ho Chi Minh City National University.

Phạm Minh Hạc (2017). 30 năm đổi mới đất nước: Giáo dục vẫn bộn bề khó khăn (Thirty years of renovation: education still remains in mess). Retrieved on 02.03.2020 from URL:<https://vov.vn/xa-hoi/giao-duc/30-nam-doi-moi-dat-nuoc-giao-duc-van-bon-be-kho-khan-582282.vov>.

Phạm Văn Thanh (2010). Một số giải pháp góp phần đẩy mạnh xã hội hóa giáo dục (Some measures to accelerate “socialisation” of education). Retrieved on 2.03.2020 from URL: <https://nhandan.com.vn/giaoduc/item/9218202-.html>.

PISA 2015. Results in Focus. Retrieved on 19.03.2020 from URL: <https://www.oecd.org/pisa/pisa-2015-results-in-focus.pdf>.

The World Bank (2019). The World bank in Vietnam – Overview. Retrieved on 28.03.2020 from URL: <https://www.worldbank.org/vi/country/vietnam/overview>.

Viện Khoa học Giáo dục Việt Nam (Vietnam National Institute of Educational Sciences) (2010). Kinh nghiệm của một số nước về phát triển giáo dục và đào tạo, khoa học và công nghệ gắn với xây dựng đội ngũ trí thức (Experience learnt from some countries in developing education, training, sciences, and technologies in attachment to enhancement of the intellectual workforce). Hà Nội: Nxb. Chính trị quốc gia.

For citation: *Nguyen Thi Luyen* (2020). “Socialization” of education during the period of Renovation in Vietnam. Russian Journal of Vietnamese Studies, Series 2, No.2. P. 37–46

Author:

Nguyễn Thị Luyện, PhD, Deputy Editor-in-Chief of the Social Sciences Review (HCMC), Southern Institute of Social Sciences, Ho Chi Minh City. ORCID: 0000-0002-0867-1509. E-mail: luyennt.rss.hcm.vn@gmail.com

Article history:

Received: March 23, 2020

Received in revised form: May 19, 2020

Accepted: May 30, 2020

Для цитирования: Нгуен Тхи Люен. «Социализация» образования в период Обновления во Вьетнаме // Вьетнамские исследования, сер. 2, 2020, № 2. С. 37–46 (на англ. яз.)

Автор:

Нгуен Тхи Люен, доктор, зам. главн. редактора журнала «Общественные науки», Южный институт общественных наук, г.Хошимин. ORCID: 0000-0002-0867-1509. E-mail: luyennt.rss.hcm.vn@gmail.com

Продвижение статьи:

Дата поступления: 23.03.2020

Дата поступления в переработанном виде: 19.05.2020

Принята к печати: 30.05.2020

DOI: 10.24411/2618-9453-2020-10015

Н.В. Григорьева, С.В. Шалимова

**ЭТНИЧЕСКИЕ ВЬЕТНАМЦЫ (ЦЗИН) В КИТАЕ:
ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ И АКТУАЛЬНЫЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ
ПРОЦЕССЫ¹**

Аннотация. В статье отражены результаты изучения социокультурных процессов в среде цзин (этнических вьетнамцев) – одного из этнических меньшинств Китая. Рассмотрение социокультурной динамики предваряется критическим анализом исследовательской литературы о цзин, выявляющим различие позиций Китая и Вьетнама в отношении некоторых элементов культуры и языка этой этнической группы. Актуальность исследования обусловлена недостаточностью и часто неточностью информации о цзин в международном научном пространстве, а также стремительными трансформациями, происходящими на территориях проживания цзин в связи с реализацией крупных государственных проектов Китая и Вьетнама в приграничных районах. При проведении исследования авторы использовали как первичные, так и вторичные источники, относящиеся к изучаемым проблемам.

Ключевые слова: цзин, этнические вьетнамцы, Китай, Вьетнам, социо-культурная динамика.

N.V. Grigorieva, S.V. Shalimova

**THE ETHNIC VIETNAMESE (JING) IN CHINA:
CRITICAL ANALYSIS OF RESEARCH LITERATURE AND CURRENT
SOCIO-CULTURAL DYNAMICS**

Abstract. The article summarizes the results of research-works on socio-cultural development of the ethnic Vietnamese Jing, one of ethnic minorities in China. The discussion on socio-cultural dynamics is preceded by a critical analysis of research literature on this group that reveals diverging positions of China and Vietnam regarding some elements of culture and language specific for the Jing. The importance of the study lies in insufficient and even inaccurate, in some cases, data on the Jing in international scholarly discourse, as well as in rapid and vast transformations taking place in the Jing indigenous territories due to huge projects undertaken by China and Vietnam in border areas. The research is based on both primary and secondary sources related to the topic.

Keywords: Jing, ethnic Vietnamese, China, Vietnam, social and cultural dynamics.

Большинство вьетнамских диаспор, которые представлены во многих странах современного мира, являются относительно молодыми: их формирование происходило, в основном, в течение XX в. Сообщества вьетнамцев в сопредельных с Вьетнамом странах – Китае, Лаосе и Камбодже – имеют более длительную историю существования и обладают несколько иными характеристиками, по сравнению с диаспорами в других странах. В данной статье мы рассмотрим сообщество этнических вьетнамцев, проживающих на территории Китая.

¹ Исследование поддержано РФФИ, проект 20-59-92001 ВАОН_а.

Особый статус вьетнамского меньшинства в Китае связан с преимущественной локализацией в непосредственной близости от китайско-вьетнамской границы, что позволяет отнести его к категории «сообществ приграничья» (border communities). В этой статье мы представляем первые результаты нашего исследовательского проекта, направленного на изучение локальных сообществ китайско-вьетнамского приграничья в контексте реализуемых КНР и СРВ крупных государственных проектов на приграничных территориях. Наше исследование опирается как на первичные источники информации (собственные полевые материалы, актуальные статистические данные, публикации СМИ двух стран), так и на вторичные, которые более подробно будут представлены в разделе, посвящённом обзору предшествующих исследований по теме статьи.

Актуальность исследования обусловлена практическим полным отсутствием информации об этнических вьетнамцах в Китае в русскоязычных изданиях, а также недостаточностью и неточностью информации в международном научном пространстве.

Этнические вьетнамцы в КНР: численность и локализация

Вьетнамцы, постоянно проживающие в Китае, являются одним из 55 официально признанных этнических меньшинств КНР. Их численность, согласно данным переписи населения 2010 г., составила 28 199 человек [China Statistics Press (a)], что оценивается в 0,002 % от населения КНР и позволяет квалифицировать этнических вьетнамцев как одно из наиболее малочисленных этнических сообществ Китая. Приведённая цифра не учитывает граждан Вьетнама, временно проживающих на территории КНР, которые, согласно тому же источнику, составляли в 2010 г. 36 205 человек [China Statistics Press (б)]; выходцев из Вьетнама, проживающих на территории двух специальных административных районов – Макао и Гонконга²; а также граждан Вьетнама, находящихся в КНР нелегально. Три последние группы, не включаемые в состав этнического меньшинства, по совокупности косвенных данных в настоящее время могут составлять несколько десятков тысяч человек.

Вьетнамцы, постоянно проживающие на территории Китая, получили официальный статус этнического меньшинства в 1958 г., как и нынешнее свое наименование – *цзин(цзу)* [京(族)], что соответствует самоназванию этнического большинства в соседнем Вьетнаме (вьетн. *кинх*)³ и восходит к понятию «жители столицы». До 1958 г. представителей этой этнической группы в Китае называли «вьетами» (越族, *юэцзу*), «аннамцами» (安南人, *аньнань жэнь*) или «танцами» (唐人, *танжэнь*) [Li Fanglan 2013: 139]. Следует думать, что этноним *цзин* был введен для обозначения граждан КНР вьетнамского происхождения в целях различения их с гражданами Вьетнама (*юэнань жэнь*), не все из которых являются этническими вьетами. Далее для обозначения вьетнамского этнического меньшинства в Китае мы будем использовать китайский вариант этнонима в фонетической форме путунхуа – *цзин* как официально принятый в Китае, а также производные от него русскоязычные формы.

² В Макао официальная численность вьетнамских мигрантов по состоянию на 2010 г. может оцениваться числом около 10 тыс. человек [The Yearbook of Statistics 2019: 56].

Официальная численность постоянно проживающих в Гонконге этнических вьетнамцев оценивается числом около 3 тыс. человек. Однако реальное количество мигрантов из Вьетнама и их потомков в Гонконге на порядок больше и составляет около 30 тыс. человек [The Chinese/Vietnamese Diaspora 2011: 6].

³ Иероглифическое обозначение вьетнамского этнического меньшинства 京族 озвучивается как *цзинцзу* (Jingzu) в путунхуа, *кинчук* (Gingjuk) в кантонском диалекте; записывается и озвучивается как *Kinh tộc* по-вьетнамски.

Большая часть этнических вьетнамцев Китая (82,6% от общей численности) проживает в Гуанси-Чжуанском автономном районе. Так, в уезде Дунсин, который граничит с вьетнамской пров. Куангнинь, в 2010 г. насчитывалось почти 19 тыс. цзин, которые проживают преимущественно в населенных пунктах Цзянпин (вьетн. *Giang Bình*) и Дунсин (вьетн. *Đông Hưng*). Самая высокая степень их концентрации наблюдается в так называемых трех цзинских деревнях – Ваньвэй, Утоу и Шаньсинь того же уезда (вьетн. *Vạn Vĩ, Vu Đầu* и *Sơn Tâm*)⁴. До 1970-х годов эти деревни располагались на трёх отдельных островах, которые местные жители именовали «три острова народности цзин» (*цзинцзу саньдао*), однако затем, после создания дамб и намыва территорий, острова были соединены между собой и с материком, в результате чего возник полуостров. Так как жители «цзинских деревень» долгое время были изолированы от остального населения уезда, именно среди них степень сохранности вьетнамского языка и характерных черт вьетнамской культуры выше, чем в других группах цзин в Китае.

Цзин, проживающие в уезде Дунсин и особенно в «трёх цзинских деревнях», представляют ядро вьетнамского этнического меньшинства в Китае, и поэтому именно здесь сосредоточены основные усилия китайских властей по сохранению культурной самобытности данной этнической группы. По этой же причине сообщества цзин Дунсина чаще всего становятся объектом изучения китайских и вьетнамских исследователей, а также попадают в фокус внимания СМИ двух стран.

Исследования и проблемы

В Китае изучение и описание вьетского населения (в широком понимании этого обозначения, включающем не только этнических вьетнамцев, но и другие народы Юга)⁵ имеют многовековую традицию, однако только во второй половине XX в., насколько нам известно, появились работы, посвящённые именно этническим вьетнамцам. Одна из наиболее ранних публикаций такого рода упоминается в статье С. Лаптева «Ситуация вокруг вьетов в округе Фанчэн» (издана в 1954 г. в Гуанси для внутреннего пользования) [Lapteff 2009].

В период «культурной революции» исследования цзин практически не проводились; короткие заметки о ситуации на «островах цзин» встречаются лишь в газетных статьях. В 1980-е годы, после начала политики «реформ и открытости», китайские исследователи в основном собирали и систематизировали материалы своих предшественников. В этот период вышла книга «Краткая история цзин» [Jingzu jianshi 1984], «Краткое описание цзинского языка» [Ouyang Jueya 1987] и другие сборники справочного характера. С 1990-х годов в связи со стремительным развитием приграничных с Вьетнамом территорий интерес к народности цзин возрос. С этим периодом связаны работы «Описание обычаев цзин» [Fu Dasheng 1993], «Цзин в современном Китае» [Yu Manyu 2005], «С периферии на передовую: изменения в социальной, экономической и культурной жизни в районах проживания цзин Гуанси» [Zhou Jianxin 2007].

Представляют интерес китайские исследования языка цзин⁶, который, с точки зрения большинства китайских авторов, является языком, отличным от вьетнамского [Jingyu jianzhi

⁴ В настоящее время «деревни цзин» относятся к городскому округу Фанчэнган (вьетн. *Phòng Thành Cảng*).

⁵ Об использовании этнонима 'вьет' см.: [Григорьева 2012: 199–202].

⁶ Авторы статьи исходят из того, что цзинский и вьетнамский языки являются, по сути, локальными вариантами одного языка, генетически восходящего к мон-кхмерским языкам австроазиатской языковой семьи. Наша позиция, как и позиция вьетнамских авторов [в частности, Nguyễn Tô Lan, Nguyễn Đại Cồ Việt 2015], основана на том, что эти два варианта практически полностью взаимопонимаемы носителями, и различия между ними не

1984; Li Fanglan 2013]. Подобный подход допускает полемику о генетических связях цзинского языка (некоторые авторы причисляют его, как и вьетнамский, к австроазиатской языковой семье; другие настаивают на родстве цзинского и китайского языков и их общей принадлежности к сино-тибетской семье; кто-то оставляет вопрос открытым), а также отнесение языка цзин к числу «вымирающих языков Гуанси».

Особый интерес представляют исследования традиций использования вьетнамского монохорда данбау (вьетн. *đàn bầu*), распространенных в среде цзин. Материалы соответствующих публикаций отражены, в частности, в диссертации китайского исследователя Сунь Цзиня [Sun Jin 2015]. Стремление китайских авторов, описывающих практики использования монохорда данбау в традиционной культуре цзин, позиционировать этот инструмент и искусство игры на нем как культурное наследие Китая, вызвали непонимание во Вьетнаме. Подчеркивая тот факт, что данбау появился в Китае именно с мигрировавшими туда цзин, вьетнамские исследователи, а вслед за ними и СМИ, обвинили Китай в неоднократных попытках «присвоить себе», т.е. объявить китайским, культурное наследие этнических меньшинств и, следовательно, народов сопредельных стран [Music researcher refutes Chinese claim 2016].

Среди исследований традиционной культуры следует отметить проекты, реализуемые энтузиастами из числа цзин, многие из которых занимаются сбором, записью, а также публикацией произведений песенного и повествовательного фольклора. К числу реализованных проектов такого рода относится издание «Сборника исторических песен цзин, записанных письменностью ном» [Jingzu nanzi shigeji 2007], а также выпуск звукового компакт-диска (CDDA) «Народные песни Цзинских островов» и сопроводительного буклета к нему, содержащего тексты песен в иероглифике ном, перевод этих текстов на китайский язык, а также нотные записи песен [Jingdao minyao 2017]. Среди подвижников сохранения и изучения традиционной культуры цзин в уезде Дунсин необходимо упомянуть господина Су Вэйфана (вьетн. *Tô Duy Phương*), директора Центра культурного наследия цзин, записавшего иероглификой ном и вьетнамской латинизированной письменностью значительное количество фольклорных произведений цзин [Đỗ Hữu Lực 2006; Baohu nanzi 2019]. Многие из подготовленных им к печати сборников были опубликованы в Китае и во Вьетнаме.⁷

Активизация исследований о цзин во Вьетнаме относится к более позднему времени, а именно к первому десятилетию XXI в. К этому времени отношения между Китаем и Вьетнамом уже были восстановлены после периода напряжённости и вооружённых конфликтов (с конца 1970-х годов до 1990 г.), и началась поэтапная либерализация трансграничных контактов. Облегчённый режим пересечения границы и близость уезда Дунсин к Вьетнаму позволили вьетнамским антропологам и культурологам приступить к сбору полевых материалов о «соотечественниках в Китае», фокусируясь главным образом на жителях «трёх цзинских деревень». Результаты этих исследований получили отражение в серии статей, опубликованных во вьетнамских научных изданиях [Nguyễn Thị Phương Châm 2004a; Nguyễn Thị Phương Châm 2004b; Nguyễn Duy Bính 2009; Kiều Thu Hoạch 2009], а также в монографии Нгуен Тхи Фьонг Тям о брачных традициях у цзин [Nguyễn Thị Phương Châm 2004]. В продолжение этих

превышают уровня диалектных различий. Подробнее на проблемах интерпретации статуса языка цзин и его таксономической категоризации мы остановимся при анализе публикаций лингвистов Вьетнама.

⁷ Су Вэйфан (*Tô Duy Phương*) указан в качестве одного из составителей сборника «Песни цзин», изданного в 2015 г. во Вьетнаме [Những lời ca của người Kinh 2015].

исследовательских проектов в 2010-е годы стали появляться работы, посвящённые частным проблемам цзин в Гуанси: ситуации, связанной с «экспортом невест» из Вьетнама в Китай [Nguyễn Thị Phương Châm 2014; Nguyễn Thị Phương Châm 2019, Grillot 2015] и языковой ситуации у цзин в Гуанси [Nguyễn Tô Lan, Nguyễn Đại Cồ Việt 2015]⁸.

Последнюю из упомянутых работ и проблемы, которые в ней обсуждаются, хотелось бы прокомментировать подробнее. В то время как китайские лингвисты полагают, что вьетнамский язык и язык цзин – это два разных языка, и часто объединяют последний с китайским языком и его диалектами в единую таксономическую категорию, вьетнамские ученые исходят из того, что современный вьетнамский и «так называемый язык цзин» [Ruan Sulan, Ruan Daquyue 2019: 189] – это два локальных варианта (диалекта) вьетнамского языка. Основания для каждого из подходов очевидны. В Китае восприятие языка цзин в качестве языка, отличного от вьетнамского, базируется на том, что для записи текстов цзин используют иероглифическую письменность ном⁹, в то время как во Вьетнаме с середины XX в. повсеместно используется латинизированная письменность. Еще одним аргументом в поддержку указанного подхода является бóльший процент заимствований из китайского и его диалектов в языке цзин по сравнению с вьетнамским. Вьетнамская же интерпретация языка цзин как одного из диалектов вьетнамского основывается на том, что язык цзин оказался локализованным на территории Китая в результате миграции вьетоязычного населения, и речь этнических вьетнамцев в Китае достаточно хорошо понимаема носителями вьетнамского языка во Вьетнаме, несмотря на наличие архаичных элементов и недавних заимствований из кантонского диалекта и путунхуа. При этом, как отмечают авторы, в последние два-три десятилетия за счет активизировавшихся трансграничных контактов происходит «вьетизация» (*Việt hóa*) или даже «ханойзация» (*Hà Nội hóa*) языка цзин [Nguyễn Tô Lan, Nguyễn Đại Cồ Việt 2015: 41], т.е. сближение его с современным нормативным вьетнамским языком. Основной посыл статьи вьетнамских авторов заключается в том, что поддержание иероглифической письменности ном для записи текстов цзин не является необходимостью в современных условиях и, более того, препятствует адекватной передаче звукового облика слов и их смысла.

Среди публикаций о цзин, осуществлённых вне КНР и СРВ, следует отметить статью тайваньского политолога Ши Чжияюя «Государство как граница идентичности – дистанцируя этническую группу цзин от Вьетнама» [Chih-yu Shih 2007: 74–94]. Анализируя систему идентичностей цзин, Ши Чжияюй отмечает амбивалентность этой системы. С одной стороны, поддерживая этнокультурную идентичность, связывающую их с Вьетнамом, цзин получают определённые привилегии от китайского государства (статус этнического меньшинства, обладающего самобытной культурой), а также очевидное удобство в расширяющихся контактах с вьетнамцами (за счет отсутствия языкового барьера и культурной близости). С другой стороны, из-за более высокого уровня жизни в КНР цзин воспринимают национальную принадлежность к Китаю как осязаемое преимущество в повседневной жизни, а также в

⁸ В 2019 г. последняя статья была опубликована в авторской редакции на китайском языке в синологическом научном журнале на Тайване [Ruan Sulan (Nguyễn Tô Lan), Ruan Daquyue (Nguyễn Đại Cồ Việt) 2019].

⁹ Письменность ном (вьетн. *chữ Nôm*, ном 𡵹喃, кит. 喃字) – система иероглифического письма, в которой китайские иероглифы различными способами приспособляются для передачи звукового состава и смысла вьетнамских слогов. Письменность ном не является стандартизированной системой знаков, поэтому, характеризуя процесс чтения текстов, записанных иероглифами ном, вьетнамцы часто говорят: «Читать и отгадывать» (*Chữ Nôm phải vừa đọc vừa đoán*).

поддержании деловых отношений с гражданами Вьетнама, при взаимодействии с которыми цзин ощущают свое статусное превосходство [Chih-yu Shih 2007: 93].

Этнические вьетнамцы (цзин) в уезде Дунсин: традиции и социокультурная динамика

Информация об истории формирования общности цзин в Гуанси, ее составе и основных социокультурных характеристика приводится во многих работах вьетнамских и китайских авторов. Ниже мы обобщим основные сведения о цзин Дунсина, фокусируя внимание на тех аспектах, которые по-разному интерпретируются вьетнамскими и китайскими исследователями и СМИ, а также представим собственный анализ актуальных социокультурных процессов.

Начальный этап формирования общности этнических вьетнамцев на территории современного уезда Дунсин относится к началу XVI в., когда, как это описывается в большинстве китайских и вьетнамских работ, переселенцы из Дошона (район современного города Хайфон) стали перебираться на пустынные острова, расположенные к северу вдоль побережья. Волн миграций было несколько: некоторые семейные кланы ведут свою родословную на этих территориях уже на протяжении девяти или десяти поколений, а другие – только трех-четырех; основными районами исхода переселенцев во Вьетнаме были уже упомянутый Дошон, а также прибрежные районы современных городов Тханьхоа и Монгкай [Nguyen Thi Phuong Cham 2019: 62]. Долгое время хозяйственная деятельность вьетнамских переселенцев ограничивалась морскими промыслами, переработкой рыбы и морепродуктов. Возможности заниматься заливным рисоводством на островных и прибрежных территориях не было из-за отсутствия достаточного количества пресной воды, и цзин были вынуждены покупать рис у других народов, продавая рыбу и морепродукты. Значительное место в их рационе до последней четверти XX в. занимали маниок и батат.

Вопрос о том, какому из двух государств и в какие периоды принадлежали территории, где живут цзин, до установления колониального правления Франции, не имеет четких ответов. В китайских работах расплывчато говорится о том, что цзин живут на территории Китая уже несколько столетий; вьетнамские авторы акцентируют внимание на том, что земли, населенные цзин, перешли под административное управление Китая в 1887 г., после завершения франко-китайской войны 1884–1885 гг. в соответствии с «Конвенцией касательно делимитации границы между Китаем и Тонкином» [Nguyễn Tô Lan, Nguyễn Đại Cồ Việt 2015: 29].

К наиболее характерным маркерам традиционной этнической культуры цзин относятся следующие: использование вьетнамского языка на уровне семейного общения (в некоторых семьях), а также иероглифической письменности ном; ношение плетёной из листьев конической шляпы (*nón lá*) и длинного платья аозай (*áo dài*); приготовление и использование рыбного соуса (*nước mắm*); искусство игры на однострунном музыкальном инструменте данбау, ежегодные песенно-танцевальные ритуалы, посвящённые предкам и духам-хранителям местности (*hội đình*); размещение портретов Хо Ши Мина в общественных местах наряду с портретами политических лидеров КНР. Анализ этих элементов культуры показывает, что многие из них сохраняются не в том виде, в каком существовали во Вьетнаме в прошлые века, когда предки цзин мигрировали оттуда, а вполне соответствуют культурным трендам более позднего времени, что свидетельствует о том, что между цзин и вьетнамцами Вьетнама происходит постоянный культурный обмен. Например, современный вариант платья аозай, который стал символом цзинской женщины, появился во Вьетнаме лишь в 1930-е годы и мог быть воспринят у него только в XX в. То же самое относится к некоторым мелодиям, исполняемым на данбау, песням цзин, а также восприятию образа Хо Ши Мина.

О том, что между цзин и Вьетнамом всегда существовали тесные контакты, свидетельствуют воспоминания мужчин цзин старшего возраста, которые рассказывают, как во времена второй Индокитайской войны (1965–1975) они находились на территории Вьетнама, участвовали в ликвидации неграмотности и *«помогали вьетнамцам, воюющим на стороне старика Хо»*.

До последних десятилетий XX в. условия жизни цзин в уезде Дунсин были достаточно тяжёлыми. Однако начиная с 1960–70-х годов, когда на островах и на побережье Южно-Китайского моря стали намываться территории, строиться дороги, когда «острова цзин» были соединены с материком и к поселениям была подведена пресная вода, стало возможным выращивание риса. С этого времени жизнь цзин постепенно стала меняться к лучшему.

В 1980–90 годы в контексте проводившихся в КНР экономических реформ и смены вектора национальной политики (отказ от курса на «слияние национальностей» и переход к концепции «единого многонационального государства») условия жизни этнических вьетнамцев в Дунсине продолжали улучшаться. В эти десятилетия численность цзин начала расти за счет притока мигрантов, среди которых были не только вьетнамцы, но и многочисленные хуацяо, переселявшиеся из Вьетнама в Китай из-за давления вьетнамских властей. Устное заявление об имеющихся родственниках-вьетнамцах давало переселенцам формальное основание для включения в состав цзин, что сопровождалось получением статуса лица из национальных меньшинств и соответствующих привилегий.

С началом нового тысячелетия цзин оказались в эпицентре нескольких масштабных проектов, реализуемых правительствами КНР и СРВ. С 2000 г. в Китае началось осуществление программы «Широкого освоения Запада», и цзин вошли в число этнических меньшинств, получающих правительственную поддержку в рамках этой программы. В 2004 г. СРВ и КНР согласовали совместный проект «Два коридора – одно экономическое кольцо»; один из «коридоров» этого проекта, проходящий через два пограничных города – вьетнамский Монгкай и китайский Дунсин, – определил стратегическое значение территорий, где проживают цзин. Помимо этого, в рамках китайской концепции «Одна ось, два крыла» зона, охватывающая Гуанси-Чжуанский АР и восточные провинции Северного Вьетнама, стала восприниматься как стратегически важный район, вокруг которого должны выстраиваться транспортно-логистические маршруты, связывающие КНР с «субрегионом Большого Меконга» и акваторией Тонкинского залива. В ходе реализации подобных проектов ландшафт и условия функционирования территорий, на которых проживают цзин, коренным образом меняются – растут и преобразуются города, строятся высокоскоростные трассы, увеличиваются транспортные потоки, упрощается режим трансграничного взаимодействия, повышается миграционная мобильность населения.

Значительное влияние на социокультурную динамику и рост благосостояния в сообществах цзин оказывает развитие туризма: на побережье Южно-Китайского моря в районах проживания цзин появляется все больше курортов, вокруг которых создаются разнообразные объекты туристической инфраструктуры – отели, рестораны, сувенирные магазины. К примеру, цзинская деревня Ванвэй славится своим Золотым пляжем, привлекающим туристов как из Китая, так и Вьетнама. Особая разновидность трансграничного туризма в этом районе связана с игорными заведениями: как правило, посещение казино в Китае и во Вьетнаме запрещено для резидентов, но доступно для иностранцев, чем и пользуются любители азартных игр по обе стороны границы. Подобный спрос приводит к появлению многочисленных игорных зон и

казино в приграничных районах. Недавно построенный парк развлечений деревни Ванвэй, включающий в себя casino, еще больше увеличил поток туристов из Вьетнама.

На туристической привлекательности территорий, где живут цзин, сказывается и целенаправленная политика китайских властей. Дунсин является одним из наиболее развитых городов в восточной части Гуанси, поселки цзин хорошо благоустроены; с 2009 г. в Ванвэй функционирует Экомuseum народности цзин; значительные средства выделены на создание этнопарка «Морская деревня цзин». Этническая культура цзин активно изучается и широко освещается в китайских СМИ; в 2006 г. ежегодные песенно-танцевальные ритуалы цзин, посвященные духам-хранителям местности, были включены в состав национального нематериального культурного наследия Китая [Jingzu hajie: 18.01.2020], что обеспечило финансовую и организационную поддержку со стороны властей, а также дополнительный приток туристов.

Между Дунсином и Монгкаем действует облегченный визовый режим: с 2013 г. получение виз осуществляется непосредственно на КПП по обе стороны границы, разрешен въезд автомобилей для ограниченного передвижения в пределах двух административных территорий. Информационные указатели на дорогах в Дунсине, а также вывески на зданиях и меню в ресторанах теперь изготавливаются как на китайском, так и на вьетнамском языке, причем на латинизированной письменности куокнгы. Во многих торговых заведениях Дунсина можно расплатиться вьетнамскими донгами.

Происходящие изменения сказываются на уровне и качестве жизни, а также настроениях цзин. Благополучие многих семей стремительно растет, улицы застраиваются добротными частными домами, каждая третья семья цзин имеет собственный автотранспорт. Цзин считаются одним из наиболее благополучных меньшинств в Китае, что сказывается на их самооценке и восприятии другими народами. По словам респондентов, их статус в последние годы существенно изменился: *«Если раньше только цзинские девушки могли войти в семью ханьцев в качестве невесты, то теперь и мужчины цзин могут взять в жены девушку из ханьской семьи. Многие ханьцы приезжают в Дунсин в поисках работы, так как сейчас здесь создается много новых рабочих мест»*. Помимо этого, цзин известны в Китае как долгожители: в Дунсине, и среди цзин в частности, процент пожилых людей в возрасте старше 100 лет превышает средние показатели по стране [Zhang T., Shi W., Huang Z. et al. 2016; Dongxing, a Longevity City 2012].

За счет роста миграционной и туристической привлекательности Дунсина в последние годы сюда с разнообразными целями приезжает большое количество вьетнамцев. Расширяющиеся контакты с гражданами Вьетнама превращают язык цзин в язык трансграничного общения, что расширяет сферу его применения и повышает заинтересованность цзин в изучении языка предков. Возрастающий спрос на знание языка проявляется в преподавании вьетнамского языка школьникам, школьные обмены с Вьетнамом, курсы вьетнамского языка для взрослых с преподавателями из Вьетнама. Все это и способствует сближению языка цзин с современной языковой нормой в Северном Вьетнаме. Помимо этого, на территориях, населенных цзин, все большее распространение получает латинизированная письменность, повсеместно используемая во Вьетнаме. Эти процессы, вызванные трансформациями в китайско-вьетнамских отношениях и новой экономической реальностью, развиваются стихийно и в целом не совсем соответствуют установкам Китая на позиционирование языка и культуры цзин как «специфически цзинских», отличных от языка и культуры вьетнамцев, хотя и связанных с ними исторически.

Заключение

Цзин, населяющие южные приграничные районы Китая, – это, в большинстве своем, вьетоязычные группы населения, отделённые, в силу исторических событий, государственной границей от этнического большинства в соседнем Вьетнаме. Их язык и культура испытали существенное влияние со стороны ханьцев и других народов Южного Китая, но все же смогли сохраниться в условиях изолированного проживания цзин на островах или в моноэтнических поселениях вплоть до 1960-х годов. Начиная с конца XX в., на территории проживания цзин стала осуществляться миграция различных групп населения из Вьетнама и других районов Китая. Некоторые группы мигрантов, например переселившиеся из Вьетнама хуацяо, были официально включены в состав цзин.

В условиях современного развития китайско-вьетнамского приграничья цзин оказались в эпицентре происходящих процессов и их основными бенефициарами. Активизация всех видов трансграничного взаимодействия между Китаем и Вьетнамом, а также развитие туризма способствуют стремительному росту благосостояния цзин, повышению статуса их языка и культуры. Можно наблюдать, как язык цзин все больше приобретает статус трансграничного языка и все больше сближается с современной языковой нормой Северного Вьетнама; все большее распространение среди цзин получает вьетнамская латинизированная письменность.

В настоящее время цзин, одно из процветающих меньшинств Китая, находятся в фокусе внимания как китайских, так и вьетнамских исследователей и СМИ. Многие китайские и вьетнамские публикации последних лет создают впечатление, как будто и Вьетнам, и Китай стремятся позиционировать эту этническую общность «как часть себя». Данное наблюдение относится к полемике о статусе языка цзин (самостоятельный язык или диалект вьетнамского), его генетической аффилиации, роли иероглифической письменности ном в функционировании современного языка цзин, а также в оспаривании «принадлежности» культурного наследия цзин.

Список литературы

Baohu nanzi guangxi jingzu pin chuancheng (Сохранение письменности ном: цзин Гуанси самоотверженно сохраняют наследие) // China Times, 27.07.2019. URL: https://www.chinatimes.com/newspapers/20190727000164-260309?chdtv&fbclid=IwAR0twMeS6TupI86dq9xSAYD_DpbogUcS_IS7fU4vYxyTiIrpZtmaoR7yc_k.

Chih-yu Shih. Autonomy, Ethnicity, and Poverty in Southwestern China: The State Turned Upside Down. Palgrave Macmillan, 2007.

China Statistics Press (a). Gedi qufen xingbie, minzu de renkou. URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/pcsj/rkpc/6rp/indexch.htm> (дата обращения: 25.01.2020).

China Statistics Press (б). URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/pcsj/rkpc/6rp/html/fu2-6.htm> (дата обращения: 25.01.2020).

Đỗ Hữu Lực. Người chép sử Việt trên đất Trung Hoa (До Хыу Лык. Человек, описывающий историю вьетов на китайской земле) // Tuổi Trẻ, 4.05.2006. URL: <https://tuoitre.vn/nguoi-chep-su-viet-tren-dat-trung-hoa-135809.htm>.

Dongxing, a Longevity City in Guangxi // China Daily, 11.05.2012. URL: https://www.chinadaily.com.cn/travel/2012-05/11/content_15270332.htm.

Fu Dasheng. Jingzu fengsuzhi (Фу Дашенг. Описание обычаев народности цзин). Zhongyang minzu xueyuan chubanshe, 1993.

Grillot Caroline. The Creation of a Nonexistent Group: Sino-Vietnamese Couples in China's Borderlands // Cross-Currents: East Asian History and Culture Review, No. 15, June 2015. URL: <http://cross-currents.berkeley.edu/e-journal/issue-15>.

Jingdao minyao: Zhongguo Jingzu yuanshengtai mingge (Народные песни островов Цзин: песни китайской народности цзин). Shenzhen: Zhongguo changpian (Shenzhen) youxian gongsi chubanshe, 2017.

Jingyu jianzhi (Краткое описание языка Цзин). Guangxi minzu chubanshe, Nanning, 1984.

Jingzu hajie (Песенный фестиваль народности цзин) // Zhongguo feiwuzhi wenhua yichanwang. Zhongguo feiwuzhi wenhua yichan shuzi bowuguan. URL: http://www.ihchina.cn/project_details/14942/ (дата обращения: 18.01.2020).

Jingzu jianshi (Краткая история цзин). Guangxi minzu chubanshe, 1984.

Jingzu nanzi shigeji (Сборник исторических песен цзин, записанных письменностью ном). Beijing, minzu chubanshe, 2007.

Kiểu Thu Hoạch. Truyện Kiều dân gian hoá ở một tộc người Kinh (Киеу Тху Хоать. Фольклоризация истории о Киеу у народности кинь) // Nghiên cứu Truyện Kiều những năm đầu thế kỷ XXI. Nguyễn Xuân Lam biên soạn. Nxb Giáo Dục, 2009. Tr. 1265–1267, 1269–1270.

Lapteff S. Kinh people in southern China // Общество и государство в Китае: XXXIX научная конференция. М., 2009. С. 166–169.

Li Fanglan. Jingyu yanjiu zongshu (Ли Фанлан. Обзор исследований языка Цзин) // Journal of Hubei University for Nationalities, 2013 (1). P. 139–142.

Music researcher refutes Chinese claim to Vietnam's Dan bau // VietnamPlus, November 03, 2016. URL: <https://en.vietnamplus.vn/music-researcher-refutes-chinese-claim-to-vietnams-dan-bau/101738.vnp>.

Nguyễn Duy Bính. Lịch sử hình thành cộng đồng người Kinh (Việt) ở Trung Quốc (Нгуен Зюи Бинь. История формирования общности кинь (вьет) в Китае) // Tạp chí Dân tộc học, 2009, № 5. Tr. 60–68.

Nguyễn Thị Phương Châm. Cross-Border Brides: Vietnamese Wives, Chinese Husbands in a Border-Area Fishing Village // Cross-Currents: East Asian History and Culture Review, No. 11, June 2014. URL: <http://cross-currents.berkeley.edu/e-journal/issue-11>.

Nguyễn Thị Phương Châm. Dân tộc Kinh ở Giang Bình (Đồng Hưng, Quảng Tây, Trung Quốc) [Нгуен Тхи Фыонг Тям. Народность кинь в Цзяньпин (Дунсин, Гуанси, Китай)] // Thông báo văn hoá dân gian, 2004a. Tr. 43–50.

Nguyễn Thị Phương Châm. Life Stories of Vietnamese Women Married to Chinese Men in Wanwei, Guangxi, China: A New Research Approach in Vietnam // Journal of Vietnamese Studies, Vol. 12, No. 3, Summer 2017. P. 45–51.

Nguyễn Thị Phương Châm. Nghi lễ hôn nhân của người Kinh ở Trung Quốc: trường hợp làng Vạn Vĩ (Giang Bình, Đồng Hưng, Quảng Tây, Trung Quốc) [Нгуен Тхи Фыонг Тям. Брачные традиции народности кинь в Китае: кэйс деревни Ванви (Цзяньпин, Дунсин, Гуанси, Китай)]. Hà Nội, 2006.

Nguyen Thi Phuong Cham. The Flexibility in Contemporary Cultural Practices of Jing Ethnic Communities in Jing Island, Dongxing, Guangxi, China // Journal of Global and Area Studies, 2019, Vol. 3, No. 1. P. 61–71.

Nguyễn Thị Phương Châm. Văn hoá truyền thống của người Kinh ở Vạn Vĩ trong quá trình giao lưu biến đổi (Нгуен Тхи Фыонг Тям. Традиционная культура кинь Ванви в процессе трансформации и контактов) // Tạp chí Văn hoá dân gian, số 3, 2004b. Tr. 15–24.

Nguyễn Tô Lan, Nguyễn Đại Cổ Việt. Truyền thừa tiếng Kinh bằng chữ Nôm – Một góc nhìn từ cảnh huống ngôn ngữ dân tộc Kinh (Đồng Hưng, Quảng Tây, Trung Quốc) [Нгуен То Лан, Нгуен Дай Ко Вьет. Передача цзинского языка через письменность ном – взгляд с позиций языковой ситуации у этнической группы цзин (Дунсин, Гуанси, Китай)] // Tạp chí Hán Nôm, № 6 (133), 2015. Tr. 26–51.

Những lời ca của người Kinh: sưu tầm ở Kinh Đảo, Đồng Hưng, Quảng Tây, Trung Quốc (Песни народа цзин: собраны на территории цзинских островов, Дунсин, Гуанси, Китай) / Biên soạn: Nguyễn Thị Phương Châm, Tô Duy Phương. Hội văn nghệ dân gian Việt Nam, Hà Nội, 2015.

Ouyang Jueya. Jingyu jianzhi (Краткое описание цзинского языка). Minzu chubanshe, 1987.

Ruan Sulan (Nguyễn Tô Lan), Ruan Daquyue (Nguyễn Đại Cồ Việt). Cong zhongguo guangxi dongxing jingzu yuyan huan de jiaodu kui jing yu de chuancheng fangshi: Nan zi (Поддержание языка цзин в контексте языковой ситуации у цзин Дунсин, Гуанси: иероглифическая письменность ном) // Zhongzheng hanxue yanjiu, 2019, № 6. P. 171–190.

Sun Jin (Tôn Tiến). Nghệ thuật đàn bầu trong giai đoạn mới tại Việt Nam. Luận án tiến sĩ âm nhạc học (Сун Цзин. Искусство данбау на новом этапе во Вьетнаме. Диссертация на соискание степени доктора музыковедения). Hà Nội, 2015. URL: <http://www.vnam.edu.vn/rs/Document/2015-SunJin-LATS.pdf> (дата обращения: 18.01.2020).

The Chinese/Vietnamese Diaspora: Revisiting the boat people. Yuk Wah Chan (ed.). Routledge Contemporary Asia Series, 2011.

The Yearbook of Statistics. Macau, 2019.

Yu Manyu. Dangdai zhongguo de jingzu (Ю Манью. Цзин в современном Китае). Guangxi renmin chubanshe, 2005.

Zhang T., Shi W., Huang Z. et al. Influence of culture, residential segregation and socioeconomic development on rural elderly health-related quality of life in Guangxi, China // Health and Quality of Life Outcomes, 2016, No.14. P. 98 URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC4928288>.

Zhou Jianxin. Cong bianyuan dao qianyan: Guangxi Jingzu diqu shehui jingji wenhua bianqian (Чжоу Цзянсин. С периферии на передовую: изменения в социальной, экономической и культурной жизни в районах проживания цзин Гуанси). Minzu chubanshe, 2007.

Григорьева Н.В. Ранняя этническая история вьетнамцев в свете истории вьетнамского языка: проблема этнонимов // Вьетнамские исследования, вып. 2, 2012. С. 198–227.

Для цитирования: Григорьева Н.В., Шалимова С.В. Этнические вьетнамцы (цзин) в Китае: история изучения и актуальные социокультурные процессы // Вьетнамские исследования, сер. 2, 2020, № 2. С. 47–57.

Авторы:

Григорьева Нина Валерьевна, к.и.н., доцент, НИУ Высшая школа экономики – Санкт-Петербург. ORCID: 0000-0002-7839-6696. E-mail: ngrigoreva@hse.ru

Шалимова Светлана Владимировна, тьютор, преподаватель, НИУ ВШЭ–Санкт-Петербург. E-mail: sshalimova@hse.ru

Продвижение статьи:

Дата поступления: 20.02.2020

Дата поступления в переработанном виде: 23.03.2020

Принята к печати: 28.05.2020

For citation: Grigorieva N.V., Shalimova S.V. (2020). The ethnic Vietnamese (Jing) in China: critical analysis of research literature and current socio-cultural dynamics. Russian Journal of Vietnamese Studies, Series 2, No.2. P. 47–57

Authors:

Grigorieva Nina V., PhD (History), Associate Professor, National Research University Higher School of Economics – St. Petersburg. ORCID: 0000-0002-7839-6696. E-mail: ngrigoreva@hse.ru

Shalimova Svetlana V., Tutor, Lecturer, National Research University Higher School of Economics – St. Petersburg. E-mail: sshalimova@hse.ru

Article history:

Received: February 20, 2020

Received in revised form: March 23, 2020

Accepted: May 28, 2020

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

DOI: 10.24411/2618-9453-2020-10016

Tran Thi Phuong Hoa

LEGITIMIZING INTELLECTUAL LEADERSHIP IN PROLETARIANIZATION MOVEMENT IN EARLY FORMATION OF THE VIETNAMESE MARXISM, 1928–1930¹

Abstract. Scholarship on Vietnamese Communism conventionally regarded workers and peasants as the leading force of the proletarian revolution, whereas intellectuals stood as the observers. The author argues that succeeding to the legacy of the patriotic Confucian literati in the struggle for national independence, new intellectuals hoisted the flag of national liberation under the guidance of Communist ideology, which awarded the leading role to the working class. Being the intermediary in the transition of power from the scholar-gentry to the working class, Vietnamese Marxism-following intellectuals sought ways to promote and to propagandize Communist ideology in masses, and also to “proletarianize” themselves. In order to prove the legitimacy of the intellectual leadership, revolutionary intellectuals hid their intellectual origins by adopting the working-class appearance and language. This process launched the movement called “proletarianization” that lasted from 1928 to 1930 as a practical preparation for the formation of the Vietnamese Communist Party.

Keywords: colonial education, vocational schools, proletarianization, intellectual leadership.

Чан Тхи Фыонг Хоа

РОЛЬ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ И ДВИЖЕНИЕ ПРОЛЕТАРИАЗАЦИИ НА РАННЕМ ЭТАПЕ РАСПРОСТРАНЕНИЯ МАРКСИЗМА ВО ВЬЕТНАМЕ (1928–1930 гг.)

Аннотация. Исследования по вьетнамскому коммунизму традиционно называют рабочих и крестьян ведущей силой пролетарской революции, тогда как интеллектуалы выступают в качестве наблюдателей. Автор утверждает, что, следуя заветам патриотических конфуцианских литераторов, боровшихся за национальную независимость, новые интеллектуалы подняли флаг национального освобождения под руководством коммунистической идеологии, которая присвоила ведущую роль рабочему классу. Будучи посредниками в переходе власти от ученого к рабочему, последователи вьетнамского марксизма искали пути продвижения и пропаганды коммунистической идеологии в массах, а также «пролетаризации» самих себя. Чтобы доказать легитимность своего интеллектуального руководства, революционные интеллектуалы скрыли свое происхождение, приняв вид и язык рабочего

¹ The article has been written due to the grant number 03/2014/IV/HĐ-KHXH funded by Vietnam National Foundation of Technology and Science (NAFOSTED).

класса. Этот процесс положил начало движению под названием «пролетаризация», которое продолжалось с 1928 по 1930 г. как практическая подготовка к формированию Коммунистической партии Вьетнама.

Ключевые слова: колониальное образование, профессиональные училища, пролетаризация, интеллектуальное лидерство.

By the 1920s, the Vietnamese nationalist movement had become multi-faceted due to a number of factors: exposure to ideas and to theories of Communism, the rise of new intellectuals, and the growth of the substantial working class. In the period of 1928–1930, prior to the establishment of the Vietnamese Communist Party, the movement called “proletarianization” launched to promote Communist ideology in the working class, and, more importantly, to bring intellectuals to a challenging experiment to deprive them of their conventional arrogance and charisma. A new force needed to establish power of the emerging working class, which was still weak but believed to be strengthened by the help of intellectuals, and reciprocally, the penetration in the working environment would train the intellectuals, who were not loyal revolutionaries, according to the Communist principles. It was a binary game: in order to legitimize their role, intellectuals hid their intellectual origins by adopting a working-class appearance and language. On the other hand, they needed to show their intellectual “competence” to reach a power in the organization. Students of vocational schools seemed to have more advantages in the intellectual-worker alteration because they were trained to be workers rather than intellectuals, but the knowledge, industrial skills, and discipline they acquired in school could facilitate their propaganda campaigns, thereby ensuring their leadership.

Scholarship on the leadership of the anti-french colonialism revolution in Vietnam

The Vietnamese Marxist historians attempt to demonstrate the importance of the peasant-worker coalition whose leadership led to the August Revolution triumph resulting in the establishment of the Democratic Republic of Vietnam. An institution for historical studies called *the History-Geography-Literature Research Department* (Ban Sử-Địa-Văn) was established in 1953 aiming at connecting historiography with revolutionary activity.¹ A cohort of Vietnamese historians began studying the origin of the Vietnamese working class and its contribution to the building of the Vietnamese nation [Trần Huy Liệu 1954; Trần Văn Giàu 1958, 1993; Cao Văn Biền 1970; Quốc Anh 1975; Ngô Văn Hoà, Dương Kinh Quốc 1978]. Trần Huy Liệu rejected the doctrine of the three-staged development of the Vietnamese revolution during the French colonial period. Consequently, at the first stage of the resistance against the French (1858–1918) the leadership belonged to the Confucian literati (in the King-aid movement); at the second stage (1918–1930) the leading role belonged to bourgeoisie; and at the third stage (1930–1945) the leadership passed to the proletariat. The historian suggested that the two last stages of the revolution were under the leadership of proletariat and justified the proletarian power: “One can argue that the proletariat at that time was not very mature and the number of workers who participated in the revolution was small. But history has proved that at the beginning [the proletariat Party] consisted but partly of proletariat, remaining petit-bourgeois in its membership and characteristics [Trần Huy Liệu 1954: 25–26].

¹ Its scientific publication was Bulletin Historiography – Geography – Literature (Tập san Sử ký – Địa lý – Văn học), first issued in 1954. In No.1 of the Bulletin, on the cover page appeared the motto “Historical science and Revolutionary work” indicating the targets of this institution. See Ban Nghiên cứu Sử Địa Văn (Department Historiography – Geography – Literature), Tập san Nghiên cứu Sử ký – Địa lý – Văn học (Bulletin Historiography – Geography – Literature), No. 1, June 1954.

Instead of describing Vietnamese workers as a revolutionary self-conscious class, historian Cao Văn Biền emphasized their hard life in the colonial industrial context, especially in the labor consuming industries such as mining, plantation, textiles [Cao Văn Biền 1970: 53–64]. The rebellions of workers, peasants by origin, are similar to what James Scott [1985: 29] called “everyday form of peasants resistance” which was supported by ‘ordinary weapons of relatively powerless groups’ with a numerous activities such as ‘foot-dragging, dissimulation, false compliance, pilferage, feigned ignorance, slander, arson, sabotage, and so forth’.

In his generally neglected article, Trần Huy Liệu [1966] took up intellectuals, claiming their active support of the working class when they refused to follow the bourgeoisie, therefore facilitating the proletarian revolution to win. However, further research concerning the intellectuals and their contribution to the revolution was postponed till the early 1990s. Several research-works concentrated mostly on the literati and intellectual groups who pioneered the anti-French front, seeking and cultivating new ideas to build both a new Vietnamese society and a new force to lead the struggle against the French [Huỳnh Kim Khanh 1982; Marr 1984; Tai 1992, 2010; Nguyễn Văn Khánh 2004; Quin-Judge 2011]. The emergence of new intellectuals has been proved by the search into development of the French-style education in Vietnam and the contribution of its students to the Vietnam’s nation building [Kelly 1971, 2000; Altbach and Kelly 1978; Trịnh Văn Thảo 1990; Trần Thị Phương Hoa 2012].

The shift from literati to the peasant-worker coalition in the revolutionary leadership has been put forth in scholarship. However, this process deserves scrutinizing. The process of “proletarianization of intellectuals” that took place in 1928–1930 in order to legitimize the intellectual leadership in the proletarian revolution would help better understand this transformation.

The transition of revolutionary forces in Vietnam’s colonial society in the 1920s

In early 20th century, the Đông Du movement developed by Phan Bội Châu resonated with the Vietnamese compatriots with landslides. The outstanding scholar-patriot had spent five years (1900–1904) travelling through North, Central and South Vietnam to seek the intellectual comrades, mostly among scholars and mandarins, then planned to send them to get military training in Japan, an admirable Asian superpower in the eyes of Vietnamese contemporary literati. During his journey, Phan Bội Châu extensively utilized his title as a scholar, who ranked the first in the regional examination (thi Hương), and the status as a Royal University student (Quốc Tử Giám); therefore, he created a wide network among scholars. Another scholar-reformer, Phan Chu Trinh, who gained a higher rank than Phan Bội Châu, in the Confucian examination system, chose the path to national independence by strengthening education, improving economy and intensively required social justice through his demands to the French authorities. The echo of the heroic rhapsody the two scholars left in the anti-French colonial history silenced in 1925 when Phan Bội Châu was arrested and Phan Chu Trinh passed away after a severe depression in Paris. Taking over the flag, Nguyễn Ái Quốc reformatted the revolutionary path, when he had definitely discovered the way for national liberation after striking encounter with *Theses on the National Question* by V.I. Lenin, the work which encouraged the consolidation of Communist parties in capitalist countries and worldwide to help eliminate colonialism and imperialism thereby bringing freedom to colonial nations.

The emergence of the working class in Vietnam in the 1920s as the main revolutionary force was foreseen by Nguyễn Ái Quốc and then confirmed in the Vietnam Communist Party’s (VCP) strategy. In its manifest, the Indochinese Communist Party states: ‘... the proletariat must hold the revolutionary leadership, so that to ensure the ultimate victory of the revolution. The strongest ally of

the proletariat is the peasantry' [Đảng Cộng sản Việt Nam 2002: 190]. Prior to that, the Hội Việt Nam Cách mạng Thanh niên (the Vietnamese Revolutionary Youth League), the predecessor of the VCP, had been organized: "in the League there are mostly petits bourgeois, intellectuals, while peasants and workers are few. The task is to strengthen the internal organization by more proletarian composition of the League" [Đảng Cộng sản Việt Nam 2002: 110]. In the Vietnamese agricultural society governed by the totalitarian imperial power with the prevailing Confucian doctrine, peasants and workers were ranked the lowest strata. Since the real power belonged to the Confucian scholars-gentry, how could workers and peasants take the leadership?

In fact, despite the rise of the new intellectuals, the Confucian literati still maintained their social prestige for their high educational titles and strong will to preserve the Vietnamese spirit against the French invasion. In early twentieth century, the literati became aware of the need to modernize by removing backward and old-fashioned thought and doctrine. Also, they were ready to give up their hegemonic guidance of scholarship that they had been building for centuries. However, the literati failed to compete with the French expansion because they, though with fervent patriotism, were not capable enough to modernize and win the masses. The inability of the patriotic scholars united in the Duy Tân and Đông Du movements has been generalized as the end of the power of Confucian elites whose feeble symbolic influence lasted until mid-1920s. Meantime, the Western-styled intellectuals were subject to fragmentation and could not unite into a strong resistance camp against the French. The French-educated men like Phạm Quỳnh, Nguyễn Văn Vĩnh tried to launch a campaign to preserve the Vietnamese language as an act of patriotism, while recognizing the advantages of the French civilization.

In the post-World War I context, the French increased their influence by raising investments into social interest. The ratio of expenses for education in the general budget increased in 1918–1930 from 3,5 to 6,1% in Indochina; from 5,5 to 14,2% in Tonkin, from 3,4 to 14,5% in Annam and from 10,0 to 12,5% in Cochinchina [Exposition coloniale internationale 1931: 139]. The new educational system became accomplished with the 13-year-general education, university, and professional schools. The number of students of French-Vietnamese schools in Vietnam increased from app. 100 thousand in 1918 to 200 thousand in 1925 and 300 thousand in 1929 [Gouvernement Général de l'Indochine (GGI) 1922; GGI 1925; GGI 1929]. Meantime, the number of workers in Vietnam in 1929 was 221.052 [Ngô Văn Hoà, Dương Kinh Quốc 1978: 203]. In view of Marxists, intellectuals were 'an intermediate class, ideologically dependent on other classes'. In the road to the Communist revolution, they had many shortcomings such as 'hesitation, individualism, lack of collective discipline' [Vô sản hoá 1972: 7]. So, to join the revolution, they have to 'give up their own stand to gain the position of the proletariat' [Nguyễn Văn Khánh 2004: 16].

Prior to the establishment of the VCP in 1930, a campaign 'Vô sản hoá' (Proletarianization) had been launched to retrain intellectuals. This term had been used by the Marxist classics to refer to the process in the capitalist society when social strata, particularly workers and peasants, were deprived of all properties and became proletariat. The Tonkinese Headquarter of the Youth League applied this term in a different situation, when the intellectuals were mobilized to work closely with workers to develop party networks in the industrial environment.

Preparing revolutionary intellectuals

The book *Đường Kách mệnh* (The Revolutionary Path), the first Marxist book published in the Vietnamese language determines the role of students.

‘Revolution is the work of masses. To win the victory, the revolutionary must acknowledge workers and peasants to be the radical forces of the revolution; in addition, students, small merchants, small landowners also subjected to imperialist oppression, though not to so brutal one as the formers, are companions of the revolution’ [Nguyễn Ái Quốc 2011: 54]

The building of a new Vietnamese revolutionary force was an urgent need, as a response to the influence of the Comintern, and especially to the rise of the young Soviet Union. Sophie Quinn-Judge [Quinn-Judge 2002, 2011; Duiker 2000] noticed the desire of Nguyễn Ái Quốc to raise the image of Indochina on the international agenda, especially to build up a Party to represent the voice of colonized Indochinese in the Comintern. In 1923, Tâm Tâm Xã (the Like Hearts Society) was created in Guangzhou. This group comprised a handful of radical intellectuals who had a trend of employing violent measures, firstly to make resonance to attract attention of the public so that they would become well-known. The young heroic people, in their 20s, were eager to show their revolutionary enthusiasm. In 1924 Phạm Hồng Thái, one of its charter members, shocked the French colonial authorities by bombing the hotel in an attempt to kill Governor-General Merlin in Guangzhou. In a rumour on his being an alumnus of the School of Practical Industry in Haiphong, his heroic action inspired other students who felt proud to learn at the school. So far, the activities of the members of the group have been presented as a revolutionary myth. Sophie Quinn-Judge [2002] claimed that many contemporary revolutionary leaders influenced this organization, such as Phan Bội Châu, Nguyễn Hải Thần, who did not tend towards Communism. In 1925, Tâm Tâm Xã was dismissed and transformed into the Vietnamese Revolutionary Youth League (Hội Việt Nam Cách mạng Thanh niên), which had a rather Marxist orientation under the leadership of Nguyễn Ái Quốc, who emphasized the importance of training young people on the long-termed revolutionary path. Another journey to the East (Đông Du) took place, but this time the southern provinces of China were a destination but not Japan as twenty years ago. Guangzhou especially attracted the Vietnamese revolutionary flow, as there were many high schools, universities and academies; also, it was the meeting point of revolutionaries of various nationalities [Goscha 1999].

Focusing on dissemination of Communist ideas, the Youth League published newspaper *Thanh Niên*, with about a hundred copies for each issue and the book *Đường Kách Mệnh*, which were transported secretly from Guangzhou to Vietnam and circulated among population, especially among workers. A network was established to connect Guangzhou with Vietnam and extended to Thailand, channelling for cross-border human and publication flows. In 1925–1927 there were ten classes organized in Guangzhou, training about 250–300 students who came from many provinces of Vietnam [Nguyễn Thành 1985: 97]. Nguyễn Ái Quốc himself participated as a teacher, in addition to the Soviet teaching staff. They gave lessons on history of Communism, history of French colonialism in Indochina and particularly focused on organization of a revolutionary party and a revolutionary network. Nguyễn Ái Quốc concentrated his efforts on strengthening the organizational methods and skills, so that all the members of the Youth League ‘live with the one aim, one style, one language’ [Huỳnh Kim Khánh 1982: 78]. He figured out the lack of knowledge of politics and mass organization as the reason for the failure of the previous revolutionary movement led by the Confucian-gentry [Nguyễn Ái Quốc 2011: 9]. Furthermore, he clearly identified the class characteristics of the Party, which should be based on worker-peasant coalition. The victory of the Russian revolution was used in his guideline book *Đường Kách Mệnh* as a sample of the successful mobilization of this ally.

Nguyễn Ái Quốc knew that Communism was not easy for the public to understand, so he urged to use *quốc ngữ* (Romanized Vietnamese scripts) to convey the political term borrowed from the West.

He knew that propaganda of Communist ideas required creativity, as well as understanding of the mentality and knowledge of the target audience (workers and peasants).

The 'proletarian spirit' was highly encouraged to simplify the writing as much as possible. Nguyễn Ái Quốc taught: "Someone may criticize grumpy expressions. Well, all things need to be expressed in a simplistic way with no decoration. For sixty years French imperialists have been sitting on our top, more than twenty million of people died. We have to scream aloud, do fast, we have no time to polish or manipulate the language" [Thép mới 1984: 39]. To convey knowledge of Communist ideology directly to the masses, the language needed to be simple, sometimes even rough. The determined choice of the workers-peasants coalition as the substantial revolutionary force at the inception of the proletarian revolution and selection of appropriate means of dissemination of revolutionary ideas was then proved to be proper in the country where peasant ratio in population accounted to more than 90%. The Communist leaders, many of them of elitarian intellectual origin, were ready to give up their former nominal power they possessed for hundreds of years and to seize a new power of the proletariat. Nguyễn Ái Quốc's determination to renounce intellectuals and to build the image of the Vietnamese leader who experienced the life of the working class was considered by historian Nguyễn Thế Anh as a mystery in the Vietnamese history [Nguyễn Thế Anh 1985]. According to the historian, Nguyễn Ái Quốc's rejection of his family's mandarin origin and his transformation into a social outcast showed his commitment to the distressed people, who then became the revolutionary's sheet anchor.

Members of the Youth League not only read Marxist documents, but they also learnt to create and expand networks, starting from a 3-person group. According to Nguyễn Ái Quốc's instruction, the school provided a favorable condition for connecting reliable people. Schoolmates were included in the list of available 'comrades', along with siblings, neighbors, friends

– Do you have a sibling?

– Yes

– Classmate?

– Yes

– Neighbor?

– Yes

– Friend?

– Yes

– Excellent! So, we would choose them to disseminate propaganda, to introduce to our organization. We would not spend much time investigating those, who we know well. One can propagandize among two persons that make a three-person team. Then each in the team propagandize another two, then the organization would multiply' [Thép mới 1984: 50].

The network of kinship and friendship was intensively exploited to increase the members of the organisation. Quinn-Judge noticed that the first group of the Youth League founded in Vietnam had been evolved around a core group of fellows who had come from Annam, especially from Nghe An, also the homeland of Phan Bội Châu and Nguyễn Ái Quốc [Quinn-Judge 2002]. Out of 250 fellows sent to Guangzhou from May 1926 to April 1927 there were 180 who had come from Annam and Tonkin.

Historian Hue Tam Tai's story about her aunt's path to the Youth League revealed much about the kinship matrix that led her aunt to meet revolutionary fellows, and in 1927 due to friendship of her father and the members of the organization, the shy and unsociable girl left her home for remote Guangzhou with her new acquaintances [Tai 2010].

In addition to the blood kin relations, ‘schoolmates’ had a significant role in multiplication of the organization when creating internal confidence among its members. More importantly, the school atmosphere, where students learnt sciences and technical innovations, nurtured the flows of new information and ideology, including Marxism-Leninism.

The Youth League was a high intellectual structure, ‘90% of the membership was of intellectual origin’. It functioned as a proto-Communist party that prepared the human resource for the Communist Party of Vietnam founded in 1930. Particularly, in 1928-1929, this organization carried out a project aiming at strengthening the working class, which, in the late 1920s ‘was still weak, even in the industrial centres such as Hanoi, Haiphong, Namdinh, Vinh’ [Vô sản hoá 1972: 7]

Students of professional schools in the three regions of Vietnam, though in much less number than general schools, had more advantages in penetrating the proletarianizing movement. Echoing the first generation of Franco-Vietnamese school students, such as Ngô Gia Tự, Trịnh Đình Cửu, who were *Collège du protectorat*’s students, or Nguyễn Đức Cảnh, Đặng Xuân Khu, who were the *École primaire supérieur de Nam Dinh*’s students, the first Communist-students of professional schools, Hoàng Quốc Việt, Lương Khánh Thiện, also left school to join the revolution, and lived among workers. To erase ‘bourgeoisie traits’, they tried to erase their intellectual appearance by putting on clothes of workers or peasants in order to win the workers’ confidence.

Students of Haiphong Professional School in the proletarianizing campaign – the case of Hoàng Quốc Việt

The French interest in opening professional schools was motivated by Paul Doumer’s policy. This Governor stressed the need to train local human resources for economic programs. Official professional schools were established in all the three regions: two in Tonkin, five in Cochinchina and one in Annam. Each region had at least one school of practical industry (*école pratique d’industrie*). After 2-4 years of learning and completing apprenticeship, about 20–40 students from each school got a Certificat of apprenticeship or Certificat of Professional Aptitude every year. Haiphong school was established in 1913, aiming at training educated native workers, able to become foremen or workshop managers in the main trades. The school had three main sections of industry including ironwork, mechanics and adjustage, with permanent number of students around 150.

Among the reasons leading Vietnamese intellectuals to the revolution, as Vietnamese Communists explained, was their poverty and low status in the society that nurtured in them hatred towards the French invaders. The pyramid-pattern training system built by the French in Vietnam allowed less than 1% elite intellectuals to be able to hold a Diplome or baccalaureat degree. The rest had to do mediocre jobs such as elementary teachers or secretaries. In this trend, technical students held even lower status, as their degrees were not included in the degree system of education what prevented the holders from going on learning in colleges or university. When entering professional schools, their learning mostly focused on practice and manual work. According to the Laws on Technical Education (1921), practice hours increased throughout 3 years, from 24 hours to 36 hours a week, that is, from 50 to 75% of the weekly syllabus (Table 1). Haiphong school was no exception.

Table 1. Program of the school of practical industry, Indochina, 1921–1945

Subject	Hours/week		
	Year 1	Year 2	Year 3
French, dictation, essay	4	3	1h30m

Arithmetics, geometrics, algebra	4h30m	1h30m	0
Physics, chemistry	3	1h30m	
Industrial design	4	4	4
Machine and technology	3	3	1h30
Practice in workshop	24	30	36-42
Physical education	2	2	0
Total	45	45	45

Source: Gouvernement Général de l'Indochine, Direction de l'Instruction publique, (1921),
Règlement Général de l'enseignement professionnel. IDEO, Hanoi-Haiphong.

Schools played an important role in the anti-French movement. In 1925-1926, students-rebels were associated with their respect to the Confucian scholar-gentry rather than under influence of Communism. Hoang Quoc Viet, an alumnus of the Haiphong *école pratique d'industrie*, described the days of student protest in his school:

“The French did not think we dared to leave school. We would lose scholarship, Diploma, which we, students of the third year, would achieve after just one year of apprenticeship. Beyond the school there was unemployment, hunger. But more than three dozen brothers of the third year determined to go away with belongings” [Hoàng Quốc Việt 1985: 25].

These revolutionaries-to-be left school but did not yet determine their path. They heard about a new “ism” but did not know what it was and expected to meet the men of that “ism”. Having left school, they worked in mines and factories. The recruitment was easy for them because they were trained as technicians (when other “proletarianizing” intellectuals should pay a small bribery to be taken to a factory). At work, the members of the Vietnamese Revolutionary Youth League found the organization and were introduced into it. Hoàng Quốc Việt then became a member of the Youth League through the introduction of Nguyễn Đức Cảnh, an alumnus of the *Collège du Protectorat*, who was also expelled from the school for joining the movement 1926.

Hoàng Quốc Việt described his propaganda activities for Communist ideology and his penetration into the proletarian life: “I lived with workers, also dressed in ragged clothes, my face in daub. The intellectuals, who went on “proletarianizing campaign” had also to apply grease, grime on the face to make themselves dirty to become different from ‘white face’ intellectuals (bạch diện thư sinh)” [Hoàng Quốc Việt 1985: 57].

By changing the appearance, the intellectuals in the “proletarianization” campaign showed their commitment to definitely leave their original group for stand on the workers’ platform, which the Confucian literati or the French-educated intellectuals had never imagined. Many pictures taken in early twentieth century indicated a different image of Tonkinese literati with incredibly long nails. This was one of the important tokens of literati genuineness, not only because of the filial piety that they saved every part of their body as in the status of their origin, but also because they had never engaged in manual works.

Prior to proletarianizing campaign, the ratio of workers in the cells of the Youth League in all parts of Vietnam was small. In 1926, the Hanoi cell had eleven members but there was only one worker; the Quang Nam cell had twenty and two respectively [Nguyễn Thành 1985: 158]. As a result of the campaign, the ratio of workers in cells increased from 5% in 1926 to 10% in 1929 [ibid: 162]. Khuất

Duy Tiến, Hoàng Quốc Việt's brother in law, who went "proletarianizing" in Nam Dinh cotton mill, noted that the factory had 4.400 workers, but there were only 300 trained workers of "blue collar", such as adjusters, mechanics, forgers, the rest were of "brown collar" [Vô sản hoá 1972: 34].

In a letter to the Comintern dated 1931, Nguyễn Ái Quốc complained about the illiteracy of workers and peasants. His strong reliance on intellectuals was subject to criticism by the Comintern [Bradley 2000: 38]. Yet he consolidated around him an echelon of the elite intellectuals, and made them "proletariat" to lead the revolution of workers and peasants.

Conclusion

In 1928–1930 the Vietnamese Revolutionary Youth League launched the "proletarianization" campaign. The aim of this movement was to propagandize Marxist ideology among the working class, to let this social strata be aware of its power and ability to take leadership in the revolution. Also, this served a practical project for intellectuals to train themselves in hard working conditions to reshape their thought and adapt them to new revolutionary demands. By doing so, the Communist movement in Vietnam would get rid of the "fledgeling" situation and integrate into the international Communist flows, as Quinn-Judge [Quinn-Judge 2011: 695] argues. This plan also recruited a few students of professional schools, at the offset of their revolutionary path. These young men were particularly welcome because of bonds between intellectual and manual labor of their learning. Although the impact of 'proletarianization' campaign on the working class was not clear, it opened a long path where Vietnamese intellectuals tried to leave their 'elite' echelon and adjust themselves to the masses; their far-reaching efforts have gone beyond the colonial era.

Reference

- Altbach, P. and Kelly, G.* eds. (1978). *Education and Colonialism*. New York and London: Longman.
- Bradley, M.P.* (2000). *Imagining Vietnam and America: the making of postcolonial Vietnam*. Chapel Hill and London: University of North Carolina Press.
- Cao Văn Biền* (1970). Những hình thức đấu tranh và sự chuyển biến về ý thức của công nhân Việt Nam đầu thế kỷ XX (The forms of struggle and the change of Vietnam worker consciousness in the beginning of the twentieth century). *Nghiên cứu lịch sử* (Journal of Historical Studies – NCLS), No. 130. P. 53–64.
- Đảng Cộng sản Việt Nam (Vietnamese Communist Party) (2002). *Văn kiện Đảng toàn tập* (Full collection of Party's documents), vol.I. Hà Nội: Chính trị Quốc gia.
- Duiker, W.* (2000). *Ho Chi Minh – a Life*. New York: Hyperion.
- Exposition coloniale internationale Paris (International colonial exhibition Paris) (1931). *Le service de l'Instruction publique en Indochine en 1930* (The Department of Public Instruction in Indochina in 1930). Hanoi: Imprimerie D'Extrême-Orient.
- Goscha, C.* (1999). *Entremêlements sino-vietnamiens: Le Sud de la Chine et la révolution vietnamienne entre les-deux-guerres* (Sino-Vietnamese intermingling: Southern China and the Vietnamese revolution between the wars). *Approches-Asie*, no. 16.P. 81–108. Translated into Vietnamese by Dao Hung and published in *Xưa và Nay*, No. 75, May 2000.P. 14–15.
- Gouvernement Général de l'Indochine (General Government of Indochina) (1922). *Annuaire statistique de l'Indochine* (Indochina Statistical Yearbook). Vol. I, 1913–1922. Hanoi: Imprimerie D'Extrême-Orient.
- Gouvernement Général de l'Indochine (General Government of Indochina)(1925). *Rapport au conseil de gouvernement. Session ordinaire de 1925. Fonctionnement des divers Services Indochinois* (Report to the government council. Ordinary session of 1925. Operation of the various Indochinese Services). Hanoi: Imprimerie D'Extrême-Orient.
- Gouvernement Général de l'Indochine (General Government of Indochina) (1926). *Rapport au conseil de gouvernement. Session ordinaire de 1926* (Report to the government council. Ordinary session of 1926). Hanoi: IDEO.

Gouvernement Général de l'Indochine (General Government of Indochina) (1928). Rapport au conseil de gouvernement. Session ordinaire de 1928. Premier partie. Situation général de l'Indochine (Report to the government council. Ordinary session of 1928. First part. General situation of Indochina). Hanoi: IDEO.

Gouvernement Général de l'Indochine (General Government of Indochina) (1929). Rapport au conseil de gouvernement. Session ordinaire de 1929. Fonctionnement des divers Services Indochinois (Report to the government council. Ordinary session of 1929. Operation of the various Indochinese Services). Hanoi: IDEO.

Gouvernement Général de l'Indochine, Direction de l'Instruction publique (General Government of Indochina, Department of Public Instruction) (1921). Règlement Général de l'enseignement professionnel (General regulations for vocational education). Hanoi-Haiphong: Imprimerie D'Extrême-Orient.

Hémery, D. (2007). L'Indochine à l'âge des extrêmes: protestations et révolutions (XIXe-XXe siècles). Partie II. 1900–1939: Protestations anti-coloniales, nationalisme et communisme, mouvements sociaux (Indochina in the age of extremes: protests and revolutions (19th–20th centuries). Part II. 1900–1939: Anti-colonial protests, nationalism and communism, social movements). URL: <http://indomemoires.hypotheses.org/13310>.

Hoàng Quốc Việt (1985). Chặng đường nóng bỏng – Hồi ký [The burning road – Memoir]. Hà Nội: Lao động.

Huynh Kim Khanh (1982). Vietnamese Communism: 1925–1945. Ithaca: Cornell University Press.

Kelly, G. (1971). Education and Participation in Nationalist Groups: An Exploratory Study of the Indochinese Communist Party and the VNQDD, 1929–31. Comparative Education Review, Vol. 15, No. 2. P. 227–236.

Kelly, G. (2000). French Colonial Education: Essays on Vietnam and West Africa. David H. Kelly ed. New York: AMS Press Inc.

Marr, D. (1984). Vietnamese Tradition on Trial, 1920–1945. Berkeley: University of California Press.

Ngô Văn Hoà, Dương Kinh Quốc (1978). Giai cấp công nhân Việt Nam những năm trước khi thành lập Đảng (Vietnamese working class prior to the formation of the Communist Party). Hà Nội: Khoa học Xã hội.

Nguyễn Ái Quốc (2011). Đường Kách mệnh. First published in 1926. Hồ Chí Minh toàn tập (Collection of Ho Chi Minh works), tập II: 1924–1929. Hà Nội: Chính trị Quốc gia.

Nguyễn Ái Quốc (2011). Gửi chủ tịch đoàn Quốc tế Cộng sản (Letter to the Head Delegation of the International Communism dated 18 Dec. 1924, from Guangzhou). Hồ Chí Minh toàn tập (Collection of Ho Chi Minh works), tập II: 1924–1929. Hà Nội: Chính trị Quốc gia.

Nguyễn Thành (1985). Việt Nam thanh niên cách mạng Đồng chí Hội (The Vietnamese Revolutionary Youth League). Hà Nội: Thông tin lý luận.

Nguyễn Thế Anh. How Did Hồ Chí Minh Become a Proletarian? Reality and Legend. Asian Affairs (Journal of the Royal Society for Asian Affairs), Vol. XVI, Part 2, June 1985. P. 163–169.

Nguyễn Văn Khánh ed. (2004). Trí thức với Đảng, Đảng với trí thức trong sự nghiệp giải phóng và xây dựng đất nước (Intelligentsia and the Party, the Party and the intelligentsia in the liberation and construction of the country). Hà Nội: Nhà xuất bản Thông tấn.

Quinn-Judge, Sophie (2002). Ho Chi Minh – The Missing Years, 1919–1941. Berkeley: University of California Press.

Quinn-Judge, Sophie (2011). Ideological influences on the Revolutionary High Tide: the Comintern, class war and peasants. South East Asia Research, Vol. 19, No. 4. P. 685–710.

Quốc Anh (1975). Mối quan hệ giữa các khuynh hướng chính trị tiểu tư sản với phong trào công nhân trong phong trào giải phóng dân tộc Việt Nam trước 1930 (The relationship between the petit-bourgeoisie political tendencies and the worker's movement in the pre-1930 Vietnamese national liberation). Nghiên cứu lịch sử, № 160. P. 28–48.

Tai, Hue Tam Ho (1992). Radicalism and the Origins of the Vietnamese Revolution. 1st Edition. Cambridge: Harvard University Press.

Tai, Hue Tam Ho (2010). Passion, Betrayal, and Revolution in Colonial Saigon. The Memoirs of Bao Luong. Berkeley: University of California Press.

Thép Mới (1984). Thời dựng Đảng (The time of building the Party). Thành phố Hồ Chí Minh.

Trần Huy Liệu (1954). Một câu hỏi cần trả lời dứt khoát: Phong trào cách mạng trong giai đoạn thứ hai từ sau đại chiến thứ nhất đến năm 1930 do giai cấp nào lãnh đạo? (One question needs a firm answer: Who led the second stage of revolution from the WWI to 1930?). Tập san Văn Sử Địa, No. 3. P. 22–26.

Trần Huy Liệu (1966). Trí thức Việt Nam trong quá trình đấu tranh giải phóng dân tộc (The Vietnam intellectuals in the national liberation struggle process). Nghiên cứu Lịch sử, No. 83. P. 60–64.

Trần Thị Phương Hoa (2012). Giáo dục Pháp–Việt ở Bắc Kỳ, 1884–1945 (French-Vietnamese education in Tonkin, 1884-1945). Hà Nội: Nhà xuất bản Khoa học Xã hội.

Trần Văn Giàu (1958). Giai cấp công nhân Việt Nam – Sự hình thành và sự phát triển của nó từ giai cấp “tự mình” đến giai cấp “cho mình” (Vietnamese working class. Its formation and development from a class “by self” to class “for self”). Hà Nội: Sự thật.

Trần Văn Giàu (1993). Sự phát triển của tư tưởng ở Việt Nam từ thế kỷ XIX đến Cách mạng Tháng Tám. Tập III: Thành công của chủ nghĩa Mác–Lê Nin, tư tưởng Hồ Chí Minh (The development of Vietnamese ideology from nineteenth century to the August Revolution. Vol. III: The victory of Marxism-Leninism and Ho Chi Minh ideology). Thành phố Hồ Chí Minh.

Trịnh Văn Thảo (2013). Ba thế hệ trí thức người Việt (1862–1954) (Three generations of Vietnamese intellectuals). Hà Nội: Nhà xuất bản Thế giới. [Trans. from Vietnam: Du confucianisme au communisme: un essai itinéraire intellectuel (1990). Paris: L’Harmattan].

Trường Trung học Công nghiệp I (1998). Nội san kỷ niệm 100 năm thành lập trường (Industrial School NoI. A proceedings for 100 anniversary of school establishment). 10/8/1898–10/8/1998 (bản lưu hành nội bộ).

Vietnam Archives Centre I, Hanoi, SET- 657. Plainte anonyme des élèves de l’Ecole professionnelle de Ha Noi contre Pouchat et Auclair, directeur et professeur de cette école pour l’exation des élèves 1906 (Anonymous complaint by Ha Noi Professional School students against Pouchat and Auclair, director and teacher of this school for student exation 1906).

Vietnam Archives Centre IV Dalat, RSA-4622. Dossier relatif à l’exclusion de certaines élèves de l’École Pratique d’Industrie de Huế année 1931–1935 (File relating to the exclusion of certain pupils from Hue Practical School of Industry, year 1931–1935).

Vô sản hoá (1972). Hồi ký Cách mạng (Proletarianization. Revolutionary memoirs). Hà Nội: Thanh niên.

For citation: *Tran Thi Phuong Hoa* (2020). Legitimizing intellectual leadership in proletarianization movement in early formation of the Vietnamese Marxism, 1928–1930. Russian Journal of Vietnamese Studies, Series 2, No.2. P. 58–68

Author:

Trần Thị Phương Hoa, PhD (History), Deputy Director of the Institute of Historical Studies, Vietnam Academy of Social Sciences. ORCID:0000-0003-4980-714X. E-mail: tranphhoa@yahoo.com

Article history:

Received: April 7, 2020

Received in revised form: May 29, 2020

Accepted: June 14, 2020

Для цитирования: *Чан Тхи Фьонг Хоа*. Роль интеллигенции и движение пролетариата на раннем этапе распространения марксизма во Вьетнаме (1928–1930 гг.) // Вьетнамские исследования, сер. 2, 2020, № 2. С. 58–68 (на англ. яз.)

Автор:

Чан Тхи Фьонг Хоа, к.и.н, зам. директора Института истории ВАОН. ORCID: 0000-0003-4980-714X. E-mail: tranphhoa@yahoo.com

Продвижение статьи:

Дата поступления: 7.04.2020

Дата поступления в переработанном виде: 29.05.2020

Принята к печати: 14.06.2020

DOI: 10.24411/2618-9453-2020-10017

Ты Тхи Лоан

ВЛИЯНИЕ ИНТЕРНЕТА НА КУЛЬТУРНУЮ ТРАНСФОРМАЦИЮ СОВРЕМЕННЫХ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ СЕТИ ВО ВЬЕТНАМЕ

Аннотация. Спустя 20 лет с момента подключения Вьетнама к Глобальной сети страна вошла в разряд ведущих государств с «высоким уровнем взаимодействия с Интернетом». На базе исследований и оценок текущей ситуации, связанной с развитием Сети в СРВ, в статье проводится углублённый анализ многомерного воздействия Интернета на культурную трансформацию пользователей. Отмечены позитивные аспекты подобных изменений в части улучшения качества жизни, включая сферу досуга и развлечений, условий быта, обучения, работы, что способствует развитию культуры и личности во Вьетнаме. Вместе с тем выявлены негативные тенденции, которые может привести к дестабилизации культурной и социальной сферы, что требует пристального внимания и принятия ответных мер.

Ключевые слова: Интернет, воздействие, культурная трансформация, пользователи Сети, Вьетнам.

Tu Thi Loan

THE IMPACT OF THE INTERNET ON THE CULTURAL TRANSFORMATION OF MODERN NETWORK USERS IN VIETNAM

Abstract. After 20 years of Vietnam's connection to the global network the country has become one of the leading states with a "high level of interaction with the Internet." Based on studies and assessments of the current situation related to the development of the network in Vietnam, the article provides an in-depth analysis of the multidimensional impact of the Internet on the cultural transformation of users. On a positive note, such changes affect the quality of life, living conditions, the processes of training and work, as well as the sphere of leisure and entertainment, thereby contributing to the development of culture and people in Vietnam. At the same time, the influence of negative trends can lead to the destabilization of the cultural and social spheres, which requires close attention and response.

Keywords: Internet, impact, cultural transformation, network users, Vietnam.

Введение

Интернет является одним из величайших изобретений человечества прошлого столетия, которое оказывает глубокое влияние на уклад жизни людей в XXI в. независимо от того, являются ли они жителями самых современных городов либо удалённых глухих деревней. Глобальная сеть коренным образом меняет бытовую сферу, образование, работу и досуг. Во Вьетнаме Интернет появился лишь 20 лет назад, однако его влияние на культуру пользователей является исключительно сильным. Трудно поспорить с тем, насколько важна роль Интернета в жизни современных людей, но в то же время обратной стороной медали является негативное воздействие и нежелательная зависимость, которые возникают в отсутствии должного контроля.

Статья подготовлена на основе научных исследований в рамках базовой научной программы Министерства культуры, спорта и туризма СРВ, реализованной в период с 2017 по 2018 г.

В статье даётся фактическая оценка ситуации с использованием Интернета во Вьетнаме в настоящее время, исследуется многомерное влияние Глобальной сети на культурную трансформацию пользователей, показываются положительные стороны и преимущества этого процесса, а также негативные моменты и недостатки.

История исследований и ряд смежных теоретических проблем

Существует множество подходов к изучению влияния Интернета на изменение культуры и общества. Некоторые работы зарубежных авторов рассматривают проблему с точки зрения изменения социального поведения в киберпространстве [Shield 1996], образа жизни в связи с воздействием Интернета [Miles 2000], психологии и поведения сетевого сообщества [Wallace 2015], форм и практик современного искусства из-за влияния Сети [Ashby, Abbas, Rahme 2018], языка в сетевой среде [Youguo 2018] и т.д.

Во Вьетнаме исследования об Интернете и его влиянии на различные аспекты социальной жизни по-прежнему являются относительно новой темой. Опубликован ряд работ, касающихся влияния Глобальной сети на процесс обучения и жизнедеятельности детей [Nguyễn Thị Minh Phương, Nguyễn Thái Quỳnh Chi 2001], на образ жизни студентов в Ханое [Bùi Hoài Sơn 2006; Nguyễn Quý Thanh 2001], на социокультурные перемены в СРВ под воздействием новых информационных средств [Bùi Hoài Sơn 2008], подключения к социальным сетям и самовыражения молодёжи в сети Интернет [Nguyễn Thị Phương Châu 2013] и др. Указанные работы в целом направлены на изучение и оценку влияния Интернета на отдельные аспекты, такие как привычки, поведение, образ жизни, индивидуальность и психология человека. Вместе с тем до сих пор нет работ, анализирующих всестороннее влияние Интернета на культурную трансформацию пользователей. Объектом имеющихся исследований являются дети и подростки, студенты и молодёжь в крупных городах, таких как Ханой и Хошимин. Другие возрастные группы и более широкие географические рамки остались вне поля зрения учёных.

Новизна данной статьи заключается в обобщении и оценке ситуации с точки зрения как пространственного, так и предметного охвата, на основе которого выстраивается полная, всесторонняя картина культурной трансформации пользователей Сети во Вьетнаме в настоящее время. Исследование проводилось с опорой на распространённые в Сети способы передачи информации, в том числе электронные СМИ, социальные сети, веб-сайты, посвящённые литературе, кинематографии, музыке, изобразительному искусству, фотографии, моде, кулинарии, а также различные форумы, персональные блоги и онлайн-игры. Основными методами, применявшимися в данном исследовании, являются синтез и анализ вторичных данных, социологический опрос, детальное интервью, онлайн-опрос. Полевые исследования и социологические опросы проводились в 11 провинциях и городах по всей стране¹.

¹ Включая Ханой, Тхайбинь, Хоабинь, Тхайнгуен, Лаокай, Иенбай (Северный Вьетнам); Тхыатхиен-Хюэ, Кханьхоа (Центральный Вьетнам); Донгнай, Киензянг, г. Хошимин (Южный Вьетнам), наряду с онлайн-опросами в сети.

Воздействие Интернета на культурную трансформацию пользователей весьма сложно, разнообразно и многопланово, поэтому его изучение и оценка проводятся по различным аспектам, уровням и с разных точек зрения. *Характер воздействия* может быть положительным или отрицательным, прямым или косвенным. Изучать *механизм воздействия* возможно путём рассмотрения следующих шагов: воздействие на поведение → воздействие на отношение → воздействие на сознание. Влияние Интернета на поведение ограничивается легко заметными внешними изменениями привычек, норм поведения, образа жизни, учёбы и работы. Воздействие на отношение (к общению, поведению) приводит к изменениям на промежуточной ступени. На высшей ступени проявляется его воздействие на восприятие, мышление, идеи, взгляды и даже на мировоззрение пользователя [Tù Thị Loan 2019: 93–94]. Выделяются также два *уровня воздействия* – поверхностный и глубокий. «Поверхностная структура включает в себя заметные снаружи системы культурных кодов (культурные проявления), которые непрерывно изменяются, являясь переменными величинами, динамическими факторами культуры. Глубинная структура – трудноразличимая часть, находящаяся внутри личности (сознание человека), которая относится к статическим факторам» [Phạm Đức Dương 2013: 145]. Внешние факторы в процессе трансформации постепенно проникают в глубинную структуру, пускай медленно, но тем не менее изменяя её вслед за собой.

В статье предпринята попытка, опираясь на приведённые выше теоретические позиции, комплексно и системно исследовать влияние Интернета на культурную трансформацию пользователей с учётом положительных и отрицательных аспектов этого процесса, внешнего и глубокого уровня воздействия, а также различных форм проявления изменений в поведении и сознании людей.

Развитие Интернета во Вьетнаме в настоящее время

Вьетнам официально подключился к Интернету 19 ноября 1997 г. Несмотря на то, что глобальная сеть появилась в стране относительно поздно, СРВ является «государством с динамичным Интернетом», с непрерывно растущим числом пользователей, входящим в десятку стран с наибольшим взаимодействием с сетью. Согласно докладу «Digital 2020: Global Digital Yearbook», подготовленному компанией «We are social»², к 1 января 2020 г. во Вьетнаме с населением 96,9 млн человек *число пользователей* Интернета составило 65 млн человек (67% всех жителей страны) [Báo cáo Digital 2020]. Согласно данным исследования, проведённого в декабре 2019 г., 94 % *пользователей* во Вьетнаме использовали Интернет *ежедневно*, при этом *средняя продолжительность активности*, связанной с сетью, составила до 6 ч. 42 мин. в день, в том числе в среднем 2 ч. 31 мин. тратилось на просмотр онлайн-трансляций и 1 ч. 11 мин. – на прослушивание музыки [Báo cáo Digital Marketing Viet Nam – 2019].

Для выхода в Интернет использовались различные виды *электронных устройств*, в том числе компьютеры (стационарные, ноутбуки, планшеты), мобильные телефоны и телевизоры с функцией подключения к Интернету.

В настоящее время подавляющее большинство (до 96 %) интернет-пользователей для выхода в сеть использует мобильные устройства [Báo cáo Digital Marketing Viet Nam–2019]. Согласно исследованию, основными целями использования сети являются поиск и

² Глобальная компания со штаб-квартирой в Англии, специализирующаяся на статистике и оценках в сфере Интернета, цифровых и мобильных технологий и смежных областях.

актуализация общественной информации (66,3 %), знакомство с новыми людьми, контакты с друзьями (60 %), поддержание связи между членами семьи (59 %), публикация и распространение информации (фотографии, видео, «статусы» и т.д.) среди других пользователей (54 %), развлечения (49,5 %), использование Сети в образовательных и рабочих целях (44,7 %), онлайн-покупки (30,7 %), поиск работы (21,7 %), онлайн-торговля (13,7 %) [Nguyễn Thị Lan Hương 2019: 45]. С 2019 г. Вьетнам является одной из немногих стран, которые могут производить оборудование на базе мобильных технологий 5G, а с 2020 началось широкое внедрение этих технологий по всей стране [Sẵn sàng công nghệ: 20.05.2020].

Влияние Интернета на культурную трансформацию пользователей

Положительное воздействие

Воздействие на поверхностном уровне

На внешнем уровне доступ к Сети и её постоянное использование приводят к изменениям, носящим характер внешних проявлений, которые касаются легко заметной наружной стороны личности пользователя. Эти изменения исключительно многообразны, поэтому в данной статье речь идёт лишь об основных, характеристика которых даётся ниже.

– Изменение способов поиска и распространения информации

Интернет значительно меняет способы поиска, верификации и распространения информации, при этом используется в учёбе и работе, а также для развлечения и отдыха. Согласно проведённому исследованию, до 95 % подростков и молодых людей для поиска информации используют Интернет, в том числе 55 % *на постоянной основе*, 40 % *время от времени*, и лишь 5 % никогда не использовали Сеть для этой цели [Nguyễn Thị Lan Hương 2019: 68]. Удобство поиска информации в сети коренным образом меняет стиль обучения и работы людей.

– Изменение модели потребления и потребительской культуры

Интернет существенно меняет традиционные привычки читать, слушать и смотреть, в результате чего появляются совершенно новые способы приобщения к культуре. Чтение напечатанной на бумаге книги заменяется электронными вариантами, чтением с экрана компьютера или иных электронных устройств, чтение горизонтальных строк – чтением сверху вниз [Nguyễn Thị Thu Trang 2018: 126]. Помимо чтения собственно произведения, читатель с помощью ссылок имеет возможность ознакомиться с дополнительной информацией, привязанной к основному тексту, в том числе об авторе, обстоятельствах возникновения сюжета, различного рода рецензиями и т.д. Это в корне отличается от традиционного чтения.

Существование в сети огромных хранилищ фильмов, музыкальных, художественных произведений и фотографий значительно изменяет пути восприятия и приобщения к культуре. Если раньше для соприкосновения с объектом творчества было необходимо идти в кино, театр, музей или на выставку, то сейчас это можно сделать, буквально не вставая с дивана. До наступления эпохи Интернета комментарии и рецензирование являлись в основном прерогативой профессиональных критиков, теоретиков литературы и искусства. Сейчас сам читатель имеет полное право быть участником этого процесса.

– Изменение способов культурного творчества

Интернет оказывает значительное влияние на способы создания творческих произведений, отношения между авторами, а также между произведением и публикой. Это наиболее ярко проявляется в интернет-литературе, которая вызревает, формируется и живёт исключительно в Сети. При этом читатели не только знакомятся с тем или иным текстом, но

и становятся его соавторами. Что касается других видов искусства, то обратная связь и взаимодействие с публикой, выражающиеся в количестве просмотров, «лайков» и «дизлайков», являются важным каналом измерения качества, степени воздействия произведения на аудиторию, а также отражают её реакцию на него.

– *Влияние на вкусы и эстетику в моде и кулинарии*

Виртуальный мир – это место, где быстрее всего происходит распространение новых мировых тенденций и течений, благодаря чему вьетнамские пользователи Сети имеют возможность знакомиться с самыми разнообразными модными стилями. Это позволяет им красиво и современно одеваться, чувствовать уверенность в общении и делах, особенно с иностранными партнёрами.

Помимо моды, вьетнамцы также привыкли к онлайн-сервисам в кулинарной сфере. Подобная модель распространяется и на вьетнамскую кухню: многие семьи отходят от привычки готовить дома, предпочитая покупать уже готовые продукты либо заказывать еду в ресторанах. В результате этого у вьетнамских женщин появляется больше свободного времени для отдыха и заботы о семье. Иностранные блюда влияют также на национальную кухню, делая её более разнообразной, повышая технику приготовления еды во Вьетнаме.

– *Изменение культуры общения и стиля работы*

Киберпространство глубоко изменяет культуру общения людей, включая непосредственное, транснациональное и международное общение. Появление форм «анонимного общения», «ролевого общения» повлекло за собой волну откровенности людей в Сети. На фоне «цифрового ритма жизни» сформировался динамичный и активный деловой стиль работы. Люди становятся более мобильными, дисциплинированными, пунктуальными и цивилизованными.

– *Влияние на изменение языка*

Интернет привёл к созданию новой разновидности языка, обычно обозначаемой как «сетевой язык», «язык эпохи @». Этот язык представляет собой совокупность «языка чатов», «языка тинэйджеров», «языков 9X», «молодёжного языка», является менее подверженным ограничениям по сравнению с нормативным языком. Именно поэтому он весьма разнообразен и наполнен «трансформациями» и креативностью [Vũ Anh Tú 2018: 155]. Появляются новые словарные, грамматические и синтаксические единицы, происходит заимствование иностранной научно-технической лексики. Всё это делает вьетнамский язык более гибким и способствует интеграции с остальным миром.

Воздействие на глубинном уровне

Это воздействие на элементы, находящиеся в глубоких слоях культуры, таких как восприятие, мышление, сознание. Эти материи меняются медленнее по сравнению с элементами, находящимися на поверхности, но их изменение может повлечь трансформацию культурных традиций и самобытности.

– *Стимулирование процесса индивидуализации, поощрение раскрытия личных талантов*

В сетевой среде люди имеют максимальные возможности для самопознания и самореализации, развития своих сильных качеств и креативности. Каждый имеет равное право на раскрытие собственного «я», личных талантов, свободы мысли и свободы деятельности. Подобным инициативам не страшна критика, осуждение или запреты, они быстро распространяются, доступны для широкого поиска и быстро завоёвывают признание аудитории.

Имена многих молодых писателей, певцов, музыкантов, художников, фотографов и кинематографистов впервые были открыты в Интернете [Tù Thị Loan 2019: 191]. Это стимулирует развитие и диверсификацию вьетнамской литературы и искусства.

– *Демократизация и стимулирование гражданского сознания*

На сайтах и форумах каждый может выражать своё мнение по широкому спектру тем – от масштабных государственных проблем до малозначимых жизненных ситуаций. Публичные, демократические дискуссии в киберпространстве стимулируют пользователей к проявлению свободы слова и развитию гражданского самосознания.

– *Повышение социального равноправия*

Сетевая среда во многом способствует сокращению неравенства между мужчинами и женщинами, родителями и детьми, богатыми и бедными, людьми различных социальных групп, титульной нацией и этническими меньшинствами, между собственно вьетнамцами и народами других государств. В частности, создаются благоприятные условия для того, чтобы был услышан голос различного рода меньшинств и самых слабозащищённых групп населения [Tù Thị Loan 2018a: 9].

– *Содействие восприятию внешних культурных различий*

Широкие контакты и культурное взаимодействие в сетевой среде улучшают интеграционные способности людей, взаимопонимание и солидарность между различными культурами, сближают сообщества, народы и отдельные группы людей, сглаживают культурные различия, что способствует положительным изменениям в сознании, мышлении и образе жизни.

Негативное воздействие

Воздействие на внешнем уровне

– *Пустая трата времени, воздействие на образ жизни, здоровье и психику*

Погружение в глобальную сеть в любом месте, в любое время также оказывает и негативное воздействие на жизнь пользователя. Если на протяжении всего дня «питаться» одним лишь Facebook, «спать» в YouTube, просматривать веб-сайты, постоянно находиться «online», пользователь рискует заболеть «интернет-зависимостью», наиболее типичным проявлением которой является зависимость от социальных сетей и онлайн-игр, что негативно сказывается на здоровье, продуктивности работы и учёбы. Согласно результатам одного из исследований, 91,7 % респондентов полагают, что в результате интернет-зависимости развивается чрезмерное пристрастие к Сети, забрасываются работа и учёба (в том числе 22,4 % опрошенных полностью согласны с этим утверждением, 69,3 % согласны частично) и лишь 8,3 % не согласны с этим [Nguyễn Thị Thu Trang 2018a: 153]. Лёгкая степень зависимости проявляется в виде потери контроля над временем, пренебрежения необходимостью приёма пищи, сна, отдыха. Такие люди обычно легко раздражаются, впадают в состояние беспричинного гнева, напряжённости или тревожности в случае, если по какой-либо причине не могут выйти в сеть. В тяжёлых случаях зависимость приводит к психическим расстройствам, депрессии, бреду, шизофрении и другим расстройствам [Tù Thị Loan 2018b: 26].

– *Усиление тенденции придания значимости форме, повышение престижа внешнего вида*

Образ жизни напоказ, погоня за модой способствуют тому, что становится всё заметнее тенденция повышения значимости формы, внешнего вида. Многие молодые люди, несмотря на то, что не располагают высокими доходами, для «подтверждения статусности» стремятся

покупать дорогостоящую «брендовую», модную одежду и электронику – смартфоны, ноутбуки, планшеты. Психология представителей молодого поколения заключается в поиске способов всегда стремиться к новому, следовать за модой. Однако в условиях невозможности получить желаемое, а также при недостаточной самобытности личности молодые люди легко впадают в состояние «эстетического расстройства» и «взрыва норм», которое выражается в следовании эксцентричной, уродливой, противоречащей социальным нормам моде.

– *Негативное влияние на язык*

«Креативность» используемого в Сети языка не ограничивается задачей подчеркнуть «необычность», непохожесть на других, «уникальность» группы «жителей Сети», но наносит серьёзный вред структуре вьетнамского языка, в том числе фонетике, орфографии, лексике, грамматике и языковой чистоте в целом [Vũ Anh Tú 2018: 158]. Это не только влияет на обиходный язык и стиль общения в Интернете, но и широко распространяется на всё общество и в долгосрочной перспективе может привести к самым непредсказуемым последствиям для национального языка.

Воздействие на глубинном уровне

– *Возвышение «я» приводит к негативным представлениям о ценности личности*

Чрезмерный акцент на личной свободе в киберпространстве способствует усилению тенденции к преувеличению значимости собственного «я», что негативным образом отражается на «самосознании личности». Многие люди, прежде всего молодёжь, в интернет-пространстве становятся всё более честолюбивыми, опрометчивыми и легкомысленными. Они превращают научно-технологические достижения в инструмент самовыражения, с помощью которого пытаются доказать «индивидуальность» и «уровень» собственного «я», придать блеск репутации и удовлетворить жажду «сияния иллюзии». Получает всё большее распространение феномен мгновенного распространения в Сети «горячих» фотографий, создание скандалов, проведение прямых трансляций (livestream), изготовление видеороликов вульгарного, эротического содержания либо с элементами насилия, криминалом и оскорблениями и т.п. Синдром «одержимости сетью», «клавиатурного героя» становится разновидностью вирусного заболевания и стремительно заражает вьетнамскую молодёжь [Tù Thị Loan 2019: 205].

– *Формирование проявлений «искажения стандартов», бескультурного поведения*

Под влиянием веб-сайтов, содержащих различного рода «чернуху», порнографию, секс-чаты, рекламу интимных услуг, происходит «искажение стандартов» и формирование контркультурных течений, таких как «охота за овощами», «охота за телами», «групповой секс», «мобильный рынок любви» и множество других проявления бескультурного поведения. Слово «овощи» в данном контексте означает разновидность развлечения с участием девушек, готовых к «любви» с незнакомцем на одну ночь без каких-либо условий [Tù Thị Loan 2017: 198]. «Охота за телами» – сетевое сообщество, публикующее в Сети для всеобщего обозрения и комментариев фотографии трупов, убийств и сцен насилия. Недавние исследования о сетевых средствах массовой информации предложили концепцию хулиганства в Сети (Internet hooligan) для того, чтобы охарактеризовать тех, кто рассматривает Интернет в качестве оружия, способного причинить вред оппоненту, при этом используя псевдоним либо блог, в котором пишутся оскорбительные комментарии, порочащие других людей [Tù Thị Loan 2017: 214]. Всё более заметной становится также тенденция подражания насильственным действиям, проявляющаяся в онлайн-играх, остросюжетных фильмах и романах в жанре «восточное боевое фэнтези». В реальной жизни мы видим, что значительная часть жестоких и

хорошо спланированных преступлений совершается подростками и молодыми людьми, которые так или иначе знакомы с онлайн-играми и боевиками, просмотренными в Сети.

– *Негативное влияние на вкус, эстетику, способность воспринимать искусство*

В современной сетевой среде раскрученные романы, кассовые фильмы, сентиментальные песни привлекают гораздо больший интерес со стороны широкой аудитории, чем высокохудожественные произведения и программы с выдающейся режиссурой, создаваемые признанными деятелями литературы и искусства. Качество подобной «сентиментальной» продукции связано со всё более заметными дурновкусием, тривиальностью и непритязательностью. В кинематографе самыми кассовыми обычно становятся фильмы, максимально эксплуатирующие триаду: шок, секс и сентиментальность [Tư Thị Loan 2019: 210]. Благодаря новым технологиям, многие музыканты-дилетанты, «ярмарочные виртуозы», опираясь на технические возможности звукового оборудования и соответствующее программное обеспечение, выдают крайне низкопробную продукцию, в том числе не поддающиеся никакой критике музыкальные «клипы». Всё это ведёт к формированию у аудитории посредственного, невзыскательного художественного вкуса и искажённых представлений о подлинности, добре и красоте.

– *Снижение способности взаимодействовать с реальностью, ослабление социальных связей*

Когда жизни в виртуальном пространстве отдаётся большая часть времени, многие пользователи склонны к минимизации живого общения. Погружение в киберреальность приводит к нарастанию «цифровой дистанции» в обществе – разрыву между поколениями, между индивидуумом и семьёй, школой и обществом. Глубоко погружаясь в виртуальный мир, пользователь в долгосрочной перспективе изолирует себя от жизни. Возможно, именно это приводит к одиночеству и отсутствию чувства счастья у значительного числа современных подростков и молодых людей и, с другой стороны, является одной из причин их безразличного и безответственного отношения к социальным проблемам.

– *Культивирование зарубежных трендов, отрыв от национальной самобытности*

В интернет-пространстве у пользователей имеются условия и средства для широкого восприятия потоков иностранной культуры. Если у человека слабый характер и недостаточно сил для сопротивления, то, попадая в мультикультурную среду, он легко может испытать культурный шок. У пользователя возникает интерес и чувство увлечённости, но вместе с тем он с лёгкостью может «утонуть» в этом культурном «море». Чуждая психология может также привести к идее преклонения и чрезмерного пристрастия ко всему иностранному наряду с умалением и пренебрежением традиционными культурными ценностями своего народа.

Характеристика влияния Интернета на пользователей во Вьетнаме

Воздействие Интернета на вьетнамцев схоже с воздействием на жителей других стран. Однако масштаб, степень и характер этого воздействия зависит от исторических, экономических, культурных и социальных особенностей Вьетнама. Основные отличия состоят в следующем:

во-первых, по сравнению со многими странами мира Глобальная сеть оказывает на вьетнамских пользователей более сильное и прямое влияние. Это связано с недостаточным уровнем управления Интернетом. В отличие от США, Великобритании, Франции, России, а также соседей по региону, таких как Китай, Южная Корея, Япония, Сингапур, Вьетнам входит в число стран с самым слабым управлением Сетью.

В Китае, помимо правовых мер, используются такие технические средства, как «Великая огненная стена» и «Золотой щит» [Quản lý nhà nước, 10.05.2020]. В США Конгресс принимает множество законов, и имеются специализированные учреждения для защиты информации компаний и частных лиц. Южная Корея, которая является одним из мировых лидеров по использованию смартфонов, социальных сетей и производству онлайн-игр [Vị sao E-sport, 15.05.2020], вводит строгие ограничения для пользователей Интернетом. В России управляющие органы быстро и жестко пресекают нарушения в Сети.

Во Вьетнаме же управление Интернетом все еще очень слабо и не имеет четкой структуры, что проявляется как в построении правовой системы, так и в практике управления. Согласно результатам опроса, 83,9 % людей оценивают управление Интернетом во Вьетнаме как *плохое*, 14 % как *хорошее* и только 2,1 % как *очень хорошее* [Từ Thị Loan 2019: 349];

во-вторых, влияние Глобальной сети на вьетнамских пользователей растет из-за расширения их возрастного диапазона. С облегчением доступа к Интернету и удешевлением мобильных устройств пользование сетью расширяется, захватывая не только учащихся начальной школы, но даже детей и пенсионеров. Слишком юный, а также слишком преклонный возраст вызывает быстрое привыкание к Сети и чрезмерное увлечение новыми интересными темами и контентом в Интернете;

в-третьих, Интернет так легко и непредсказуемо влияет на вьетнамских пользователей из-за общего низкого образовательного уровня. Во Вьетнаме, бедной стране с низким уровнем дохода, еще очень ощутимо наследие отсталого аграрного общества, поэтому при соприкосновении с цивилизованным миром и мультикультурной средой в Интернете многие вьетнамские пользователи не находят в себе достаточно сил и возможностей для сопротивления, испытывают «культурный шок», теряют свою индивидуальность, легко подвергаются негативному воздействию;

в-четвертых, характер воздействия Интернета на вьетнамских пользователей сложен и двойственен. Это связано с особенностями истории Вьетнама. После войны с США и объединения страны в 1975 г. значительная часть южновьетнамцев эмигрировала в США и другие страны, культивируя ненависть и рознь между «антикоммунистическим» сообществом за рубежом и живущими на родине. Интернет стал для них эффективным инструментом для распространения идей и политических взглядов, пропаганды преимуществ западных стран, а также для подстрекательств к борьбе с вьетнамским государством.

Заключение

В ближайшие годы Интернет во Вьетнаме будет продолжать быстрый и интенсивный рост. Согласно отчету Глобального бизнес-центра – Школы Флетчера при Университете Тафтса (США), Вьетнам имеет хорошие показатели, занимая 22-е место между Сингапуром и Великобританией в группе стран с быстрым ростом числа пользователей Интернета и увеличением времени пребывания в Сети [Việt Nam nằm ở đâu: 17.05.2020].

Глобальная сеть оказывает существенное влияние на культурную трансформацию пользователей в стране. Это воздействие всегда имеет двойственный характер, несёт в себе как хорошее, так и плохое, в зависимости от внутренней силы каждого субъекта, воли пользователя Сети. Поэтому, полагаясь на самосознание своих граждан, государство все же должно применять эффективные решения, позволяющие использовать преимущества и способствовать положительному воздействию Интернета, минимизируя его негативное влияние. Из приведенного выше анализа ясно, что эти решения должны быть комбинированными, сочетающими различные возможности государственного управления:

административными (консолидация аппарата управления, определение процедур и строгих стандартов выдачи разрешений), юридическими (проверка, экспертиза, наказание), техническими (использование технологий для контроля), пропагандистскими и образовательными (повышение осведомленности, обучение умению взаимодействовать с Сетью) и т. д.

В ближайшие годы развитие Четвёртой промышленной революции с Интернетом вещей (Internet of Things) шире распахнёт новые горизонты с ещё большими возможностями и вызовами. Влияние Глобальной сети на развитие вьетнамской культуры и граждан страны станет более сильным и трудно предсказуемым. Именно поэтому исследовательская и прогностическая работа в целях выработки адекватной политики и своевременных мер реагирования на происходящие изменения является исключительно важной и необходимой.

Список литературы

Ashby Sam, Abbas Basel, Abu Rahme Ruanna, Troemel Brad (2018). You Are Here: Art After the Internet. HOME and Space.

Báo cáo Digital 2020 toàn cầu (Всемирный доклад о цифровой экономике 2020 г.). URL: <https://webviptop.com/bao-cao-digital-2020-toan-cau/> (дата обращения: 27.04.2020).

Báo cáo Digital Marketing Việt Nam năm 2019 (Доклад о цифровом маркетинге Вьетнама 2019 г.). URL: <https://andrews.edu.vn/bao-cao-digital-marketing-viet-nam-2019> (дата обращения: 20.04.2020).

Bùi Hoài Sơn. Ảnh hưởng của Internet đối với thanh niên Hà Nội (Буй Хоай Шон. Влияние Интернета на молодёжь Ханоя). Hà Nội: Nxb. Khoa học Xã hội, 2006.

Bùi Hoài Sơn. Phương tiện truyền thông mới và những thay đổi văn hóa - xã hội ở Việt Nam (Буй Хоай Шон. Новые медиа и социокультурные изменения во Вьетнаме). Hà Nội: Nxb. Khoa học Xã hội, 2008.

Miles Steven. Youth lifestyles in a changing world. Buckingham: Open University Press, 2000.

Nguyễn Quý Thanh. Internet – Sinh viên – Lối sống: Nghiên cứu xã hội học về phương tiện truyền thông kiểu mới (Нгуен Куи Тхань. Интернет – студенты – образ жизни: социологическое исследование новых типов медиа). Hà Nội: Nxb Đại học Quốc gia, 2011.

Nguyễn Thị Lan Hương chủ biên. Mạng xã hội và lối sống thanh, thiếu niên (Социальные сети и образ жизни молодёжи / ред. Нгуен Тхи Лан Хыонг). Hà Nội: Nxb. Khoa học Xã hội, 2019.

Nguyễn Thị Minh Phương, Nguyễn Thái Quỳnh Chi. Nghiên cứu ảnh hưởng của Internet đến trẻ em (qua nghiên cứu trường hợp tại Hà Nội, Việt Nam) [Нгуен Тхи Минь Фыонг, Нгуен Тхай Куинь Ти. Исследование влияния Интернета на детей (на примере города Ханоя)]. Đề tài nghiên cứu khoa học cấp Viện. Viện Xã hội học, Viện Hàn lâm Khoa học Việt Nam, 2001.

Nguyễn Thị Phương Châu. Internet: Mạng lưới xã hội và sự thể hiện bản sắc (Нгуен Тхи Фыонг Тям. Интернет: социальные сети и выражение индивидуальности). Hà Nội: Nxb Khoa học Xã hội, 2013.

Nguyễn Thị Thu Trang. Tác động của văn học mạng, nghệ thuật trên mạng đối với cộng đồng mạng ở Việt Nam hiện nay (Влияние литературы и искусства в сети на сетевое сообщество во Вьетнаме в настоящее время). Đề tài khoa học cấp Bộ, Bộ Văn hóa, Thể thao và Du lịch. Hà Nội, 2018.

Phạm Đức Dương. Từ văn hóa đến văn hóa học (Фам Дык Зыонг. От культуры к культурологии). Hà Nội: Nxb. Văn hóa – Thông tin, 2013.

Quản lý nhà nước về báo chí điện tử ở một số nước và những gợi mở cho Việt Nam (Государственное управление электронными СМИ в ряде стран и предложения для Вьетнама). URL: <http://tapchicongthuong.vn/bai-viet/quan-ly-nha-nuoc-ve-bao-chi-bao-chi-dien-tu-o-mot-so-nuoc-va-nhung-goi-mo-cho-viet-nam-58295.htm> (дата обращения: 10.05.2020).

Sẵn sàng công nghệ, thiết bị và thương mại hóa 5G (Готовность технологий и оборудования к коммерциализации 5G). URL: <https://mic.gov.vn/Pages/TinTuc/140597/San-sang-cong-nghe--thiet-bi-va-thuong-mai-hoa-5G.html> (дата обращения: 20.05.2020).

Shield R. Cultures of Internet: Virtual Spaces, Real Histories, Living Bodies. London: Sage Publications, 1996.

Từ Thị Loan. Các loại hình giải trí trên phương tiện truyền thông mới tác động đến lối sống (*Ты Тхи Лоан.* Влияние различных видов развлечений в новых медиа на образ жизни). Hà Nội: Nxb. Văn hóa Dân tộc, 2017.

Từ Thị Loan. Tác động của các phương tiện truyền thông mới đến văn hóa Việt Nam // Tạp chí Văn hóa học (*Ты Тхи Лоан.* Влияние новых медиа на вьетнамскую культуру // Культурология), № 5 (39), 2018a.

Từ Thị Loan. Tác động của phương tiện truyền thông mới đến con người Việt Nam hiện nay // Tạp chí Văn hóa Nghệ thuật (*Ты Тхи Лоан.* Влияние новых медиа на современных вьетнамцев // Культура и искусство), № 413, 2018b.

Từ Thị Loan chủ biên. Internet và sự tác động đến văn hóa Việt Nam (Интернет и его влияние на культуру Вьетнама / ред. ТыТхи Лоан). Hà Nội: Nxb. Văn hóa Dân tộc, 2019.

Vì sao E-sport ở Hàn Quốc phát triển không đâu sánh bằng (Чем вызвано беспрецедентное развитие киберспорта в Южной Корее). URL: <https://zingnews.vn/vi-sao-esports-o-han-quoc-phat-trien-khong-dau-sanh-bang-post982076.html> (дата обращения: 15.05.2020).

Việt Nam nằm ở đâu trên bản đồ kinh tế số toàn cầu (Место Вьетнама на мировой карте цифровой экономики). URL: <https://nhipcaudautu.vn/xe-cong-nghe/ict/viet-nam-nam-o-dau-tren-ban-do-kinh-te-so-toan-cau-3319783> (дата обращения 17.05.2020).

Vũ Anh Tú. Giữ gìn sự trong sáng của tiếng Việt trên các phương tiện truyền thông mới (Сохранить чистоту вьетнамского языка в новых СМИ). Đề tài khoa học cấp Bộ, Bộ Văn hóa, Thể thao và Du lịch. Hà Nội, 2018.

Wallace Patricia M. The psychology of the Internet. Cambridge University Press, 2015.

Youguo Duan. Study on Metaphors in Chinese Cyber Language // Journal of Education, Society and Behavioural Science, UK, 2018.

Для цитирования: *Ты Тхи Лоан.* Влияние Интернета на культурную трансформацию современных пользователей Сети во Вьетнаме // Вьетнамские исследования, сер. 2, 2020, № 2. С. 69–79

Автор:

Ты Тхи Лоан, доктор, профессор, Вьетнамский государственный институт культуры и искусств. ORCID: 0000-0002-7839-6696. E-mail: tuthiloanh@yahoo.com

Продвижение статьи:

Дата поступления: 2.12.2019

Дата поступления в переработанном виде: 29.04.2020

Принята к печати: 28.05.2020

For citation: *Tu Thi Loan* (2020). The impact of the Internet on the cultural transformation of modern network users in Vietnam. Russian Journal of Vietnamese Studies, series 2, No.2. P. 69–79

Author:

Từ Thị Loan, PhD, Professor, Vietnam National Institute of Culture and Arts Studies. ORCID: 0000-0002-7839-6696. E-mail: tuthiloanh@yahoo.com

Article history:

Received: December 2, 2019

Received in revised form: April 29, 2020

Accepted: May 28, 2020

ФИЛОЛОГИЯ

DOI: 10.24411/2618-9453-2020-10018

Е.И. Тюменева, Н.Ф. Соколова

ХАРАКТЕРИСТИКА СЛОВАРНОГО СОСТАВА ИСКОННОЙ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ВЬЕТНАМСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация: В статье исследуется словарный состав исконной лексической системы вьетнамского языка. В исконной лексической системе выделены односложные, простые (многосложные) и сложные слова. Односложные слова состоят из одной морфемы и относятся к древнейшему слою вьетнамской лексики. Выявлено, что многосложные слова подразделяются на две группы: созданные путём удвоения и образованные способом словосложения. Рассмотрены мотивированные и немотивированные повторы, которые могут быть абсолютными и дивергентными. Отмечено, что в отличие от индоевропейских слов вьетнамское сложное слово обладает идиоматичностью. Показан механизм образования вьетнамских сложных слов. Теоретическими основами исследования являются идеи, заложенные в работах по изучению китайского языка и языков Юго-Восточной Азии. За методологическую основу исследования взяты общие методы лингвистических исследований.

Ключевые слова: исконная лексическая система, словообразование, удвоение, словосложение, мотивированные и немотивированные повторы.

E.I. Tyumeneva, N.F. Sokolova

CHARACTERISTICS OF THE VOCABULARY OF THE NATIVE LEXICAL SYSTEM OF THE VIETNAMESE LANGUAGE

Abstract. The article discusses the vocabulary of the native lexical system of the Vietnamese language. The study deals with monosyllabic, polysyllabic (simple) and compound words of the native lexical system. Monosyllabic words consist of one syllable and belong to the most ancient layer of the Vietnamese lexis. It is noted that polysyllabic words are divided into two groups: words formed through reduplication and those made with composition. The article examines motivated and non-motivated repetitions, which may be absolute and divergent. It is noticed that Vietnamese compound words unlike Indo-European words are idiomatic by nature. The formation mechanism of Vietnamese compound words is shown. The theoretical framework of the research consists of the ideas that were laid out in scholarly works on the Chinese language and the languages of Southeast Asia. The methodological framework of the research is based on general methods of linguistic studies.

Keywords: native lexical system, word formation, reduplication, word-composition, compound words, motivated and non-motivated repetitions.

Введение

Основной функциональной единицей языка считается слово. В исконной лексической системе вьетнамского языка выделяют односложные, простые (многосложные) и сложные слова. Односложные слова состоят из одной морфемы и относятся к древнейшему слою

вьетнамской лексики. К простым словам, которые состоят из двух, а иногда и из большего количества компонентов, относятся слова, не членившиеся на морфемы (в словарной форме). Сложные слова исконной лексической системы вьетнамского языка, как правило, состоят из компонентов, совпадающих с односложными словами. Исконная система почти не порождает связанных лексических морфем, а свободные морфемы функционируют и как простые одноморфемные слова, и как компоненты многосложных устойчивых номинативных единиц, регулярно воспроизводимых в речи, и как компоненты номинативных единиц, свободно образуемых в речи с помощью транспонирующих элементов.

Актуальность исследования определяется необходимостью, *во-первых*, формирования единого подхода к проблеме морфологического устройства вьетнамского слова, а *во-вторых*, уточнения критериев отнесения слова к исконным или заимствованным. Новизна исследования заключается в применении терминов «односложное слово», «простое слово» и «сложное слово» для описания исконной лексической системы вьетнамского языка в целях дальнейшего изучения вьетнамской лексики.

Материалами исследования послужили двуязычные вьетнамско-русские и толковые словари [Новый большой вьетнамско-русский словарь, т.1,2, 2012; Тюменева 2006; Vũ Xuân Thái 1999; Từ điển tiếng Việt 1988]. Теоретическими основами исследования являются идеи, заложенные в работах по теории изолирующих языков [Солнцев 1995; Быстров, Нгуен Тай Кан, Станкевич 1975] и получившие развитие в современных работах по вьетнамской лексикологии [Андреева 2010; Андреева 2014; Мишукова: 26.04.2019; Чан Тхи Нгок Минь 2015; Nguyễn Thiện Giáp 2002, 2018; Đỗ Hữu Châu 2019]. За методологическую основу исследования были взяты общие методы лингвистических исследований.

Описывая исконную лексическую систему вьетнамского языка, мы выделяем в ней односложные, простые (многосложные) и сложные слова.

Односложные слова состоят из одной морфемы и в подавляющем большинстве относятся к древнейшему слою вьетнамской лексики. Среди них имеется некоторое количество слов, восходящих к китайскому языку, которые в большинстве своём вошли во вьетнамский язык в древние времена посредством устных контактов, резко усилившихся после захвата Вьетнама китайскими феодалами во II в. до н.э. По своему функционированию они не отличаются от исконных вьетнамских слов (đầu – «голова», buồng – «парус», cao – «высокий», ngu – «глупый»).

Односложные слова представлены во всех частях речи, в большинстве своём в существительных, глаголах и прилагательных.

Имена существительные:

1. Наименования частей человеческого тела и тела животных: mặt – «лицо», mũi – «нос», miệng – «рот», mắt – «глаз», cằm – «подбородок», tóc – «волосы», đùi – «бедро», răng – «зуб», lưỡi – «язык», đuôi – «хвост», sừng – «рог», vây – «плавник» и т.п.

2. Термины родства: mẹ, má – «мать», cha, bố, bá – «отец», anh – «старший брат», chị – «старшая сестра», con – «ребёнок», cháu – «племянник, внук», cháu – «правнук», ông – «дед», bà – «бабка», chồng – «муж», vợ – «жена» и т.п.

3. Названия полезных ископаемых: vàng – «золото», bạc – «серебро», sắt – «железо», đồng – «медь», thiếc – «олово», kẽm – «цинк», muối – «соль», cát – «песок», than – «уголь» и т.п.

4. Названия явлений природы: *đất* – «земля», *nước* – «вода», *trời* – «небо», *núi* – «гора», *đồi* – «холм», *gò* – «пригорок», *sông* – «река», *hồ* – «озеро», *biển* – «море», *bão* – «тайфун», *lụt* – «наводнение», *hạn* – «засуха», *gió* – «ветер», *sấm, sét* – «гром», *chớp* – «молния», *sương* – «роса», *đá* – «камень», *rừng* – «лес» и т.п.

5. Названия диких и домашних животных, птиц, рыб, насекомых: *bò* – «корова», *trâu* – «буйвол», *ngựa* – «лошадь», *chó* – «собака», *mèo* – «кошка», *chuột* – «крыса», *lợn* – «свинья», *hổ* – «тигр», *gấu* – «медведь», *sáo* – «лиса», *gà* – «курица», *vịt* – «утка», *ong* – «пчела», *ruồi* – «муха», *muỗi* – «комар», *lươn* – «угорь», *chép* – «карп» и т.п.

6. Наименования орудий и предметов труда: *búa* – «молоток», *rìu* – «топор», *dao* – «нож», *liềm* – «серп», *lưới* – «невод».

Глаголы:

Глаголы, обозначающие конкретные и абстрактные понятия: *đi* – «ходить, передвигаться», *bay* – «летать», *ngủ* – «спать», *ăn* – «есть», *rửa* – «мыть», *cắt* – «резать», *viết* – «писать», *đọc* – «читать», *muốn* – «хотеть», *sống* – «жить», *chết* – «умереть», *ghét* – «ненавидеть» и т.п.

Прилагательные: *tốt* – «хороший», *xấu* – «плохой», *dữ* – «злой», *trẻ* – «молодой», *già* – «старый», *cao* – «высокий», *thấp* – «низкий», *mù* – «слепой», *câm* – «немой», *đỏ* – «красный», *sâu* – «глубокий», *ướt* – «мокрый», *dài* – «длинный», *cứng* – «твёрдый», *phải* – «правый», *yếu* – «слабый», *mạnh* – «сильный».

Относясь к базовой лексике вьетнамского языка, односложные слова редко переходят на положение архаизмов. Запас односложных слов пополняется как за счёт полной вьетнамизации ханвьетских морфем (*hàm* – мат. «функция», *tổng* – мат. «сумма»), так и за счёт фонетических заимствований (*xút* – «сода», *ga* – «газ», *gam* – «грамм», *cốc* – «кокс», *vôn* – «вольт»).

Вне контекста односложное слово не содержит никаких формальных указаний на его категориальную принадлежность, однако в речи имена легко отличаются от предикативов по целому ряду дистрибутивных признаков, их характеризующих.

В современном вьетнамском языке численно преобладают слова, состоящие из двух и более морфем. Если же учесть функциональные (речевые) слова, образуемые в речи с помощью транспозиторов, то следует отметить, что такие слова оказываются абсолютно преобладающими. Например, с помощью субстантиватора *sự* можно образовать отглагольные существительные от многих односложных и двусложных глаголов.

В исконной вьетнамской лексике мы выделили две больших группы слов, состоящих преимущественно из двух морфем.

Одна группа – простые слова. Под понятием «простое слово» мы понимаем многосложное слово, не членившееся на морфемы (в словарной форме). Такие слова по способу образования подразделяются на слова, созданные способом удвоения, и слова, образованные способом словосложения.

В слова, созданные способом удвоения, входят слова-повторы с обусловленной фонетической связью между компонентами. Они могут быть немотивированными и мотивированными.

Немотивированные повторы относятся к воспроизводимой лексике и могут быть квалифицированы как простые одноморфемные слова. Эта часть исконной вьетнамской лексики делится на полные и частичные повторы.

Полные повторы могут быть абсолютными и дивергентными.

Абсолютно полные: ba ba – зоол. «чёрная черепаха», đa đa – зоол. «лесная куропатка», oeo eo – «плакать» (о младенце), lâng lâng – «чувствовать себя легко» (lòng lâng lâng – «легко на душе»).

Дивергентные: đu đủ – бот. «папайя», vắn vắn – «яркий» (о Луне), nặng nề – «упрямо, настырно».

Частичные повторы подразделяются на инициальные и рифмованные.

Инициальные: nấp nấp – зоол. «ночная бабочка», thủ thủ – «шептать», tóp tép – «чавкать», mênh mênh – «бескрайний».

Рифмованные: đười ươi – биол. «орангутанг», thằn lằn – зоол. «ящерица», thực được – бот. «георгин», bụi nhùi – «трут, фитиль», bơ vơ – «одиноким, сиротливый», bát ngát – «бескрайний», thờ ơ – «относиться безразлично, проявлять равнодушие», sụt sùi – «плакать навзрыд».

Из приведённых примеров следует, что в данной подгруппе существуют как повторы-имена, так и повторы-предикативы.

Мотивированные повторы в большинстве своём также относятся к исконной лексике и поддаются учёту, так как их насчитывается несколько сотен. С помощью приёма удвоения достигается модификация слова-повтора по сравнению со значением исходного элемента, который может быть и словом, и морфемой. В одних случаях повтор отличается от исходного элемента наличием определённого грамматического значения (например, значения собирательности), в других – повтор относится к исходному элементу как идиографический либо стилистический синоним. Нередко значения исходного элемента и повтора расходятся настолько, что обе лексические единицы не могут быть отнесены к одному синонимическому ряду, хотя их категориальная принадлежность одинакова.

Мотивированные повторы также подразделяются на полные и частичные. Полные, в свою очередь, делятся на абсолютно полные и дивергентные, а частичные – на инициальные и рифмованные.

Абсолютно полные: bùng bùng – «пылать, полыхать», dòng dòng – «ручьями, струями, обильно».

Дивергентные: bướm bướm – зоол. «бабочка», châu chấu – зоол. «саранча», sừng sừng – «торчать, громоздиться», trố trố – «установиться, вылупить глаза», cón con – «крошечный», mảy may – «чуть-чуть».

Инициальные: khách khứa – «гости, посетители» (khách – «гость»), bạn bè – «друзья» (bạn – «друг»), giặc giã – «враги» (giặc – «враг»), làm lụng – «работать, заниматься делом» (làm – «делать»), nghĩ ngợi – «размышлять» (nghĩ – «думать»), giặt giũ – «заниматься стиркой» (giặt – «стирать»), dễ dãi – «лёгкий, покладистый», dễ dàng – «лёгкий, незатруднительный» (dễ – «лёгкий»), lạnh lẽo – «холодный, равнодушный», lạnh lùng – «холодный» (lạnh – «холодный»).

Рифмованные: thầu dầu – бот. «клещевина» (dầu – «масло»), kể lể – «бубнить» (kể – «рассказывать»), mảnh khảnh – «щуплый» (mảnh – «щуплый»).

В составе каждого конкретного повтора редупликатор обладает специфическим значением, отличающим значение редулицированной единицы от значения редуликанта. Однако конкретизировать значение каждого уникального редуликанта невозможно, хотя новое лексическое значение появляется у повтора именно за счёт присутствия редуликанта. Вё из bạn bè – «друзья», khứa из khách khứa – «гости, посетители», giã из giặc giã – «враги» не

имеют значения собирательности. Это значение появляется не за счёт того, что его носителем является редупликатор, а за счёт самого приёма удвоения. Мотивированные повторы не могут быть отнесены к простым словам, так как редупликатор участвует в создании нового лексического значения. Они также не могут быть отнесены и к производным словам в силу отсутствия у них чётко выраженного деривационного значения, основанного на словообразовательном типе. К исключениям можно отнести группу повторов-существительных со значением собирательности и повторов-глаголов, отличающихся от редупликантов значением непереходности (*lầm lụng* – «работать, заниматься делом»).

Простые слова, созданные способом словосложения – это многосложные слова с необусловленной связью между компонентами, которые, в свою очередь, представлены словами, целиком состоящими из неэтимологизируемых компонентов и словами с одним десемантизированным компонентом.

К словам с одним десемантизированным компонентом относятся слова типа *vườn tược* – «сады, огороды», *đường sá* – «дороги», *chợ búa* – «рынки», *ấm cúng* – «уютный», *già nua* – «дряхлый», *bẩn thỉu* – «грязный». Такие лексические единицы восходят к «бывшим» тавтологическим сложным словам – разновидности копулятивных сложных слов, состоящих из именных, глагольных или качественных компонентов с синонимичным либо близким значением. Причём ныне утратившие вещественное значение компоненты восходят либо к мыонгскому языку, либо к диалектам вьетнамского языка. «Бывшие» тавтологические существительные обычно обладают значением собирательности, которое исторически возникло за счёт сложения двух слов-синонимов и продолжает сохраняться как бы «по инерции» уже после того, как один из компонентов подвергся десемантизации в общенациональном языке: *đường sá* «пути-дороги» (*đường* «дорога» + *sá*, восходящее к «улочка, тупик» в мыонгском языке), *chợ búa* «рынки» (*chợ* «рынок» + *búa* «рыночек» в южном диалекте), *xe cộ* «транспортные средства» (*xe* «повозка, машина» + *cộ* «волокуша» в южном диалекте).

Явление десемантизации одного из компонентов встречается в бывших копулятивных словах, а также в словах с комплетивной связью между компонентами типа *đỏ lòm* «ярко красный», *chua lòm* «очень кислый», где второй компонент *lò* в результате частичной десемантизации стал морфемой-характеристикой.

Простые слова с двумя неэтимологизируемыми компонентами во вьетнамском языке немногочисленны. К ним относятся, в частности, *bồ hóng* – «копоть, сажа», *bù nhìn* – «марионетка», *mặc cả* – «торговаться». До Хыу Тяу отмечает, что с точки зрения происхождения эти слова трудно отнести к простым. Он полагает, что ранее они, возможно, были сложными, но впоследствии их компоненты десемантизировались. Например, *bù* в слове *bù nhìn* значило *con* («ребёнок»); *cả* в слове *mặc cả* – *giá* («цена») [Đỗ Hữu Châu 2019: 40–41]. Но большинство лингвистов признаёт, что происхождение этих слов неизвестно.

По мнению До Хыу Тяу, большинство простых слов с неэтимологизируемыми компонентами относятся к заимствованиям из индоевропейских языков: *cà phê*, *a-pa-tít*, *ô tô* [Đỗ Hữu Châu 2019: 41].

Понятие сложного слова, выработанное на материале индоевропейских языков, применимо к вьетнамскому языку с большими оговорками.

Вьетнамское сложное слово исконной лексической системы характеризуется тремя важнейшими признаками.

1. Оно состоит по крайней мере из двух мотивирующих компонентов, коррелятивных полнозначительным словам.

2. Оно обладает цельнооформленностью, проявляющейся в неспособности словесных компонентов соединяться со знаменательными и служебными словами.

3. Подавляющее большинство вьетнамских сложных слов обладает идиоматичностью, степень которой может быть различной.

Первые два признака характерны и для индоевропейского сложного слова. Помимо них, для индоевропейского сложного слова характерен ещё один признак – наличие единого главного ударения, не исключаяющего, однако, наличие второго, побочного, более слабого ударения.

Третий признак – идиоматичность – для индоевропейского сложного слова совершенно не характерен. Русисты, например, описывая сложные слова в русском языке, никогда не оперируют понятием идиоматичности. Считается аксиоматичным, что значение сложного слова в русском языке свободно выводится из значения составляющих его мотивирующих основ: «лесостепь», «обезьяночеловек», «носоглотка», «железобетон» (слова с сочинительным отношением основ) и «хлебозавод», «первопричина», «новостройка», «водонепроницаемый» (слова с подчинительным отношением основ). Вьетнамские сложные слова типа vợ chồng «супруги» («жена» + «муж»), cha mẹ «родители» («отец» + «мать»), обладающие минимальной идиоматичностью, вполне сопоставимы с такими русскими словами, как «плодоовощи», «сербохорваты». Однако слова типа đầu đuôi «суть» («голова» + «хвост») ближе к фразеологизму, чем к сложному слову (если абстрагироваться от особенностей его функционирования в речи, характеризующих его как существительное).

Ещё одно важнейшее отличие вьетнамского сложного слова от индоевропейского заключается в слабой отнесённости словообразовательного значения со словообразовательным типом.

Таким образом, понятие вьетнамского сложного слова не тождественно понятию индоевропейского сложного слова.

Механизм образования вьетнамских сложных слов в общих чертах напоминает механизм образования индоевропейских сложных слов.

Сложные слова образуются во вьетнамском языке словосложением, то есть складыванием односложных слов – с той оговоркой, что в плане диахронии огромное количество сложных слов возникло не за счёт складывания односложных слов, а за счёт лексикализации словосочетаний.

Этим отчасти объясняется тот факт, что у подавляющего большинства сложных слов вьетнамского языка отсутствует чётко выраженное стандартное словообразовательное значение, основанное на словообразовательном типе. Например, среди сложных слов, состоящих из двух именных компонентов с копулятивной связью, имеются и собирательные существительные вроде quần áo «одежда» («брюки» + «рубашка»), и существительные, не являющиеся собирательными, например mặt mũi «лицо» («лицо» + «нос»), и даже прилагательные: ruột thịt «родной, единоутробный» («кишки» + «мясо»), trời biển «необъятный» («небо» + «море»). Для истинно сложных слов, образованных «чистым» сложением, характерно наличие стандартного словообразовательного значения, основанного на словообразовательном типе – как, например, у русских сложных слов «сенокосилка»,

«камнедробилка», «бетономешалка» или у русских слов-сращений (одной из разновидностей сложных слов) «труднодоступный», «трудновоспитуемый», «слаборазвитый».

Однако с синхронной точки зрения и во вьетнамском языке сложное слово создаётся по образу и подобию уже имеющихся сложных слов – по моделям слов, исторически возникших путём лексикализации словосочетаний. Сравните, например, неологизм *tên lửa* «ракета» («стрела» + «огонь») и сравнительное старое слово *xe lửa* «поезд» («повозка» + «огонь»), являющееся калькой китайского слова. Разумеется, при наличии набора готовых моделей новые сложные слова создаются не только путём воспроизводства готовой модели, но и путём лексикализации словосочетаний. Например, слово *phòng khách* «приёмная, гостиная» («комната» + «гость») возникло сравнительно недавно в результате сокращения и лексикализации словосочетания *phòng tiếp khách* «комната для приёма гостей» («комната» + «принимать» + «гость»).

Внутрисловные синтаксические связи не тождественны синтаксическим отношениям, в которые вступают члены свободных синтаксических словосочетаний. Внутренняя синтаксическая структура сложных слов, состоящих из свободных слогоморфем, является как бы фотокопией структуры свободных словосочетаний в силу предельно ослабленных синтаксических функций слогоморфем в рамках слова.

Вьетнамские сложные слова, возникшие в результате сложения двух или более самостоятельных слов, состоят из свободных, тождественных односложным, слов – в отличие от слов ханвьетской подсистемы, где как минимум одна морфема не является свободной, то есть не может употребляться самостоятельно. В сфере исконной лексической системы релевантным признаком сложного слова является коррелятивность его компонентов полнозначным словам. В сфере ханвьетской подсистемы, сформировавшейся после обретения Вьетнамом в X в. независимости, релевантным признаком сложного слова является наличие в его составе по крайней мере одного связанного компонента (в том случае, когда оба компонента воспринимаются как значимые). Вьетнамские сложные слова однотипной формальной структуры образуют словообразовательный ряд, однако однотипность формальной структуры не обязательно предполагает однотипность семантических отношений между компонентами всех представителей ряда. Для сравнения возьмём слово *cha mẹ* «родители» и *giòtthịt* «единоутробный». В то же время во вьетнамском языке имеются сложные слова, которые имеют стандартное словообразовательное значение, основанное на словообразовательном типе.

С точки зрения формальной организации сложные слова вьетнамского языка можно подразделить на слова с сочинительной (копулятивной) связью между компонентами одинаковой категориальной принадлежности и слова с подчинительной связью между компонентами одинаковой и различной категориальной принадлежности.

Сложные слова с сочинительной связью между компонентами образуют две группы.

В первую группу входят слова, компоненты которых относятся к одному семантическому полю и не являются синонимами. В речи они функционируют как один член предложения, а не как два однородных члена предложения, которые отделяются друг от друга паузой (а на письме – запятой). В одних случаях пауза меняет значение комплекса очень существенно, например *đất nước* «родина» и *đất, nước* «земля, вода». В других – не очень существенно, например *quần áo* «одежда» и *quần, áo* «брюки, рубашка». В третьих – почти не меняет, например *cha mẹ* «родители» и *cha, mẹ* «отец, мать».

Возможность «расщепления» этих комплексов (например, с помощью союза «и»): *hoa quả* «фрукты» и *hoa và quả* «цветы и плоды»; *sắt đá* «твёрдый, непреклонный» и *sắt và đá* «железо и камень») не свидетельствует о том, что расщепляемые комплексы – не слова, если эти комплексы функционируют в предложении как слова определённой категориальной принадлежности, обладающие всеми признаками слов данного класса.

Возможность расщепления копулятивных слов по определённым стереотипным моделям (особый стилистический приём) также не свидетельствует об их несловесном характере, так как во вьетнамском языке по тем же самым моделям расщепляются именно те номинативные единицы, словесный характер которых не вызывает сомнения. Например, немотивированные и мотивированные повторы: *đừng đình* «тянуть, медлить» – *sao mà đừng với đình mãi!* «с чего бы всё тянуть да медлить!»

Во вторую группу входят тавтологические сложные слова, состоящие из синонимичных или близких по значению компонентов: *ẩm ướt* «влажный» (*ẩm* «влажный» + *ướt* «мокрый»), *nhỏ bé* «маленький» (*nhỏ* «маленький» + *bé* «маленький»). Между компонентами тавтологического сложного слова существуют отношения смыслового дублирования. В предложении они не могут быть преобразованы в однородные члены предложения ни с помощью паузы, ни с помощью союза *và* «и», *vừa ... vừa* «и ... и» и т.п.: *Đó là một hành động ngu xuẩn* – «Это глупый поступок» (*ngu xuẩn* «глупый» состоит из двух синонимов – *ngu* «глупый» и *xuẩn* «глупый»). *Ở miền núi diện tích trồng lúa quá nhỏ bé* – «В горных районах площади под рисом слишком малы» (*nhỏ bé* «маленький» состоит из двух синонимов – *nhỏ* «маленький» и *bé* «маленький»).

Преобразование в однородные члены предложения привело бы к совершенно неоправданной тавтологии: на синтаксическом уровне такая тавтология не встречается. Иными словами, во вьетнамском языке использование односложных синонимов в качестве однородных членов предложения невозможно в тех случаях, когда соположения таких синонимов совпадают с тавтологическими бинарными комплексами, существующими на словесном уровне. В то же время соположение в речи нескольких синонимичных двусложных копулятивных комплексов – распространённое явление: *Đó là một người ngu xuẩn, đần độn* – «Это глупый, несообразительный человек». Перестановка компонентов таких комплексов в некоторых случаях возможна, однако в подавляющем их большинстве сложился стабильный традиционный порядок расположения компонентов.

Тавтологически сложные слова не образуются свободно в речи – именно поэтому они фиксируются в толковых словарях [*Từ điển tiếng Việt* 1988], хотя их значение легко выводимо из значений компонентов.

Тавтологически сложные слова-прилагательные синонимичны своим односложным компонентам, но они никогда не являются полными синонимами. Так, например, односложное слово *ngu* в речи во многих случаях может быть заменено его двусложными синонимами *ngu ngốc* «глупый, болван, тупица», *ngu xuẩn* «глупый, тупой», *ngu dốt* «глупый, невежественный». Тем не менее это не полные синонимы. Любое тавтологическое сложное слово отличается по своему значению от его односложных компонентов. Например, слово *dấu vết* «след, отпечаток; остаток» может выражать не только конкретное, но и абстрактное понятие. Сравните: *dấu chân* «след ноги» (тж. *vết chân*), *vết xe* «след колеса», *dấu vết nước mắt* «слезы слёз», *dấu vết của tội phạm* «следы преступления». Слово *đường lối* «курс, линия» (например, *đường lối chính trị* «политический курс») отличается своим переносным значением от слов *đường* «дорога, путь»

(например, đường thủy «водный путь», đường biển «морской путь», mở một con đường mới «проложить новый путь») и lối «путь, способ, манера».

Среди тавтологических слов есть существительные, глаголы, прилагательные. Значение глаголов и прилагательных легко выводится из значений компонентов. Значение существительных не поддаётся выведению из значений компонентов только в тех случаях, когда такие существительные обладают высокой степенью идиоматичности.

Сложные слова с подчинительной связью между компонентами можно разделить на слова с атрибутивной или комплетивной связью (между именными и качественными компонентами), глагольно-объектной (между глагольными и именными компонентами), результативной или обстоятельственной (между глагольными компонентами и глагольными конструкциями). Также существует некоторое количество слов исконной вьетнамской лексики, характер связи между компонентами которой неясен из-за очень значительной идиоматичности.

В современной научной литературе по вьетнамской лексикологии существуют различные точки зрения по исследуемой проблеме. Многие исследователи делят вьетнамские слова на простые и сложные. Но для понятия «сложный» используют различные эквиваленты: *chấp* «соединять, складывать, прикладывать», например «сложить вместе ладони»; *ghép* «составной, сложный, объединённый», *phức* «сложный, комплексный», например, *câu phức* «сложное предложение». Нгуен Ким Тхан делит слова на «чистые», «смешанные», сложные (*phức*) и простые (*chấp*). До Хыу Тяу классифицирует слова как простые и сложные (*phức*), а в сложные включает повторы и сложные слова (*ghép*). Ряд авторов выделяет повторы в отдельную группу (В.М.Солнцев, Хоанг Туе, Дай Суан Нинь) [цит. по Nguyễn Thiện Giáp 2018: 432–433].

Данное исследование будет актуально для выработки современного решения данной проблемы, а также для уточнения критериев классификации исконной вьетнамской лексики.

Список литературы

- Андреева В.А. О новом большом вьетнамско-русском словаре // Вьетнамские исследования, вып. 4. М.: ИДВ РАН, 2014. С. 295–302.
- Андреева В.А. О природе слов с инверсией компонентов во вьетнамском языке // Труды межинститутской научной конференции. Москва, 8–10 октября 2008 г. М.: Институт востоковедения РАН, 2010. С. 298–305.
- Быстров И.С., Нгуен Тай Кан, Станкевич И.В. Грамматика вьетнамского языка. Л., 1975.
- Мишукова Д.Д. О словообразовании во вьетнамском языке. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/o-slovoobrazovanii-vo-vietnamskom-yazyke> (дата обращения: 26.04.2019).
- Новый большой вьетнамско-русский словарь. М.: Восточная литература, 2012, т.1. 1275 с.
- Новый большой вьетнамско-русский словарь. М.: Восточная литература, 2012, т.2. 1269 с.
- Солнцев В.М. Введение в теорию изолирующих языков. М.: Восточная литература РАН, 1995. 353 с.
- Тюменева Е.И. Вьетнамско-русский словарь «От слога к слову». М.: Восток–Запад, 2006. 172 с.
- Чан Тхи Нгок Минь. Понятие тиенг (tiếng) и проблемы морфологии вьетнамского языка // Вьетнамские исследования, вып. 5. М.: ИДВ РАН, 2015. С. 402–420.
- Đỗ Hữu Châu. Từ vựng ngữ nghĩa tiếng Việt (До Хыу Тяу. Лексика и семантика вьетнамского языка). Н.: Nxb. Khoa học xã hội, 2019. 310 tr.
- Nguyễn Kim Thản. Cơ sở ngữ pháp tiếng Việt (Нгуен Ким Тхан. Основы грамматики вьетнамского языка). Н.: Nxb. Khoa học xã hội, 2008. 266 tr.
- Nguyễn Thiện Giáp. Từ và từ vựng học tiếng Việt (Нгуен Тхиен Зяп. Слово и лексикология вьетнамского языка). Н.: Nxb. Đại học quốc gia HN, 2018. 635 tr.

Nguyễn Thiện Giáp. Từ vựng học tiếng Việt (*Нгуен Тхиен Зяп*. Лексикология вьетнамского языка). H.: Nxb. Giáo dục, 2002. 340 tr.

Từ điển tiếng Việt. Hoàng Phê chủ biên (Словарь вьетнамского языка / ред. Хоанг Фе). H.: Nxb. Khoa học xã hội, 1988. 1206 tr.

Vũ Xuân Thái. Gốc và Nghĩa từ Việt thông dụng (*Бу Суан Тхай*. Происхождение и значение общеупотребительных вьетнамских слов). Nxb. Văn hóa Thông tin, 1999. 1027 tr.

Для цитирования: Тюменева Е.И., Соколова Н.Ф. Характеристика словарного состава исконной лексической системы вьетнамского языка // Вьетнамские исследования, сер. 2, 2020, № 2. С. 80–90

Авторы:

Тюменева Елена Ивановна, к.и.н., профессор кафедры восточных языков Высших курсов иностранных языков МИД России. E-mail: lien805nro@gmail.ru

Соколова Наталья Федоровна, старший преподаватель факультета востоковедения Московской международной академии. E-mail: nn179@yandex.ru

Продвижение статьи:

Дата поступления: 20.04.2020

Дата поступления в переработанном виде: 13.05.2020

Принята к печати: 7.06.2020

References

Andreeva, V.A. (2010). O prirode slov s inverziej komponentov vo vietnamskom yazyke (About a nature of words with inversed components in the vietnamese language) // Studies of Inter-Institute Scientific Conference. Moscow, October 8–10, 2008. M.: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. P. 298–305.

Andreeva, V.A. (2014). O novom bolshom vietnamsko-russkom slovare (About a new large Russian-Vietnamese dictionary) // Vietnamskiie Issledovaniia, Vol. 4. M.: IDV RAN. P. 295–302.

Bystrov, I.S., Nguyen Tai Can, Stankevich, I.V. (1975). Grammatika vietnamskogo yazyka [Grammar of the Vietnamese language]. L.

Đỗ Hữu Châu (2019). Từ vựng ngữ nghĩa tiếng Việt (Vocabulary and Semantics of the Vietnamese Language). H.: Nxb. Khoa học xã hội. 310 tr.

Mishukova, D.D. O slovoobrazovanii vo vietnamskom yazyke (About word formation in the Vietnamese language). Retrieved on April 26, 2019 from URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/o-slovoobrazovanii-vo-vietnamskom-yazyke>.

Nguyễn Kim Thản (2008). Cơ sở ngữ pháp tiếng Việt (Basics of grammar of the Vietnamese language). H.: Nxb. Khoa học xã hội. 266 tr.

Nguyễn Thiện Giáp (2002). Từ vựng học tiếng Việt (Lexicology of the Vietnamese language). H.: Nxb. Giáo dục. 340 tr.

Nguyễn Thiện Giáp (2018). Từ và từ vựng học tiếng Việt (Word and lexicology of the Vietnamese language). H.: Nxb. Đại học quốc gia HN. 635 tr.

Novy bolshoy vietnamsko-russkiy slovar (2012) (A new large Vietnamese-Russian dictionary). M.: Vostochnaya literatura. Vol. 1. 1275 p.

Novy bolshoy vietnamsko-russkiy slovar (2012) [A New Large Vietnamese-Russian Dictionary]. M.: Vostochnaya literatura. Vol. 2. 1269 p.

Solncev, V.M. (1995). Vvedenie v teoriyu izoliruyushhix yazykov (An introduction to the theory of the isolating languages). M.: Vostochnaya literatura RAN. 353 p.

Tran Thi Ngoc Minh (2015). Ponyatie tieng (tiếng) i problemy morfologii vietnamskogo yazyka. (Concept of tieng (tiếng) and problems of the Vietnamese language morphology) // Vietnam Studies, Vol. 5. M.: IDV RAN. P. 402–420.

Từ điển tiếng Việt. Hoàng Phê chủ biên (Vietnamese dictionary, Hoang Phe ed.). H.: Nxb. Khoa học xã hội, 1988. 1206 tr.

Tyumeneva, E.I. (2006). Vietnamsko-russkij slovar «Ot sloga k slovu» (Vietnamese-Russian dictionary «From a syllable to a word»). M.: Vostok- Zapad. 172 p.

Vũ Xuân Thái (1999). Gốc và Nghĩa từ Việt thông dụng (Origin and meaning of common Vietnamese words). H.: Nxb. Văn hóa Thông tin. 1027 tr.

For citation: *Tyumeneva E.I., Sokolova N.F.* (2020). Characteristics of the vocabulary of the native lexical system of the Vietnamese language. Russian Journal of Vietnamese Studies, series 2, No.2. P. 80–90

Authors:

Tyumeneva Elena I., PhD (History), Professor at the Higher Foreign Language Courses of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. E-mail: lien805nro@gmail.ru

Sokolova Natalia F., Senior Lecturer, Moscow International Academy. E-mail: nn179@yandex.ru

Article history:

Received: April 20, 2020

Received in revised form: May 13, 2020

Accepted: June 7, 2020

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

О ВЬЕТНАМСКОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «НАСЛЕДИЕ В.И. ЛЕНИНА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ»

Аннотация. В статье представлены итоги национальной научной конференции «Наследие В.И. Ленина: теоретические и практические ценности», проведенной в формате онлайн Государственной политической академией Хо Ши Мина совместно с Центральным отделом пропаганды, Центральным теоретическим советом ЦК КПВ и Академией общественных наук Вьетнама. На конференции обсуждались следующие основные вопросы: роль В.И. Ленина в развитии марксизма, значение ленинской концепции национально-колониального вопроса для угнетенных народов, ценность марксизма-ленинизма для вьетнамской революции, строительства и защиты Родины. Было отмечено, что, несмотря на крах реальной модели социализма в СССР и самой социалистической системы, марксизм-ленинизм остается живым и творческим учением, способным вести революционные силы вперед.

Ключевые слова: В.И. Ленин, марксизм-ленинизм, национально-освободительное движение, социализм, Советский Союз, Хо Ши Мин.

THE SCIENTIFIC CONFERENCE IN VIETNAM ON “THE LEGACY OF V.I. LENIN: THEORETICAL AND PRACTICAL VALUES”

Abstract. The article presents the results of the national scientific conference “The Legacy of V.I. Lenin: Theoretical and Practical Values”, held online by Ho Chi Minh National Political Academy jointly with the Central Propaganda Department, the Central Theoretical Council of the Central Committee of the CPV and the Vietnamese Academy of Social Sciences. The main issues discussed at the conference were as follows: V.I. Lenin’s role in the development of Marxism, the significance of the Leninist concept of the national-colonial issue for the oppressed peoples, the importance of Marxism-Leninism for the Vietnamese revolution, for the construction and defense of the motherland. It was noted that, despite the collapse of the model of real socialism in the USSR and the socialist system as such, Marxism-Leninism remains a living and creative ideology, capable of advancing revolutionary forces.

Keywords: V.I. Lenin, Marxism-Leninism, the national liberation movement, socialism, the Soviet Union, Ho Chi Minh.

К 150-летию со дня рождения В.И. Ленина (22 апреля 1870 г. – 22 апреля 2020 г.) под руководством Политбюро и Секретариата ЦК КПВ 22 апреля 2020 г. Государственная политическая академия Хо Ши Мина совместно с Центральным отделом пропаганды, Центральным теоретическим советом, Академией общественных наук Вьетнама провели в онлайн-формате национальную научную конференцию «Наследие В.И. Ленина: теоретические и практические ценности».

Открыл конференцию и председательствовал на ней член Политбюро, секретарь ЦК КПВ, руководитель Центрального отдела пропаганды Во Ван Тхыонг (рис. 1). В конференции также приняли участие: секретарь ЦК партии, председатель Центрального теоретического совета, ректор Государственной политической академии Хо Ши Мина Нгуен Суан Тханг, бывший член ЦК, заместитель председателя Центрального теоретического совета Та Нгок Тан, кандидат в члены ЦК, президент Вьетнамской академии общественных наук Буй Нят Куанг.

Рис. 1. Член Политбюро, секретарь ЦК КПВ, руководитель Центрального отдела пропаганды Во Ван Тхыонг открывает конференцию

На конференции присутствовали представители отделов, комитетов и комиссий ЦК КПВ, Центрального комитета Отечественного фронта Вьетнама, Канцелярии Президента, Центрального теоретического совета, Государственной политической академии Хо Ши Мина, Министерства науки и технологий, Вьетнамской академии общественных наук, Центрального комитета Союза коммунистической молодежи Хо Ши Мина, парткома Народного комитета г. Ханоя, журнала «Коммунист», Государственного политического издательства, Общества вьетнамо-российской дружбы, учёные и журналисты.

Во Ван Тхыонг заявил: «В.И. Ленин – великий мыслитель и гениальный лидер рабочего класса и угнетенных трудящихся во всем мире. Он оставил нам огромное и чрезвычайно ценное наследие. Жизнь и творчество В.И. Ленина явились не только глубокими проявлениями блестящей творческой мысли, но и благородным символом истинного, образцового коммуниста, стремящегося всю жизнь к революции и прогрессу, посвятившего себя служению обществу ради освобождения рабочего класса, национального освобождения, освобождения людей от угнетения и порабощения. Несмотря на то, что минуло много времени и мир претерпел большие изменения, идеи В.И. Ленина по-прежнему являются факелом, который направляет человечество на пути развития, и об этом мы будем говорить на нашей конференции».

Выступая на открытии конференции, ректор Государственной политической академии Хо Ши Мина Нгуен Суан Тханг (рис. 2) подчеркнул значение личности и революционного пути В.И. Ленина: его выдающейся теоретической и практической деятельности по защите и развитию марксизма в новый исторический период – период буржуазных и пролетарских

революций; мудрого руководства великой русской Октябрьской революцией 1917 г.; создания первого в мире рабоче-крестьянского государства, сделавшего социализм из научной теории живой реальностью, открывшего новую эру в истории человечества – эпоху перехода от капитализма к социализму. Жизнь и революционная деятельность В.И. Ленина чрезвычайно многогранны, но особенно велик и имеет глубочайший смысл его вклад в дело борьбы рабочего класса и угнетенных трудящихся во всем мире.

Рис. 2. Секретарь ЦК партии, председатель Центрального теоретического совета, ректор Государственной политической академии Хо Ши Мина проф. Нгуен Суан Тханг выступает на конференции

За время своего существования и развития Советский Союз и социалистические страны добились больших успехов, но начиная с 1970-х годов они находились в состоянии застоя, в серьезном кризисе, и в конечном итоге социалистическая система распалась в конце 80-х – начале 90-х годов XX в. Этот распад является большой потерей для мирового революционного движения, но, бесспорно, это не крах социализма вообще и не крах марксизма-ленинизма. Это всего лишь крах реальной модели социализма со многими ее недостатками, такими как централизованное планирование, бюрократизм, волюнтаризм, догматизм, удаленность от людей. Марксисты-ленинцы, ослабив руководство правящей партией, не смогли адаптироваться к частым изменениям экономической, политической и социальной жизни. Эта неудача заставляет нас еще глубже осознавать огромное значение ценных рекомендаций, которые оставил В.И. Ленин, для реформ и обновления социалистической реальности, во имя возрождения и дальнейшего развития социализма.

Перед лицом быстрого, сложного и непредсказуемого развития международной обстановки коммунисты всего мира должны продолжать выполнять свою основную задачу, марксизм-ленинизм должен постоянно дополняться и творчески развиваться. В очень сложных условиях социалистические страны обновились и добились многих важных достижений. Революционные силы во всем мире постепенно восстанавливаются. В развитых странах формируются многие социалистические предпосылки... Это доказывает мощную жизнеспособность марксизма-ленинизма и перспективы социализма. Социализм остается будущим человечества.

Рис. 3. Участники конференции

Во многих выступлениях и дополнениях участники конференции (рис. 3) сосредоточились на освещении следующих ключевых вопросов: 1) развитие В.И. Лениным положения марксизма о возможности победы пролетарской революции в империалистический период, что стало залогом успешного руководства Октябрьской революцией, открывшей эру перехода от капитализма к социализму; 2) дополнение и развитие В.И. Лениным марксистской теории о социализме и пути к нему; 3) работы В.И. Ленина как образцы защиты, дополнения и развития марксизма; 4) ленинская концепция национально-колониального вопроса как ценное руководство для угнетенных народов в борьбе за национальную независимость; 5) роль наследия В.И. Ленина для вьетнамской революции в эпоху Хо Ши Мина; 6) вера Хо Ши Мина в то, что мудрость и новаторство, жизненность и непоколебимость принципов марксизма-ленинизма приведут нашу партию, наш народ к победе в деле строительства и защиты социалистического Вьетнама.

В программе конференции был доклад «Ленинское наследие в современных условиях Российской Федерации (вопросы теории)», который в письменном виде представил российского эксперт – политический обозреватель газеты «Правда», доктор философских наук, профессор Виктор Трушков.

150-летие со дня рождения В.И. Ленина – это возможность еще раз обратиться к его жизни, деятельности и большому вкладу в дело освобождения рабочего класса, трудящихся и угнетенных народов во всем мире. Это также дает возможность продолжить исследования, чтобы лучше понять идеи В.И. Ленина и значимость его личности в защите, применении и творческом развитии марксизма в строительстве социализма в условиях Советской России; лучше понять уроки, полученные в процессе построения реального социализма в мире. Таким образом, теперь у нас появилось больше смелости и решимости творчески применять марксизм-ленинизм и идеи Хо Ши Мина; упорно отстаивать цели национальной независимости и социализма; идти по пути обновления; иметь силу и стремление преодолеть все трудности и вызовы и превратить Вьетнам в социалистически ориентированную страну, сравнимую по уровню развития с крупнейшими державами пяти континентов, как завещал президент Хо Ши Мина.

Продвижение статьи:

Дата поступления: 20.05.2020

Принята к печати: 1.06.2020

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

ПИСЬМО ФАМ ВАН ДОНГА ЧЖОУ ЭНЬЛАЮ

Аннотация. Публикуется письмо премьер-министра ДРВ Фам Ван Донга премьеру Госсовета КНР Чжоу Эньлаю от 14 сентября 1958 г., используемое в настоящее время китайским МИД и СМИ как основание для притязаний КНР на Парасельские острова и архипелаг Спратли, и редакционный комментарий к нему.

Ключевые слова: Фам Ван Донг, Чжоу Эньлай, Хоангша (Парасельские о-ва) и Чыонгша (арх. Спратли), Южно-Китайское море, территориальные претензии.

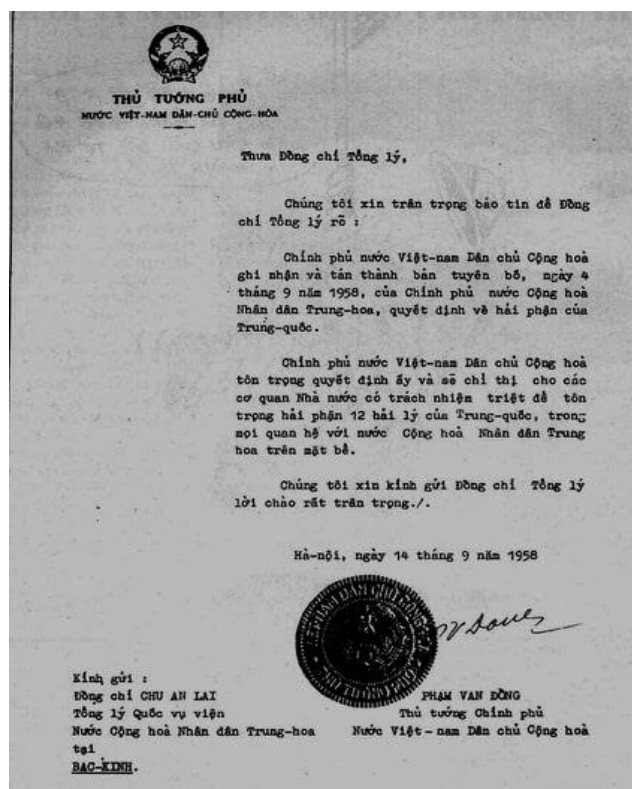
LETTER OF PHAM VAN DONG TO ZHOU ENLAI

Abstract. The letter of Pham Van Dong, the Prime Minister of the DRV, to the head of the State Council of China Zhou Enlai on September 14, 1958, is published and commented. The letter is now often used by the Chinese Foreign Ministry and the media as the confirmation of the PRC's claims to the Paracel Islands and the Spratly archipelago.

Keywords: Pham Van Dong, Zhou Enlai, Hoang Sa (the Paracel Islands) and Chuong Sa (the Spratlies), the South China Sea, territorial claims.

В апреле 2020 г. в официальной ноте, направленной МИД Китая в ООН, в очередной раз упоминается письмо бывшего премьер-министра ДРВ Фам Ван Донга премьеру Госсовета КНР от 14 сентября 1958 г. и заявляется, что это письмо служит подтверждением признания Вьетнамом суверенитета Китая на острова Хоангша (Парасельские) и Чыонгша (Спратли). Такую трактовку категорически отрицает правительство СРВ.

С целью разобраться в ситуации мы публикуем фотографию, перевод этого документа и редакционный комментарий к нему.

Письмо Фам Ван Донга Чжоу Эньлаю 14 сентября 1958 г.

Резиденция Премьер-министра
Демократическая Республика Вьетнам

Уважаемый товарищ Премьер!

С уважением доводим до Вашего сведения следующее:

Правительство Демократической Республики Вьетнам принимает и одобряет заявление Правительства Китайской Народной Республики от 4 сентября 1958 г. об установлении границы территориальных вод Китая.

Правительство Демократической Республики Вьетнам уважает это решение и даст указание уполномоченным государственным органам неукоснительно соблюдать 12-мильную границу территориальных вод Китая во всех контактах с КНР на море.

Шлем Вам наилучшие пожелания.

Ханой, 14 сентября 1958 г.

Печать

Фам Ван Донг,

Премьер-министр

Демократической Республики
Вьетнам

Направлено:
тов. Чжоу Эньлаю
премьеру Госсовета
Китайской Народной Республики
в Пекин

В китайской печати неоднократно упоминается письмо бывшего премьер-министра ДРВ Фам Ван Донга, направленное 14 сентября 1958 г. руководству КНР, в котором, по словам

китайских политологов и пропагандистов, глава правительства ДРВ якобы признал суверенитет Китая над островами Хоангша и Чыонгша. Из текста письма видно, что это совершенно не соответствует действительности и рассчитано на неосведомлённость населения двух стран и всей мировой общественности.

Ознакомление с оригиналом «ноты Фам Ван Донга» в свете конкретной исторической ситуации показывает следующее:

- *во-первых*, это была не дипломатическая нота, а письмо Фам Ван Донга главе Госсовета КНР Чжоу Эньлаю, с которым он многие годы был связан доверительными дружескими отношениями;

- *во-вторых*, оно было направлено в связи с Заявлением правительства КНР от 4 сентября 1958 г. о введении 12-мильной границы территориальных вод Китая в разгар острого военно-политического кризиса в отношениях Китая и Тайваня. В этот момент Фам Ван Донг заверил главу правительства КНР в поддержке ДРВ его требований;

- *в-третьих*, уже значительно позже китайские власти так истолковали содержание письма, будто оно распространяется на воды вокруг группы островов Хоангша, которые были захвачены в 1956 г. китайским десантом сразу после ухода французских войск из Вьетнама. А это означает, как они считают, признание суверенитета КНР на эти острова;

- *в-четвертых*, на всемирной конференции по мирному договору с Японией в Сан-Франциско в 1951 г. эти острова были признаны не китайскими, как хотели в Пекине, а принадлежащими Государству Вьетнам – бывшему французскому протекторату под властью Бао Дая. В 1954 г. по Женевским соглашениям они были временно переданы в управление Республике Вьетнам, созданной в Южном Вьетнаме в качестве антагониста ДРВ. Следовательно, премьер Фам Ван Донг никак не мог распоряжаться островами, которые тогда не были под юрисдикцией ДРВ.

То, что китайский МИД счёл возможным включить эту выдумку в официальный документ – ноту КНР в ООН от 17 апреля 2020 г., говорит о стремлении воспользоваться моментом для предъявления новых требований к СРВ. Данный факт подтверждает полное отсутствие у Китая убедительных свидетельств, подтверждающих суверенитет Китая на острова в Восточном море.

ТЕКСТ ТЕЛЕФОННЫХ ПЕРЕГОВОРОВ ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ ВЛАДИМИРА ПУТИНА С ГЕНЕРАЛЬНЫМ СЕКРЕТАРЁМ ЦК КПВ, ПРЕЗИДЕНТОМ СРВ НГУЕН ФУ ЧОНГОМ

Генеральный секретарь ЦК КПВ, президент СРВ Нгуен Фу Чонг провел телефонный разговор с президентом России Владимиром Путиным по случаю Дня России 12 июня.

От имени партии, государства и народа Вьетнама президент Нгуен Фу Чонг поздравил президента Путина и народ России с национальным праздником, подтвердив, что СРВ придает большое значение всеобъемлющему стратегическому партнерству с Российской Федерацией и высоко оценивает успехи, достигнутые страной под руководством президента Путина.

Нгуен Фу Чонг также поздравил русский народ с 75-й годовщиной Победы над фашизмом, отметив, что вьетнамский народ чтит эту историческую победу и помнит о ней. Президент СРВ выразил уверенность в том, что парад в ознаменование 75-летия Победы и голосование по поправкам к Конституции РФ пройдут успешно.

В духе доверия и открытости, характерной для традиционной дружбы между Вьетнамом и Россией, лидеры двух стран обстоятельно обсудили конкретные направления дальнейшего развития двусторонних отношений, а также ряд международных и региональных вопросов, представляющих взаимный интерес.

Нгуен Фу Чонг приветствовал решительные меры Российской Федерации и ее вклад в борьбу международного сообщества против пандемии Covid-19. Со своей стороны, Владимир Путин высоко оценил успехи СРВ в контроле над распространением болезни и поблагодарил Вьетнам за практическую поддержку Российской Федерации в борьбе с пандемией. Стороны договорились активизировать сотрудничество в этой области.

Отметив, что в этом году исполнилось 70 лет со дня установления дипломатических отношений между Вьетнамом и Россией, лидеры двух стран договорились продолжать поддерживать регулярные контакты на всех уровнях, особенно на высшем уровне взаимоотношений.

Нгуен Фу Чонг и Владимир Путин отметили важность сотрудничества между двумя странами в области обороны и безопасности и в энергетической сфере. Президенты будут продолжать поощрять нефтегазовые компании обеих стран к расширению деятельности в рамках действующих проектов по добыче углеводородов, а также запуску новых проектов во Вьетнаме и в Российской Федерации. Обе стороны будут продолжать содействовать торговому и инвестиционному сотрудничеству, максимизировать потенциал Соглашения о свободной торговле между Вьетнамом и Евразийским экономическим союзом, членом которого является Россия, в целях увеличения двустороннего товарооборота до 10 млрд долл., создания благоприятных условий для экономического развития двух стран и преодоления последствий эпидемии Covid-19.

Кроме того, лидеры подтвердили настрой на укрепление взаимодействия по международной и региональной проблематике с учетом председательства России в текущем году в ШОС и БРИКС, а Вьетнама – в АСЕАН и на Восточноазиатском саммите.

Генеральный секретарь ЦК КПВ, президент СРВ Нгуен Фу Чонг пригласил президента РФ В.В. Путина совершить официальный визит во Вьетнам. Приглашение было с благодарностью принято.

Источник: URL: <https://vietnamnet.vn/vn/thoi-su/chinh-tri/tong-thong-nga-vladimir-putin-nhan-loi-moi-tham-viet-nam-648349.html>, 11.06.2020.

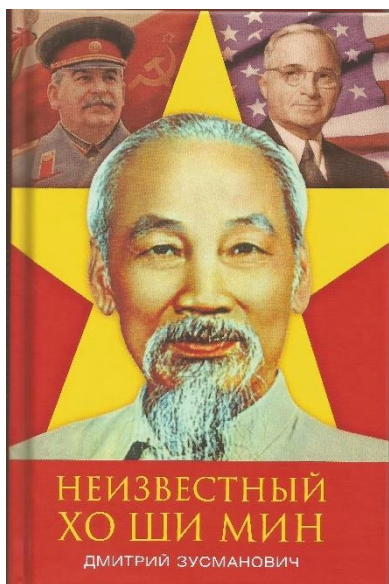
**TEXT OF TELEPHONE NEGOTIATIONS BY RUSSIAN PRESIDENT
VLADIMIR PUTIN WITH THE SECRETARY GENERAL OF THE CPV
CENTRAL COMMITTEE, SRV PRESIDENT NGUYEN PHU TRONG**

Secretary General of the CPV Central Committee, President of the Socialist Republic of Vietnam Nguyen Phu Trong held a telephone conversation with Russian President Vladimir Putin on the occasion of Russian Day on June 12. The leaders of the two countries thoroughly discussed specific directions for the further development of bilateral relationship, as well as a number of international and regional issues of mutual interest. Nguyen Phu Trong invited the President of the Russian Federation V.V. Putin to pay an official visit to Vietnam, the invitation was gratefully accepted.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

DOI: 10.24411/2618-9453-2020-10019

П.Ю. Цветов
СЕНСАЦИЯ, КОТОРОЙ НЕ МОГЛО БЫТЬ

Зусманович Д.Д. Неизвестный Хо Ши Мин. Монография / Д.Д. Зусманович. М.: Родина, 2020. 142 с.: илл. ISBN 978-5-907255-80-7

Аннотация. Статья представляет собой рецензию на книгу Д.Д. Зусмановича «Неизвестный Хо Ши Мин», в которой сделана попытка по-новому рассмотреть некоторые факты биографии вождя вьетнамской революции Хо Ши Мина, так как, по мнению автора, в советское время она была слишком «идеализирована». Автор привлек определенное количество новых материалов из российских архивов, и на этой основе пытается определить характер мировоззрения Хо Ши Мина, обосновать предположения о его особых связях с британской разведкой в 1933 г. и американской в 1944–1945 гг. Однако отсутствие общих знаний по истории Вьетнама и слабости методологического характера не позволили Д. Зусмановичу добиться главного – научно обосновать свои гипотезы.

Ключевые слова: Хо Ши Мин*, вьетнамо-российские отношения, вьетнамо-американские отношения, Августовская революция во Вьетнаме, Коминтерн.

P.Yu. Tsvetov
A SENSATION THAT COULD NOT BE CAUSED

Abstract. The article is a review of “Unknown Ho Chi Minh” by D.D. Zusmanovich. In his book the author makes an attempt to re-examine some facts of the biography of Ho Chi Minh, the leader of the Vietnam Revolution, since, in the author’s opinion, in the Soviet era it was too “idealized”. D. Zusmanovich has drawn a certain amount of new materials from Russian archives. Using them he has tried to determine the nature of Ho Chi Minh’s world-outlook, to substantiate the assumptions about the special relationships of Ho Chi Minh with British intelligence in 1933 and American intelligence in 1944–1945. However, the lack of general knowledge on the history of Vietnam and methodological weaknesses do not allow the author to achieve the main thing – to provide a scientific basis to his hypotheses.

* Данная статья приурочена к юбилею первого президента ДРВ Хо Ши Мина – 19 мая 2020 г. исполнилось 130 лет со дня его рождения.

Keywords: Ho Chi Minh, Vietnamese–Russian relations, Vietnamese–American relations, the August revolution in Vietnam, the Comintern.

В издательстве «Родина», периодически выпускающем книги с претензией на сенсационность, увидела свет монография преподавателя Московской финансово-юридической академии Д.Д. Зусмановича «Неизвестный Хо Ши Мин».

Не только название, но и анонс издательства должен, видимо, заинтриговать читателя. Утверждается, что автор «предлагает по-новому взглянуть на жизнь и деятельность Хо Ши Мина» (с.4). Насколько это удалось Д.Зусмановичу и для чего это было сделано, обсудим далее, а пока отметим такое неверное утверждение, содержащееся в анонсе: якобы книги, посвященные биографии Хо Ши Мина, издавались в СССР «огромными тиражами». На самом деле книг, посвященных Хо Ши Мину, было издано всего две. Это меньше, чем в США, о чем Д.Зусмановичу известно. Каждая тиражом в 100 тыс. экземпляров, что не так уж и много по меркам советского времени. И обе они не были научными работами. Первая – «Хо Ши Мин» Е.В. Кобелева в серии «Жизнь замечательных людей» [Кобелев 1979], хорошая беллетристика, переизданная в 1983 г. также тиражом в 100 тыс. экземпляров; вторая книга выпущена издательством политической литературы и адресована массовому читателю [Афонин 1980].

Начнем рецензию со следующего замечания: несмотря на обещание автора и издательства, «пересмотру» подверглась не вся биография Хо Ши Мина. Автор выделил несколько эпизодов из жизни вождя вьетнамской революции, чтобы, как ему кажется, сделать сенсационные открытия, а то, оказывается, «в советской историографии биография знаменитого вьетнамца идеализировалась» (с.4).

Работа состоит из введения, восьми глав и заключения, но придать сенсационность каждой из частей книги автору не удастся. Самые крупные «открытия» Д.Зусмановича такие: во взглядах и поступках Хо Ши Мина национализма никак не меньше, чем социализма (с.13); в 1933 г. он был освобожден из британской тюрьмы в Гонконге при неясных обстоятельствах (намек на сотрудничество с английской разведкой); в годы Второй мировой войны Хо Ши Мин пошел на сотрудничество с американскими разведчиками из Управления стратегических служб, что обусловило победу вьетнамской революции в августе 1945 г., якобы он даже обещал быть верным и лояльным Вашингтону (с.13); у Хо Ши Мина было несколько жен, а вьетнамская и советская историографии утверждают, что он не был женат (с.10).

Трудно спорить с человеком по поводу идей политического деятеля, работы которого он, скорее всего, читал по диагонали. Так, очевидно, что автор вместо того, чтобы ознакомиться с работой Хо Ши Мина «Путь революции», удовлетворился очень краткой оценкой, которую дали этой работе С.Н. Афонин и Е.В. Кобелев в книге «Товарищ Хо Ши Мин» (с.39). Чтобы по-научному рассмотреть вопрос о мировоззрении Хо Ши Мина, надо было бы провести, например, контент-анализ его статей и речей. Д. Зусманович этого не сделал, да и не мог сделать, ибо для этого надо знать вьетнамский язык. Однако даже если прочитать те работы Хо Ши Мина, которые переведены на русский язык, уже станет понятно, что не стоило из взглядов их автора делать сенсацию. Достаточно прочитать такое его признание: «Сначала именно мой патриотизм, а отнюдь еще не коммунизм, привел меня к Ленину и Коммунистическому Интернационалу» [Хо Ши Мин 1970: 190]. И в той же работе Хо Ши Мин признается, что он поверил в силу марксистской идеологии после прочтения тезисов В.И. Ленина по колониальному и национальному вопросу: «Я вскричал: “Несчастные

замученные соотечественники, вот что нам нужно. Вот путь к нашему освобождению”» [Хо Ши Мин 1970: 189].

Также из работ Хо Ши Мина можно было бы понять, кем для него был В.И.Ленин, иначе не вышла бы из-под пера молодого исследователя совершенно не соответствующая азиатской психологии и реальному положению вещей фраза: «Наконец-то Хо Ши Мин нашел единомышленника, человека, которому не нужно было объяснять, что рабочий класс в колониях находится в таком же угнетённом положении, как и европейский пролетариат» (с.26). Речь идет о величайшем пролетарском вожде, с которым Хо Ши Мин никогда не встречался. Из этой сентенции вытекает следующее: два революционера (как Герцен и Огарев? Маркс и Энгельс?) одновременно пришли к общим политическим взглядам. Лучше было бы привести слова из статьи Хо Ши Мина в «Правде», опубликованной через несколько дней после кончины В.И.Ленина: «При жизни он был нам отцом, учителем, товарищем, советчиком» [Хо Ши Мин 1970: 5]. Уже из этих слов видна дистанция, которую считал естественной держать вьетнамский революционер.

В заключении книги автор всё-таки даёт свою оценку взглядам Хо Ши Мина, он называет его реалистом и признает, что коммунизм для вождя вьетнамской революции представлялся самым надежным и правильным путем достижения независимости своей страны (с.130).

История с задержанием Хо Ши Мина английскими властями в Гонконге, судом над ним и освобождением в 1933 г. целиком построена на писаниях западных исследователей, которые сам автор называет порождающими «слухи и домыслы» (с.10). При этом непонятно, почему у этой компании возникли сомнения, что британский адвокат Ф.Лозби мог согласиться защищать вьетнамского революционера из профессионального долга и получая за свои труды гонорар от МОПРа (именно такая точка зрения распространена среди отечественных вьетнамистов).

Самого Д. Зусмановича больше интересует, почему Хо Ши Мин не смог внятно объяснить комиссии Коминтерна, как ему так легко удалось бежать из Гонконга (с.60). Что заставляло его молчать и не отвечать на эти вопросы московских товарищей, мы вряд ли когда-нибудь узнаем. Возможно, автор прав, считая, что Хо Ши Мин не хотел, чтобы кто-то связал его освобождение с именем основателя МОПРа В. Мюнцерберга, обвиненного в троцкизме (с.59–60). За связи со сторонниками Троцкого тогда подвергали репрессиям. Но это не вина вьетнамского революционера, а трагедия того времени. Вроде бы ситуация с «Делом о побеге из Гонконга» прояснилась, но осадок от английского следа у читателя книги, безусловно, остался.

Еще более спекулятивной выглядит глава VI «Американские спецслужбы во Вьетнаме, или как делаются революции». Событийная сторона в ней изложена в целом верно, и набор фактов не отличается особо от того, что приводят сегодня вьетнамские историки, а они об этом пишут немало [см. Nguyễn Văn Hoàn 2014: 102–176]. В современной отечественной литературе этот эпизод тоже фигурирует, хотя с меньшими подробностями, чем у Д. Зусмановича, но с теми же фотографиями [см. Цветов 2001: 12–13].

Д. Зусманович рассуждает о мотивах действий американцев в то время в Индокитае и особенно целях, которые преследовал Хо Ши Мин, ища возможности с ними сотрудничать. Перед глазами читателя предстаёт такая картина: американцы, появившись в Южном Китае и Северном Вьетнаме, не очень хотят идти на сотрудничество с Хо Ши Мином и возглавляемым им Фронтом Вьетминь, опасаясь, что, возможно, это – коммунистическая организация. Хо Ши

Мин же старается доказать, что он не коммунист, и хочет получить от американцев оружие и медикаменты. Якобы чтобы потрафить американцам, Хо Ши Мин начинает текст Декларации независимости Вьетнама со слов Декларации независимости США: «Мы считаем, что все люди сотворены равными...» (с.86). Заметим, что этот факт не нов и редко вызывал удивление у отечественных историков. Известно, что американская декларация первой провозгласила принцип народного суверенитета как основу государственного устройства и право любой нации на независимое развитие, определила естественные права человека. Почему бы Хо Ши Мину не сослаться на неё при создании нового государства?

Чтобы адекватно оценить роль американо-вьетнамских контактов в конце Второй мировой войны и их значение для победы Августовской революции, автору необходимо было бы понять ситуацию в Индокитае в то время. На самом деле Вьетминь, созданный Хо Ши Мином в 1940 г., был широким фронтом, объединившим большую часть борцов за национальное освобождение во Вьетнаме. На протяжении всей войны он выступал с антифашистских позиций и заявлял (в том числе в своих печатных изданиях) о солидарности с Советским Союзом и другими странами антигитлеровской коалиции. Первыми представителями Объединенных Наций, с которыми вступил в контакт Хо Ши Мин и его соратники, стали американские разведчики. Так получилось. Нужно представлять себе, что Разведупр РККА туда не добрался, а французы и китайцы, имея собственные эгоистические интересы в отношении Вьетнама, не могли считаться надёжными союзниками американцев, которые, ведя войну на Тихом океане и в Азии, нуждались в оперативной информации о ситуации в этой части континента. Отсюда – временный союз американских разведчиков и вьетнамских борцов за национальное освобождение: Хо Ши Мин и его соратники получали оружие и медикаменты, американцы – информацию и не только. Сбитые в небе Северного Вьетнама американские летчики (по данным исследователей СРВ, их было 17 [Nguyễn Văn Hoàn 2014: 157]) были спасены вьетнамскими коммунистами и переданы американскому командованию. Американцы такой жест оценили. А Вьетминь оценил переданный Хо Ши Мину радиоприёмник. Благодаря ему лидер национально-освободительного движения был в курсе происходящего на мировой арене и вовремя заметил, что после атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки «Япония рухнула», а 13 августа 1945 г. японский император объявил о капитуляции своей страны перед лицом Объединённых Наций. А это означало, что на пути к завоеванию власти у Вьетминя нет препятствий: французы были разоружены японцами в марте 1945 г., а японская армия по приказу микадо осталась взаперти в казармах. Беспрепятственный путь к независимости был открыт. Поэтому-то захват власти в Ханое прошел бескровно.

На заключительных страницах книги автор пытается дать характеристику современных отношений Вьетнама с Россией и США. Д. Зусманович понимает, что здесь сравнение не в нашу пользу, и, тем не менее, старается найти позитив, но делает это весьма неубедительно, поверхностно рассматривая происходящее. Что стоит его эйфория по поводу роста российско-вьетнамского товарооборота по сравнению с началом 1990-х годов (с.131)! Иногда читателю подбрасывают и явную дезинформацию. Имеется в виду его утверждение о повторном открытии в 2016 г. российской военной базы в Камрани (с. 130). Никакой военной базы ни России, никакой другой страны на территории СРВ в настоящее время нет, что соответствует принципиальной позиции правительства страны. Видимо, автор спутал это с разрешением военным судам России заходить в порт Камрань. Но аналогичное разрешение есть и у кораблей других стран (США, КНР, Индии, Японии), и они этим пользуются.

Читая подобные книге Д. Зусмановича описания, задаешься двумя вопросами: зачем они написаны и изданы, и почему они столь некачественны как научное исследование. Можно предположить, что Д. Зусманович решил в силу молодого задора и характерного для этого возраста критиканства ниспровергнуть отечественную историографию советского периода (в книге неоднократно говорится о том, что не так писали С.Н. Афонин, Е.В. Кобелев, Ю.Я. Михеев) путем дополнения истории черными штрихами и «жареными» фактами.

Это не получилось в силу того, что автор явно не обладает тем багажом знаний, которые накопила отечественная наука по новейшей истории Вьетнама. Ведь чтобы воссоздать биографию политического деятеля, тем более такого уровня, надо представлять эпоху, в которую он жил, знать всю фактическую сторону, а не отдельно выдернутые из контекста документы и суждения. Д. Зусманович признается, что он не историк-вьетнамист и что не ставил перед собой задачу написать «полноценную» биографию Хо Ши Мина (с.8). Но зачем претендовать на роль ниспровергателя истин, если для этого нет соответствующих знаний и навыков? Поиск истины в истории требует кропотливого и долгого труда. И даже маленький факт не может быть оценен без знания всех его составляющих, связей в более широком контексте, всех доступных документов, его подтверждающих. Однако всё реже в молодом поколении историков встречаешь рыцарей науки, всё чаще сталкиваешься с охотниками за сенсациями.

Претензии есть и к издательству «Родина», которое пригласило в качестве рецензентов рукописи монографии ученых со степенями, но не замеченных своими трудами по истории и современной политике Вьетнама. Пригласили бы в рецензенты специалиста по Вьетнаму, и книга, возможно, стала бы настоящим научным исследованием, тем более что автор внес в неё ряд новых архивных материалов. Также дирекции издательство не мешало бы дать себе отчет в том, что в год юбилея Хо Ши Мина (в 2020 г. отмечается 130 лет со дня его рождения) выпускать книгу, в которой обсуждаются домыслы и спекуляции по поводу биографии первого президента независимого Вьетнама, например, количество его жен, мягко говоря, неполиткорректно.

Список литературы

- Афонин С.Н., Кобелев Е.В.* Товарищ Хо Ши Мин. М., Политиздат, 1980. 239 с.
Кобелев Е.В. Хо Ши Мин. М.: Молодая гвардия, 1979, 1983. 366 с.
Хо Ши Мин. О Ленине, ленинизме и нерушимой советско-вьетнамской дружбе. Избранные статьи и речи. М.: Политиздат, 1970. 328 с.
Цветов П.Ю. Вьетнам – США: Зигзаги истории // Азия и Африка сегодня, 2001, № 10. С.12–14.
Nguyễn Văn Hoàn, Lê Tung Lâm. Lịch sử thế giới: một cách tiếp cận (*Нгуен Ван Хоан, Ле Тунг Лам.* Мировая история: еще один взгляд). Hà Nội, 2014. 348 tr.

Для цитирования: Цветов П.Ю. Сенсация, которой не могло быть // Вьетнамские исследования, сер. 2, 2020, № 2. С. 100–105

Автор:

Цветов Петр Юрьевич, к.и.н., доцент, Дипломатическая академия МИД России.
 SPIN-code: 7000–1559. E-mail: proviet99@mail.ru

Продвижение статьи:
 Дата поступления: 30.03.2020
 Принята к печати: 25.05.2020

References

- Afonin, S.N., Kobelev, E.V.* Tovarishch Ho Chi Minh (Comrade Ho Chi Minh). M., Politizdat, 1980. 239 s.
- Kobelev, E.V.* Ho Chi Minh. M.: Molodaya gvardiya, 1979, 1983. 366 s.
- Ho Chi Minh.* O Lenine, leninizme i nerushimoy sovetsko-v'etnamskoj družbe. Izbrannye stat'i i rechi (About Lenin, Leninism and indestructible Soviet-Vietnamese friendship. Selected articles and speeches). M.: Politizdat, 1970. 328 s.
- Tsvetov, P.Yu.* V'etnam – SShA: zigzagi istorii (Vietnam – USA: zigzags of history) // Aziya i Afrika segodnya, 2001, № 10. S.12–14.
- Nguyễn Văn Hoàn, Lê Tùng Lâm.* Lịch sử thế giới: một cách tiếp cận (World history: an approach). Hà Nội, 2014. 348 tr.

For citation: *Tsvetov, P.Yu.* (2020). A sensation that could not be caused. Russian Journal of Vietnamese Studies, series 2, No.2. P. 100–105

Author:

Tsvetov Petr Yu., PhD (History), Associate Professor, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs (MID) of Russia. SPIN – code: 7000–1559. E-mail: proviet99@mail.ru

Article history:

Received: March 30, 2020

Accepted: May 25, 2020

Научное издание

ВЬЕТНАМСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
СЕРИЯ 2. 2020, № 2

Выпускающий редактор: Никулина Е.В.

Редактор: Иванова Н.И.

Работа с сайтом: Казаков О.И.

Дата публикации: 29.06.2020

Контакты:

Адрес: Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32. ИДВ РАН

E-mail: vietnamjournal@yandex.ru

Тел.: (499) 124 08 33

Уважаемые читатели!

Электронные версии книг, издаваемых ИДВ РАН,
размещаются в электронной библиотеке со свободным доступом
на сайте: <http://www.ifes-ras.ru>